P19 Cp II 167/1.1

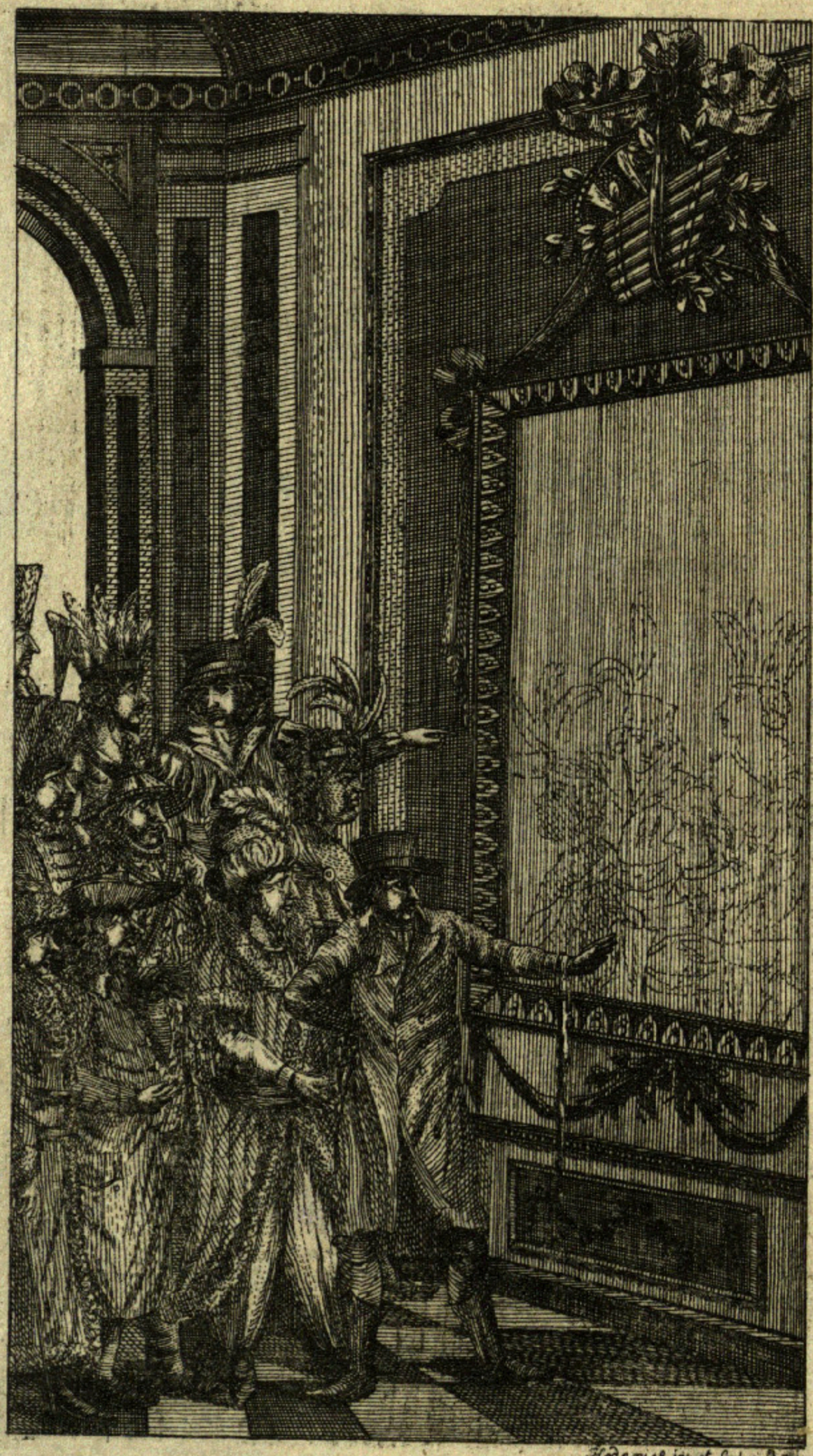
~~P II 120~~

Изъ Кни

Антоні Катмарц
Сл: Крол: Шав: Судей
Закл: Нотар

и Будиму дне 8го Апрѣля 830.

БИБЛИОТЕКА



Благїя нравы снискати ищутъ.

РII 120 РЛ9Ср II 164/1.1

ПОВѢСТЬ

ДРЕВНИХЪ АБДЕРИТОВЪ,

ГОСПОДИНОМЪ ВІЛАНДОМЪ

СОЧИНЕННАЯ.

246

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

Коя I-*ву* II-*ру* и III-*тую* Книгу у себи содержаетъ,

НІКОЛАЕМЪ же ЛАЗАРЕВИЧЕМЪ

съ

Нѣмецкаго преведена.

ВЪ БУДИНѢ ГРАДѢ,

Писмены Кралевскаго Унїверсїтета

1803.

БИБЛИОТЕКА А. ИВИЋА
СУБОТИЦА

Инв. бр. 209917

Библиотека Матиче Српске у Новом Саду

ЕГО

БЛАГОРОДІЮ ГОСПОДИНУ

ПЕТРУ

ОТЪ

АССИ-МАРКОВИЧЬ,

МОЕМУ же ТЕПЛѢЙШЕМУ

БЛАГОДѢТЕЛЮ.

ΠΑΤΡΟΛΟΓΙΑ

ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΤΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ

ΑΓΙΟΓΡΑΦΙΑ

ΤΟΥ

ΠΕΡΙΕΧΟΥΣΑ

ΤΟΥΣ ΒΙΟΥΣ ΚΑΙ ΤΑ ΕΓΚΩΜΙΑ

ΤΩΝ ΑΓΙΩΝ

ΤΟΜΟΣ

БЛАГОРОДНЫЙ ГОСПОДИНЕ,

Славы достоиный Благодѣтелю!

Едва што э покой крила своя распрострео быо, во еже бы ми мало отпочинути, едва штосу силе мое душевне себе мало укрѣпиле, и едва што э изъ рукъ моихъ исторгнутое перо мало засушило было; кадъ э на еданъ кратъ, еданъ точїю щедролюбивый взоръ Вашего Благородїя све мое душевне силе паки на ново собрати заповѣдїо, и повѣсть древнихъ Θракїйскихъ Абдеритовъ на матернемъ языцѣ списати мени наложїо. Полнъ радости и веселїя узе-

осамь

БИБЛИОТЕКА

осамь дакле ово нечувственое орудїе у руку мою, и совершїо самь мени наложеное дѣло сѣ великою ревностїю и тако точно, коликосу годь душевне крѣпости мое могле, кое э такожде и преуспѣло благощастно. Нїе могао искренный обитатель персей моихъ своя чувствованїя перомъ неозначенна изоставити, и Вамъ за издатокъ Абдеритовъ у лицу всѣхъ прочихъ разумныхъ достойно благодарити: и ову найкраснїю добродѣтель, благодарность, у любве,, и щедролюбїя,, полное нѣдро Ваше излити. Истину да рекнемъ: я овакову безпредѣлну любовь и горящую ревность къ роду своему їошть никодъ кога искусїо нисамъ. О дабы Богъ дао, дабы рѣдкость ова и сва проча Сербска преобладала сердца! и дабы жертва ихъ предъ олтаремъ Музахъ у полному пламену неугасимо горѣла! Но сво за све Серблѣ їошть нечувенне радости! Юность э Сербска у кратко природну способность свою осведочила, коя овимъ небеснымъ вооруженна даромъ, юности всѣхъ прочихъ народовъ въ Наукахъ не точїю соревнуетъ полно, но и у мно-

гимъ

гимъ отъ нея отликуется, Кояће Славено-Серскїй вертоградъ нашъ трудолюбїя своего росою, сирѣчь вѣжествами прїобрѣтенныхъ Наукъ орошати, и благїя того плоды произвести. Ове дарове небесне хоће всякїй добромыслящїй Серблинъ у будущая славити и болше цѣнити знати, ербоће скорымъ временомъ сладость плода отъ Божественныхъ Наукъ проиходяща ощутити моћи. Мыслимъ даће їоштъ еданъ кратъ Славенска на орїзонту возсїяти просвѣщенїя звѣзда. Времена есу премѣнамъ подложна, о тому се сумняти нїе, како штоће и ова повѣсть Абдеритовъ, безсмертнымъ Господиномъ Вїландомъ списанная, и садъ Вашимъ драговолно жертвованымъ иждивенїемъ на матернїй языкъ преведенная и на тѵпъ изданная свакога о томъ увѣрити полно: Гдѣ э та кадгодь славна Республика Абдеритовъ? Гдѣли непрестанно свѣщенниками Штробиломъ и Штїлбомъ защищаеме жабе Латоне? — — — да э све суета, да э све мечтанїе. Само добродѣтели и свѣтлая дѣла великихъ мужевъ, коисе нису о суетномъ, него о тако-

вими

вими добродѣтелми трудили. Они есу садъ вѣнцемъ безсмертїя увѣнчани, у коихъ число, како што видимъ, и Вы присовокуплени быти труждаетеся непрестанно. Ербо гордость, богатства и пищна слава, нису у очїю мудрыхъ ништо друго, нежели само една дѣтска забава. Ова у сердцамъ мудрыхъ мѣста не имуть. Али ово и есу, истину да рекнемъ: душу и тѣло убывающи пороцы многихъ безчисленныхъ смертныхъ! Дозволите дражаишїй благодѣю, да Вамъ штогодъ мало о гордости и суетной слави на листѣ семъ предложимъ, и таковое съ дѣли великихъ мужевъ сравнимъ, коеѣу я безпристрастно означити, и мыслимъ, да неѣе Вамъ неугодно быти. Гдѣсу древнїя Пираміди и чести великимъ мужемъ воздвиженїя олтари? Зубомъ времене изчорвани, мѣсто ихъ у купину и тернїе сраслося, лежатъ подъ землею попрани, ни къ чему выше полезни. Палати безумныхъ гордостей у прахъ и пепелъ сатрени, Палмїра инногда — — — Олтарь обаче, кои э Вамъ за ревность Вашу веѣь скоро воздвигнутъ, и когасте Вы праведно заслу-

служили, нїе отъ суетныхъ, нїе отъ тлѣнныхъ вещей созданъ; Онъ есть вѣченъ, онъ есть нерушимъ. Имя Ваше хоће послѣ многихъ тысящъ лѣтъ подъ срушенїями многихъ Вївлїоѳикахъ їоштъ и подъ землею сохранено, новими народми случайно ископано, и паки на неизброенная лѣта почитаемо и прославляемо быти. Писмя есть имя безсмертное! Ето Вашего всепревозшедшаго дражаишїй благодѣтелю награжденїя; кое само таковїи лучомъ небесномъ просвѣщени, и даромъ естественымъ вооруженни дуси себи снискати и зслужити знаютъ. Не могу сердцу одолѣти, башъ акоћу Вамъ и досаданъ быти, о овому злому пороку смертныхъ їоштъ еданъ кратъ узданути. О презрѣнна суето, къ чему не развращаешь ты кратковиднаго смертнаго! їоштъ и послѣ смерти желишь ты презрѣнное мѣсто твое удержати. А што? Драгоцѣнныя мраморныя гробы, изъ коихће кадгодъ марва позднихъ народовъ воду пити (истина: и овоће быти една мала, само за марву полза) златомъ изображенныя надгробныя стїхи, кое ты смертный

нити

нити читати, нитисе о нима, акобыте возбудили, расплакати можешь; и штаѣесе послѣ многихъ вѣковъ, ако оваковїи мраморни ковчези случайно изъ срушеннїй своихъ ископани будутъ, у ныма ино что нежели смердящїй пепелъ, или можетъ быти, случайно башъ у мраморъ окамененїя кости суетнаго расточителя обрѣсти, кои имя свое между живущимъ свѣтомъ потомства нїе оставїо, но съ собомъ у тавность гроба на вѣкъ затворїо. Іоштъ стоятъ древныя веѣь полу срушеныя, болшая часть пресмикающимъ гадомъ наполненыя Пїрамїди Егѵпетскїя *) аки гордая погребалища Кралевъ Егѵпетскихъ, но другихъ никаковыхъ владѣтелемъ приличествующихъ великихъ дѣлъ нису Пїрамїди Егѵпетскїя великому Бонапартѣ показати могле, кадъ э онъ у едной реченныхъ Пїрамїдъ у содружеству Беговъ и Каирскаго Муфти, окруженъ Дервишми и Иманми на гробъ Фараоновъ (позднаго потомка иногда погнавшаго

*) По оному изъ Егѵпта у Парїзъ и Абибургскимъ вѣстникомъ сѣмо присланному извѣстїю.

шаго Ісраилтянъ Фараона) сѣо, и Муф-
тію, усмотривши еданъ на страни зла-
томъ у стѣни изображеный надгробный
надписъ запитао „ чій э оно онде Епїта-
фїумъ „ и Муфти нѣму смиренный до зе-
млѣ учинивши поклонъ отговорїо: Госпо-
дине! Зубъ времене есть писмена овога
Епїтафїума вѣкъ више отъ полакъ исчор-
вао и онъ полнэ прочитатисе не можетъ.
О непостижимая пространносте времене!
вѣкъ и у Пїраміди сохранени Епїтафїумъ есть
исчезнуо! Али съ писменми рукописа было
э лепше, нежели съ ними у камень изсѣ-
чениии устроено. Муфти э нѣму у Вївлїо-
ѳики разная древнихъ сѣдинъ рукописанїя
велике и нечувене рѣдкости показао; ербо-
су такова отъ рода въ родъ обновляема и
досадъ сохранаема была, у коимасу имена
и дѣла великихъ Егупетскихъ мужевъ на-
шли. О любимое безсмертное имя писмене!
было ты каковаго ни будъ языка; или на-
рода, тыси вѣчно, тыси само безсмертно,
можетъ ктому сказать, тко што хо-
ће. Ето какову похвалу дѣла славныхъ и
великодушныхъ мужевъ, каковуюли гор-

достъ

дость и суета у позднаго болше просвѣщеннаго потомства налазитъ. И шталису такова зданія суетныхъ гордостей? Ничто ино, нежели на краткое время суетная слава, за тимъ паки на долгое время гнѣздо гадовъ, и найпослѣ срушенна конечно, терніемъ и глогомъ зарасла зміевъ пребивалища у прахъ сатренна! Али живый каковый олтарь между человѣчествомъ воздвигнути есть вѣчная, есть безсмертная слава. Тоѣе вѣчно неугасимое кандило потомства у полному пламену горѣти. Гдѣ э и еданъ у цѣлому народу нашему, кои э 7мь полезныхъ книгъ овакове важности, кромѣ Васъ, собственнымъ иждивеніемъ своимъ на общу славу и ползу народню на свѣтъ издао. Нису ово никакове багателе оволико тысящъ форінтовъ издати. Нису ово на вѣкъ изоставши пренумеранти. Али доиста есть ово и много славніе, нежели процесми себе у очевидную пропасть конечно опровергавати; изъ кое причине морамосамь ову красну бесѣду, коюсамь много кратно отъ многихъ говорити чуо, овде за споменъ ставити. „ Та и кошулуѣу

съ

ѣ себе свуѣи и Адвокату дати, само да-
мусе осветити могу„ пакъ што э їошть и
жалостніе чути! їошть и при смертному
часу хоѣу дѣтету моему препоручи-
ти, дасе на нѣговому дѣтету осветити
имать! О красная добродѣтели хрїстіан-
ская отъ Варваръ прїемленная осветo! (Ед-
на точїю на репу очеплѣна змїя препору-
чуетъ другой осветe ради угрызакъ не
изоставити). Али какову книжицу поле-
зну себи и дѣтемъ своимъ у домъ купити,
о! то э весма скупо, како дабыму она пи-
щу и питїе захтевала. Другїи народи и-
щутъ полезныхъ или поне увеселяемыхъ
книгъ, а не све непрестанно суетности
куповати. Опростите дражаишїй благодѣ-
телю, дасамсе я усудїо ова просподушна
чувствованія сердца моего у Ваше любве
полное нѣдро излити. Я знаю гдѣсамь ихъ
препоручїо. Бачкаго вертограда любезному
цвѣту, коему я како годь и Вамъ всегда
благодарностъ мою отдати долженствую,
десе машимъ съ Вашимъ дозволенїемъ ове
любезне матере само еднимъ потезомъ мо-
его пера, коя э їошть подъ Римляни, у ве

лико-

ликому почитанїю и слави цвѣтала: Овога у окружности своей доста маленога али весма свѣтлога княжества, овога прекраснога благодатїю небесною орошеннаго и свакимъ изобилїемъ земнымъ наполненаго вертограда, Вашега отечества: кратко вертограда Алцїнуса, садъ вѣчь Парнаса Елїкона Сербскаго, гдѣ э кадъ годъ самъ Марсъ живїо, тамо э садъ Аполло обиталище свое пренео, и ако їошть икада Сатурнъ съ временми своими тамо преселитися соизволитъ, О! ткоће онда ову солюбовницу самога Елїсейскога поля сносити моћи, Вашега отечества, коего херое странна царства їошть и садъ у пѣснемъ пѣваютъ, Вашега отечества, кое э отъ половине овога вѣка у народу Сербскому найславнїе родило Муже; Вашего отечества, овога свимъ страннымъ свагда отвореннога гостолюбивога дома Авраамова. Вашего отечества, ове любвеполне, ове незабвенне, ове сладке матере щедролюбивыхъ Сербскихъ Космополїтовъ. Еднога овихъ Космополитовъ Вашега отечества обаче, овога великога праунука

Арї-

Арїстотелева, достойнога ученика Цїцеронова, овога неутрудимога Управителя Сербскихъ училищъ свѣтлога Княжества Бачкога, коего э рѣдке заслуге наставленїя и просвѣщенїя юности милостивѣишїй Монархъ признао, и сугубимъ награжденїемъ обдарїо, Авраама Благороднаго отъ Мразовичь нисамь могао овде, обще славе и величанїя ради, безъ упомена оставити. Юносте Сербская свѣтлога Княжества Бачкаго! исплети Аврааму фїнїковы вѣнецъ и нѣга съ таковимъ предъ Богомъ и человѣки торжествено увѣнчай. Онъ э то праведно заслужїо. И истину да рекнемъ, да небысамь ни до године готовъ быти могао, кадбысамь добродѣтели и рѣдке таленте само оныхъ мени познаныхъ Космополитовъ свѣтлога Княжества овога описати имао. И сожалуемъ, што я любимое отечество Ваше, кое э и мене изъ праха, или право да рекнемъ башъ изъ гроба двигло, въ знакъ вѣчнога благодаренїя сердца мога онако озачити нисамь могао, како што э душа моя нѣга изобразити желила. Прїимите прошу усердно за

благо

благо и знакъ вѣчне благодарности и признанства моего ову малую Вамъ, отечеству Вашему сасвимъ въ немъ живущымъ великодушнимъ Космополитомъ принесенную жертву

Вашего Благородія

Въ Будинѣ градѣ 30 Іулія 1800.

Преданнымъ слугою,
Нїколаемъ Лазаревичъ.

АБДЕ-

АБДЕРИТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

или

ДЕМОКРИТЪ МЕЖДУ АБДЕРИТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предваряюща извѣстїя о началу града Абдере и характеру нѣговихъ жителей.

Древность града Абдере у Трацїи, губится у баснословномъ хероичества времену. Такожде можетъ намъ и то равносилно быти, ели онъ имя свое отъ Абдере, сестре познатога Дїомеда, краля Тетонскихъ трацїеровъ,*) — кои э тако велики любитель отъ коняхъ быо, и ны толико много содер-

* Солїнъ полисто 2. X.

державао, да э напослѣдокъ онъ и сва земля нѣгова отъ множества нѣговихъ коняхъ изѣденису были, **) — или отъ Абдеруса штале назирателя овога краля, или отъ нѣкога другога Абдеруса, кои э любимацъ Херкулесовъ быти имао, примїо. Абдера э была послѣ нѣколико вѣкова первога свога основанїя, отъ саме старости опетъ срушена: кадъ э Тїмезїусъ отъ Клацомене у време тридесетъ перве Олїмпїаде, предузео нѣга опетъ правити. Дивїй Трацїери, кои никакови градова у своему сосѣдству воздвигнути нису допустити хотели, нису нѣму ни времена дочекати дали, дабы онъ плодове труда свога уживао. ***) Онису нѣга опетъ отерали, и Абдера остала э опетъ необытаема и несовершенна, докле отъ прилике при концу 59*те* Олїмпїаде, жители Іонскога града Ѳеоса — што волѣ имали нису побѣдителю Кирусу подложитисе — на лађе потишли, у Трацїу отплили,

** Палефатусъ у книги свеи отъ невѣроятнихъ вещехъ изяшнява овимъ начиномъ басну, да э оваи владѣтель конѣ свое месомъ человѣческимъ кормїо, и ныма послѣ самъ Херкулесомъ за ручакъ баченъ быо.

*** Херодотъ I. 48.

нлили, и будуħи дасу они у едному найплодоносныхъ предħловъ такове ову Абдеру веħь созидану и готову нашли, и такове аки едне изостављне и никому надлежаще вещи дочепалисе, такожде себе у нїози противо Трацїческихъ Варваровъ тако добро утемелили, дасу они и ныни потомцы веħь отъ садъ Абдеритами називалисе, и нħку малу свободну державу чинили, коя э (како и многи гречески градови) двоезначна средствена вещь Демокрацїе и Арїстокрацїе была, и тако управляна — како штосу свагда мале Републике управляеме быле.

„ Къ чему (вичутъ наши читатели) ово ништа значаще описанїе начала и судбинъ градиħа Абдере у Трацїи? Што э нами до Абдере? што намъ у тому лежитъ знати или незнати, када, како, гдħ, зашто, отъ кога, и къ каковуму концу еданъ градъ, кога веħь давно на свħту неима, могао э созиданъ быти.

Претерпитисе благосклони читатели! претерпитисе, докле мы, преħе нежели штоħу я далħ повħствовати, о нашимъ уговорамъ уединħни будемо. Сохрани Боже, дабы вы наговарани были Абдерите читати, кадъ вы башъ што годъ нуждніе чи-

нити, или што годѣ болѣ читати имате! — Я морамъ едну проповѣдъ учити. — Я имамъ болеснике посѣтити — Я имамъ извѣтъ едно соизволѣнїе, изясненїе и едно понизнѣйше извѣстїе учинити. — Я морамъ повѣдствовати — мени недостаютъ їошть 16. листовъ отъ онихъ четирехъ Алфавїтовъ, коихъ моему издателю до 8 *мь* днеи одати морамъ. — Ясамъ купїо супругъ воловъ. — Ясамъ пояо жену. — У име Божїе! учите, посѣщаваите, референрайте, проповѣдаите, преводите, купуите и радуитесе! - Посломъ обтереѣени читатели рѣдкосу добри читатели. Часъ допадаимсе све, часъ ништа; часъ разумѣваютъ насъ половину, часъ башъ ништа, часъ (што э наихрѣавїе) неправо. Тко хоѣе съ радостїю и ползомъ читати, мора башъ ништа друго нити чинити нити мыслити имати. И акосе вы у овому падежу находите, зашшонебысте вы два или три мїнута на то употребити хотели, штогодѣ знати, што э Салмазїуса, Барнеса, Баила, — и да бы искренъ быо, мене самога Сербоми у право време нїе пало наумъ, членъ Абдере у Баилу премештнути,) равно толико много часовъ стаяло? бысте-ли вы мене терпѣливо послушали были, кадбы я вамъ повѣсть о Кралю Бохемїе, кои

э

э седамъ увеселителнихъ дворовъ или повѣсть оныхъ трїю Календаровъ исказивати почео.

Абдеритису дакле, (слѣдствомъ онога што э већь о нима упоменуто,) еданъ тако утончани, животни, остроумни и мудры народъ быти морали, нежели што э икада какови други подъ солнцемъ живїо. —

„ А зашто э то?,,

Оваи вопросъ неће намъ безсумнѣ отъ научени изъ между нашихъ читателеи учинѣнъ быти. Али ткобы хотео книге писати, кадбы сви читатели тако научени были, како што э писатель? Вопросъ зашто э то, есть свагда весма разумни вопросъ. Онъ заслужава, гдѣ бесѣда о человѣческима вещма бываетъ, свагда отвѣтъ; и тешко оному, кои очаятеленъ, или посрамнѣнъ, или невоздержанъ бываетъ, кадсе онъ на ову бесѣду зашто то споразумѣти дати мора. Мыбысмо отъ наше стране отвѣтъ и безъ закгеваня дали были, кадъ небысу читатели тако нагли были. Ево овде э онъ.

Ѳеосъ быо э Аѳинско поселенїе (Collonia) отъ оныхъ дванаесть или тринаесть едно, кое э подъ предводителствомъ Не-

леуса,

леуса, Кодрусовога сына, у Іонїи расплодѣно было.

Аѳиняни былису отъ начала бодры и духобогати народъ, пакъ есу и садъ, како штосе сказуетъ. Аѳиняни у Іонїу преселѣни добивалису подъ краснимъ Небомъ, кое ову отъ нрави украшену землю преливаетъ, какогодъ Бургундска лоза съ пресадѣнїемъ на предгорїю. Отъ свїю другихъ народовъ цѣлога земнога круга былису Іонски Грецы любимцы музахъ. Хомеръ самъ было э наивећомъ вѣроятностїю башъ Іонїеръ, Еротїческе пѣсне; Мілезїнске басне (предтече нашихъ новинъ и Романовъ) признаютъ Іонїю за свое отечество. Хораць, Грековъ Алцеиусъ, горящая Саффо, Анакреонъ, пѣваць — Аспазїа, учителница, — Апелесъ, иконописаць — красотъ, былису изъ Іонїе. Анакреонъ было э башъ рождени Ѳеїеръ. Оваи послѣдни могао э рецы юноша отъ 18*тъ* лѣтъ быти (ако э иначе Барнесъ право исчислїо) кадсу нѣгови сограждани у Абдеру пошли. Пошао э и онъ съ ныма; и за доказателство, да онъ свою любве Боговомъ посвященую Лvру нїе и за себе оставїо, пѣвао э онде пѣснь нѣкой Трацїческой дѣвицы (изъ Барнесовога списанїя 61*ву* у коеисе нѣки извѣстни трацїчески

ційчески гласъ съ Іонскомъ красотомъ, коя э нѣговимъ пѣснама своиствена была, на нѣки са свимъ особни начинъ изражавао.

Тко небы помыслїо, Θеїери — у первому своему началу Аθиняни — толико дуго времена у Іонїи удомлѣни — сограждани Анакреона, да небысу такожде и у Траџїи карактеръ духобогатога народа удержали? Али (што э такожде узрокъ отъ тога быти могао) противочастїе есть кромѣ сумнѣнїя. Едва штосу Θеїери Абдеритами постали, тосу они абїе испали изъ онога нрава, не дабысу они свою прећашню животность сасвимъ изгубили, и себе у онакова созданїя премѣнили, како што Іувеналъ ны обвынуетъ *) Нына животность примила э само нѣку чудесну теченїя управу, и ныно воображенїе добыло э тако велики скокъ верху ныне памети, да овои никада више нїе можно было, таковое доспићи. Абдеритомъ нїе никада, но домышлѣнїяма недостояло; алису рѣдко нына наумнѣнїя, на оне способе сходна была, гдѣбы ихъ употребити валяло, илису текаръ онда онамо доспѣла, кадъ э спо-

*) Іувенала Сатїра.

способъ къ тому вѣчь прошао быо. Бесѣдилису много, али никада неразсуждаваюћи нимало, шпасу говорити хотели, или какосу то сказати хотѣли. Нравно э слѣдство дакле отъ тога было, дасу они рѣдко кадъ уста отворили, да небысу штогодъ лудо сказали. Нанесрећу простреосе оваи зли обычаи такожде и на нына дѣла. Ербо, обыкновено затворилису они онда кавезъ, кадъ э птица вѣчь излетила была. Ово э на ны укоръ безумїя нанело; али э опетъ искуство показало, да ныма болѣ нїе ишло башъ кадсусе и размышлявали. Акосу они (кое э често бывало) гдѣгодъ какови глупи поступакъ учинили, то э свагда оттудъ произишло, ербосу они што отвыше добро и лепо учинити хотѣли, и кадсу они у дѣли нынога общега добра долга совѣтованїя держали, тосе безсумнѣ очекивати могло, дањеду они отъ свїю возможни заключенїяхъ наилошїе изабрати и притомъ остапи.

Напослѣдокъ посталису они за притчу между Грецы Абдеритовъ наумнѣнїе, Абдеритовъ поступокъ, было э кодъ овыхъ отъ прилике оно, што э кодъ насъ единъ шаливчина, или кодъ Хелвецїеровъ Лиленбурски ударацъ, и добри Абдерити нису изоставляли, ругателѣ и посмѣятелѣ свое

довол-

доволно съ богатоумними смешностми овога начина снабдѣвати. Засадь могутъ отъ тога еданъ паръ прикладовъ служити: Еданъ кратъ дошло э ныма на паметъ, да градъ еданъ овакови како што э Абдера достоинимъ начиномъ еданъ лепъ бунарь имати мора, такови дакле на нынои великои пїяцы направитисе да имать, и за издатокъ трошковъ нови данакъ дасе учинитъ. Далису нѣкога славнога Ваятеля изъ Аѳине довести, да бы стубъ велики отъ штатуа и образовъ направїо, коиѣе Бога моряхъ на еднои съ четирми морскими коньми запрегнутои колесницы, съ Нїмфами, притонми и Делфїнми окружена представляти. Водени кони и Делфїни да имутъ множество воде на носъ издавати. Али кадъ э вѣчь све готово стаяло, видѣлосе, да э едва воде доволно было, чимбисе само цыгло еднога Делфїна носъ поквасити могао; и кадсе вѣчь цѣли посао у дѣиство ставїо, то другоячїе нїе изгледало него како да бы сви водени кони и Делфїни кїявицу (или балабанъ) имали. Да небы дакле изсмѣяни были, далису цѣли столпъ оваи у храмъ Нептуна отнести; и колико э често быо такови комугодъ страному показанъ, сожаливао э свагда храма назирателъ врло, у име сла-

славнога града Абдере, да едно оваково славно художества дѣло изъ скупоће естества неупотребляемо стаяти мора.

Други кратъ купилису верло прекрасну штатуу Венуса отъ Елефантовъ костїю начинѣну, коясе помежду отмѣними художества знацы Праксїтелеса броила. Была э отъ прилике 5 стопа высока и дасе имать на олтаръ любве Богини поставити. Кадъ э веће донешена была, ставїосе савъ градъ Абдера у велику радость о красоти свога Венуса; ербосу Абдерити себе, за врло утончане познавателѣ и похищене любителѣ художествъ издавали. Она э красна, повикалису они сви единодушно, нежели дабы она на каковому снискому мѣсту стаяла. Отмѣна часть художества, коя граду Абдери много чести чинитъ, и много новаца стоитъ, неможетъ високо поставлѣна быти; она перви предмѣтъ быти мора, кои свакому страному, кои у Абдеру уће, у очи пасти имать. Къ слѣдству щастнога овога помисла, метнулису ову малу нѣжну штатуу на столпъ 80 *тъ* стопа высокъ; и колико што могуће ніе было познати, ели она Венуса или морскихъ пужевъ Нїмфу представляетъ, тосу они опетъ све стране исповѣсти принудили,

дасе

дасе ништа совершенїе нигдѣ видѣти неможетъ.

Мыслимо, ови приклади већь доволно показуютъ, дасе Абдеритомъ никакова неправда чини, кадсе они за мудре главе держатъ. Али сумнямо можетлисе какови знакъ помыслити, коибы карактеръ нынъ крѣпльше означити могао, нежели ово, дасу они (по свидѣтелству Іустїнуса) жабамъ около ныовога града толико много умножитисе допустили, дасу они сами напослѣдокъ принуждени были, нїовимъ крекещущимъ согражданомъ мѣсто учинити, и до истеченїя вещи, подъ храненїемъ Краля Касандра на треће мѣсто преселитисе. Ова несрећя нїе Абдерите неувѣщаемо постигла. Нѣки мудри мужъ, коисе между ныма находїо, сказао э ныма давно преће, даће то напослѣдокъ тако быти. Погрѣшка э доиста у самимъ средствама лежала, коимаби они овому злу предупредити могли, акосе они и никадъ до тога нису довести дали ово провидѣти. Што бы ныма абїе очи отворити морало, было э, дасу они текаръ нѣколико мѣсяцы отъ Абдере отишли были, кадъ э на еданъ кратъ множество ждралова изъ предѣла Гаранїе долетило, и ныне жабе тако покупило и са-

свимъ

свимъ истребило, да на нѣколико мїля около Абдере выше ни една остала нїе, коябы опетъ дошедшему пролѣтїю βρεκεκεκ κοαξ κοαξ на срѣтенїе пѣвала.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Демокрїтъ отъ Абдере. Ели, и колико нѣговъ отечествени градъ право имать о нѣму штогодъ мыслити или держати.

Никакови воздухъ нїе тако дебео, никакови народъ тако глупъ, никаково мѣсто тако неславно, да небы кадъ кадъ изъ нѣга какови велики мужъ произићи могао, говоритъ Ювеналъ. Пїндаръ и Епамїнондъ былису у Беоцїи рождени, Арїстотелъ у Штагїрїи, Цїцеро у Арпїну, Вїргїлъ у сеоцу Андесу кодъ Мантуе, Албертъ велики у Лавїнгену, Мартїнъ Луперъ у Аїслебну, Сїкстусъ V у селу Монталто кодъ Анконе, и еданъ наиболи Кралѣвъ, коису и кадъ живили у Пау у Беарну. Каковое чудо дакле, акое и Абдера, случаинимъ начиномъ честъ имала, да э наивећи естества испитатель древности, Демокрїтъ, между нѣзинима зидови животъ прїимїо.

Я

Я незнамъ какосе мѣсто кое оваковога обстоятелства послужити можетъ, да бы оно съ тимъ право и участїе на славе великаго мужа имало. Ткосе родити имао, мораосе гдѣгодъ родити; а проче све естество на себе прима; и я двоумимъ верло, ели, окромъ Лїкургуса, какови законодатель было, кои є попеченїе свое башъ до ОМУНКУЛУСА протегнуо, и све возможне уредбе учинїо, да бысе держави благоустроенна, красна и духобогатна дѣца одавати могла. Мы исповѣсти морамо, да у призрѣнїю овому Шпарта нѣкое право имѣетъ, себи съ преимуществи своихъ граждановъ честь учинити. Али у Абдери (скоро како и у цѣломъ свѣту) допустилису случаю и женїюсу духу управляти. — Natale comes qui temperat aſtrum.

И акое Протагорасъ*) или Демокритъ изъ средствъ ныныхъ произишао, то было є градъ добрый Абдера доиста на томъ тако и невинъ, као и Лїкургусъ и нѣгови

---

* Нѣки славни Софіста отъ Абдера (нѣчто мало стари нежели Демокрітъ) кога Цїцеро, Хїпїусу, продїкусу, Горїасу, и дакле наивећимъ мужемъ нѣговога заната на страну ставля.

гови закони, акосе у Шпарти каковЪ глупанча или лупешЪ родїо. Ово небреженїе коликосе оно державе краинѢ важне вещи дотиче, можетЪ. їоштЪ свагда мимоити. Естество акосе оно само безЪ нарушенїя или сметаня дѣйствовати пуститЪ, твориТЪ найвише сва далша попеченїя за успѣхЪ своихЪ дѣлЪ излишно. Али колико оно рѣдко заборавля свое любимое дѣло са свима онима способностми вооружити, изЪ коихЪ бысе совершени человѣкЪ изобразити могао, тое дакле ово исто изображенїе оно, што оно художеству оставля; и изостае дакле свакои держави їоштЪ способа доволно, себи право о преимуществахЪ и заслугахЪ своихЪ сограждановЪ задобити. Али такожде и овде попустилису Абдерити весма много отЪ ныне мудрости изгубити; и тешко бысе гдѣгодЪ каково мѣсто наћи могло, гдѣсе за воспитанїе и изображенїе внутреняго чувства, разума и сердца будущихЪ грађановЪ манѣ старало.

Изображенїе вкуса, и т. д. утончанаго, правилнаго и наученаго чувства свега краснога, есть наиболи темель и положенїе кЪ онои славнои Сократовои Калокагаѳїе или внутренѣ красоте и доброте душевне, коя любведостоинога, племенитодушнога,

бла-

благодѣтелнога, и благополучнога человѣка творитъ. И ништо ніе способніе ово правилно чувство красоте у нами изобразити нежели — кадъ све оно шшо мы іошшъ изъ дѣтинства видимо и чуемо лепо и красно есшь. У граду каковому, гдѣ художества наукъ у наивећему совершенству водима бываютъ, у каковому красно устроеному и съ художества частми изображаемихъ художествъ наполнѣному граду, у Аѳини рождену быти, ніе мала какова полза и користь; и акосу Аѳиняне у Платоновомъ и Менандровомъ времену више вкуса имали нежели тысяща другихъ народовъ, то они безъ сваке распрѣ зато отечеству своему благодарити имуть.

Абдера водила э у нѣкои Грческой притчи (о коея разуму научени по обычаю своему нису равногласни,) прозвище, съ коимъ Флоренціа по между Іпаліанскима градовми дичисе — Красная. Мысмо већь означили, дасу Абдерити любители красних художествъ были; и доиста у време нынога наивећега цвѣта то есть башъ онда, кадсу они на нѣкое време жабамъ мѣсто учинити морали, быо э градъ нынъ полнъ прекрасних зданіяхъ, богатъ на иконописшву и ваятелскимъ столпамъ, съ пре-

кра-

краснимъ позорищемъ, (Θеатромъ) музикалномъ сааломъ, (ωδειον) учрежденъ, кратко, башъ мала Аθина — кромѣ единаго вкуса. Ербо на несрећу прострласе нына чудновита нрави воля, о коеисмо горе говорили такожде и на нына поняттія о свему красному и пристойному. Латона, хранителна Богиня града нынога имала э наизлочести храмъ; Іазонъ, вождъ Аргонавтовъ, спроћу тога (коего златое руно они притяжавати сказивалису) наикрасни. Нынъ домъ градски имао э изгледъ какове Магазе, и башъ непосредствено предъ саломъ, гдѣсе о дѣли державни совѣщавало, ималесу све пилярице отъ Абдере, зелени воћя и яя свое мѣсто продаваня или торжище. Но спроћу тога лежало э Училище у коемусе юность нына у хрваню и саблїомъ управляню упражнявала на едномъ трегубомъ стубовъ реду. Овога Училища саала была э све сасамими образи совѣтовъ и съ штатуама у мирнима или дубоко замышлѣнима положенїяма украшена *) Зато обаче представляо э домъ градски оцемъ отечества едно їошть већма раз-

дра-

---

* Штосе овде о Абдеритами сказуетъ, сказуютъ и другїй старїи писатели о вароши Алабандусу S Cœl Rhodog Lect: Aut. L. XXVI cap 28.

дражителнѣе ока услажденіе. Ербо на ко-
юсу годѣ страну они у саали ныни обык-
новени засѣданіяхъ очи бацыли, сіялису
спроћу ны красни наги хрватели, или ку-
пящеся Дїане и спавающи Бахманти; и Ве-
нусъ съ своимъ любовникомъ у мрежи Вул-
кановой свима жителѣмъ Олїмпа на видѣніе
исставлѣне, (еданъ велики образъ кои э
спроћу сѣдалища Архонова висїо) быо э
свагда странима съ торжествомъ покази-
ватъ, коибы сталнога Потїуса самога перви
кратъ нѣговога живота смѣяписе прину-
дїо. Краль Лїсїмахусъ (говорилису они)
есть ныма шесть градовъ и предѣлъ еданъ
отъ много мїля за такови давао: али они
склонописе нису могли овакови славни о-
бразъ нѣму дати, и то кадъ э онъ башъ
умѣрену высину и ширину имао, чимъ э
едну цѣлу страну стѣне совѣталне саале
прекрилїо; и преко тога есть еданъ нынъ
художествъ судїя у пространому съ вели-
кимъ сладкорѣчїемъ напунѣной книжицы от-
ношенїе Алегорїческога разума овога изобра-
женїя на мѣсту, гдѣ оно стоитъ, зѣло
остроумно описао.

Мы небисмо скоро готови были, кад-
бисмо све неспособности отъ коихъ э ова
чудесъ полна Република кипѣла описати хо-

БИБЛИОТЕКА

тели. Али їошть едну неможемо никоимь начиномь мимоити; ербосе она еднога главнога члена нынога законоуложенїя дотиче, и немалое убавлѣнїе на карактеру Абдеритовь имѣеть. У древнимь временамь града быо э безсумнѣ слѣдствомь Орфїнове уредбе, Номофїлаксь, или хранитель законовь, (едно наистарѣишихь Магїстрата или совѣта лиць) купно и началникь пѣтїя при Богослужителнихь Коровь (ликовь) и Верховный Надзиратель музикалнаго существа. Ово э їошть онда свои добрый темель имало. Али долготомь времене премѣняваюсе темели законовь; ови бываю онда опаснимь исполненїемь посмѣятелни, и мораюсе дакле по премѣненимь обстоятелствамь прелипи. Али оваково разсмотренїе нїе Абдеритомь у главу дошло. Случавалосе често, да э Номофїлаксь избрань быо, кои э истина законе добро хранїо, али притомь или э херѣавь пѣваць быо, или оть музике нїе ништа разумѣвао. Штосу дакле Абдерити овде чинити имали? Послѣ многи засѣданїяхь и совѣтованїяхь установилису наипослѣ порядокь: наилучшїй пѣваць изь Абдера да имать у напредакь свагда такожде и Номофїлаксь быти; и притомь э остало, докле э годь и Абдера стаяла. Дабысу

бысу Номофїлаксъ и пѣвацъ два различна лица быти могла, ніе у 20 лѣ засѣданіяхъ ни еднои души наумъ пало.

Лако э дакле дознати, да э музїка кодъ овакови спрягнути вещи кодъ Абдеритовъ у великомъ почитанію стаяти морала. Свесе у овому граду съ музикомъ забаляло, све э пѣвало, у Флауту свирало и у Лаеръ бряцало. Нына благонравія наука и Полїтїка, нына Богословія, и свѣта знанство, было э на музїкалнихъ наукахъ основано; башъ и сами ныни врачеви исцѣлявалису болне гласа начиномъ и музїкалнимъ согласїемъ. Такосе далеко чинило ныма, штосе разсуждїяхъ допицало честь наивећихъ мудрецевъ древности Орфеову, Пїтагореву и Платонову задобити. Али у упражненію удалявалису они себе іоштъ далѣ отъ точности овихъ Фїлозофовъ. Платонъ истерао э све умилне и сладостне гласа начине изъ свое Републике; музїка да неимать нѣговимъ гражданомъ нити радости нити жалости напаяваши*.) Онъ э истерао съ Іонскима и Лїдїческима Хармоніяма све питія и любве пѣсне; башъ и сами музїкални Інштру-

 менти

* Плато о Републики кни: III. томъ опп II. Ли: 398.

менти чинилисусе нѣму равно силни, да э онъ много више, многоструне, Лїдїческе Флауте (свирале) аки погибелне вещи неистовства истребїо, и своимъ гражданомъ само Лаеръ и Цїперу, како годъ и паспиромъ и простому народу само у Караблицу свирати дозволїо. Овако точно и неумитно нису Абдерити Фїлозофїрали. Никакови начинъ гласа, никаковїй музїкални Іншструментъ ніе кодъ ныхъ исключенъ быо, и — слѣдствомъ нѣкога весма испинога, али отъ нихъ злоразумѣннога наукъ уложенїя, — доказивалису они: дасе све постояне вещи весело, и све веселе постояно творити мораю. Разширенїе ове максиме на музїку произвело э кодъ ны противоумна дѣиствїя. Ныне Богослужителне пѣсне звечалесу како годъ у лицахъ пѣсне; али опетъ зато ништосе красніе чути ніе могло нежели сладкогласїе ныне игре. Музїка предсшавлѣнїя какове жалосне игре была э сасвимъ смешна; но спроћю тога звечалесу ныне воене пѣсне тако тяшкодушно, дасу оне само за онакове люде умѣрене быле, кои већь на вѣшалахъ стоятъ. Ово противоумїе прострлосе верху свїю предмѣтовъ вкуса. Лаеръ э онда у Абдери за изряднога держанъ быо, кадъ э у струнѣ тако ударати знао, дасе мыслити

ши могло дасе флаута чуетъ; пѣвачица дабы заудивлѣнїе была, морала э тако извїяти и превраћати гласомъ, како годъ славуй. Абдерити нису о томъ никаковога поняттїя имали, да э музїка само толико дуго музїка, докле она сердце услаждава: онису удоволни были, кадсу само уши ныне прочачкане, или наимапѣ съ ништа значащими, али полними и често премѣняющими Хармонїями (сладкогласїями) замазани были. Еднимъ словомъ кодъ свїю ныни похищенїяхъ о художествахъ, нису Абдерити никаковога вкуса имали; и нису отнюдъ ни мыслили, да э штогодъ красно изъ вышега каковога основанїя красно, него башъ штоимсе тако произволѣвало.

Несматраюћи на све ово, могло э естество, случаи и доброе щастїе, съ совокуплѣними крѣпостми еданъ кратъ толико учинити, да э еданъ рождени Абдеритъ разумъ человѣчески добїо. Али наимапѣ исповѣсти морамо, кадсе таково штогодъ случило, то Абдера къ тому нїе нинаймапѣ помогла. Ербо э Абдеритъ быо порядочнимъ начиномъ толико дуго мудръ, докле онъ нїе Абдеритъ быо; —онаково обстоятелство кое намъ безъ труда постигнути даетъ, зашгосу Абдерити отъ онаковога по-

помежду своими граждани, кои нима у очима свѣта найвише чести чинитъ, свагда наймањ держали. Ово ніе было никаково ныныхъ обыкновенихъ противоумностей. Онису причину къ тому имали, коя э тако нравна, да бы неправедно было ны такове ради укоряваши.

Ова причина ніе была (као што нѣки мыслятъ) ербо они на примѣръ естества испитателя Демокрита — давно предъ тимъ, и прѣже него што э онъ велики мужъ постао — нису съ клисомъ и клыпомъ играюща или гдѣ годъ на трави прекоглаве преметанисе видѣли.

Такожде не: што они изъ зависти или ревнованія небису терпѣти могли, да бы ткогодъ изъ среди ныхъ мудріи было нежели штосу они. Ербо — при неложному надпису врата храма Делфїнова! ово размислити ніе имао ни еданъ Абдеритъ мудрости доволно, или онъ отъ тога часа небы више Абдеритомъ было.

Истини темель мои пріятели зашто Абдериши изъ нынога согражданина Демокрита нису много чинили, было э овай, ербо они нѣга за — никаковога мудрога мужа держали нису.

„ За-

„ Зашто не?
Ербо нису могли.
„ Зашто нису могли?„

Ербо бысу онда сами себе за лупоглаве держати морали. И то чинити нису они равно доволно противоумни были.

Такожде бысу они тако исто на глави играли, или мѣсяцъ зуби держали, или кругъ четвереуголнъ начинити могли, нежели дабысу онога, кои э у свему нынъ огорчитель быо, за каковога мудрога мужа держали. Ово происходитъ изъ нѣкога своиства человѣческога естества, кое э їошъ у Адамово време примѣтито быти морало, и равно будући да э Хелвеціусъ изъ тога дознао — што изъ таковаго слѣдуетъ, многимсе са свимъ ново учинило и кое їоштъ отъ онога времена више никому ново нїе, пакъ опетъ преко тога свакога часа у животу заборавлясе.

ГЛАВА ТРЕТАЯ.

Каковъ э мужъ Демокритъ быо. Нѣгова путешествїя. Дошао э у Абдеру на прагъ. Што э съ собомъ донео и како э примлѣнъ быо. Испитъ кои э съ нимъ предузетъ быо, и кои э башъ проба Абдеритскога разговора.

Демокрита — я немислимъ дашетесе каати, овога мужа ближе познати научити —.

Демокритъ быо э отъ прилике 20 година старъ, кадъ э онъ богатство свога отца нѣкога найбогатїега мужа у Абдери наслѣдїо. Намѣсто штобы онъ о томъ мыслїо, какоће онъ богатство свое прїимити или умножити, или на какови угодни и посмѣятелни начинъ потрошити, заключїо э овай млади мужъ, таковое къ средству — за совершенство душе свое употребити.

„ *Али штосу сказали Абдерити хъ заключенїю младога Демокрита?* „

Ови добрїи люди нису никада ни снивали, да бы душа какови други Інтересъ имала, нежели желудакъ, тербу и проче сложене часпи видимога человѣка. Дакле могао э ныма оваи поступакъ земляка доволно чудесанъ учинитисе. Али овое башъ было управо оно, отъ чегасе онъ найманѣ искушати нїе дао. Отишао э дакле путемъ своимъ и провео э 20 година све полезнимъ путешествїемъ, преко свїю земаля и острова, преко коихсе іоштъ онда путовати могло. Ербо тко э у нѣгово време мударъ быти хотео, марао э све собственима очи-

ма

ма видѣти. Іоштъ онда нїе было никакове Тѵпографїе (штампаня) Бїблїотекахъ, Магазїна, никакови катадневника Енцїклопидовъ, или какосе све ове вещи зову, съ коихъ помощїю садъ, незнаюћи како Фїлозофъ, художества судїя, Ауторъ и све знающи поститисе можетъ. Онда їоштъ была э мудрость тако скупа и їоштъ скупля нежели — красная Лаїсъ. Нїе сватко у Корїнтъ путовати могао. Число мудрецевъ было э весма малено; али коису были, былису такожде много выше.

Демокритъ нїе на тай конацъ путовао, да бы люде, обычае и законоуложенїя гледао, као Улїзїусъ; не само зато да бы священике и духовъ покорителѣ тражїо, као Плато; или да бы храмове, штатуе, образе и древности мотрїо као, Паусанїусъ; или да бы сажденїя, и звѣрове изображавао и у классе располагао, као Докторъ Саландеръ: него э онъ путовао, да бы естество и художество у свима нынима дѣйстви и узроцы, человѣка у нѣговои наготи и у свима нѣговима облаченма, и свлаченма, сурова и испослована, изображена и не изображена, цѣла и уштерблѣна, и проче вещи у свима нынима отношенїяма на человѣка познати научїо. Гусѣнице у Етѵопїи (рекао э Демо-

критъ

критъ) есу всячески само — гусѣнице. Што э една гусѣница да она перва, важна, едина наука человѣка быти мора? Али будући дасмо мы већь еданъ кратъ у Етѵопіи, то валя да мы свагда їоштъ и покрай други вещи такожде и гусѣницу промотримо. Има нѣки начинъ гусѣница у земли Серену, коя мїлїоне люди одѣва и рани, тко зна, можетъ быти да и на Нїгери такожде полезнихъ гусѣница имать?

Оваковимъ начиномъ мыслећи есть Демокритъ себи на своима путешествїяма таковое сокровище наукъ собрао, кое э у очима нѣговима све злато у сокровителницы Краля Індїйскога, и савъ Бїсеръ на врату и рукахъ нѣгови жена претегнуло. Онъ э познавао отъ Кедера Лївана до плесноће Архадическога Сира множество древесъ, кусторниковъ купинъ, зелїя, травъ и маховинъ не само по ныному виду и имену, рода и начина: него э онъ їоштъ такожде и нына своиства, крѣпости и добродѣтели познавао. Али што э онъ тысящу крати више нежели сва проча вѣжества цѣнїо, онсе свагди, гдѣе нашао да труда заслужава задержатисе, наймудрїе и наилучше муже познавати учїо. Скоросе обаче показало, да э и онъ отъ тога истога поколѣна быо. Онисусе

сусе дакле нѣговими содружницы учинили, себе нѣму сообщили, и нѣму чрезъ то много труда заштедили, собственимъ прилѣжанїемъ, године дуго, оно и можетъ быти їоштъ и всуе тражити, штосу они съ трошкомъ и трудомъ, или такожде съ щастимъ начиномъ већь нашли.

Обогатѣтъ съ свими овими сокровищми духа и сердца дошао э Демокритъ послѣ путешествїя отъ 20: година къ Абдеритомъ натрагъ, коису нѣга већь скоро заборавили были. Онъ э было утончани славни мужъ; любованъ, и изощренъ како человѣкъ, кои э съ разними видами человѣковъ обходитисе научїо, быти обычествуетъ; доволно тавно жутъ у лицу; дошао э отъ концевъ свѣта, и есть еднога натушканога Крокодїла, еднога живога маймуна, и многе друге удивителне вещи съ собомъ донео. Абдерити нису за нѣколико дана ни о чему другому говорили; нежели о ныному согражданину Демокриту, кои э опетъ натрагъ дошао и Маймуна и Крокодїла съ собомъ донео. Али у нѣколико дана показалосе, дасусе они у ныному мнѣнїю о оваковому тако далеко путуюћему мужу весма у своему хесапу фалили.

Де-

Демокритъ э быо отъ онихъ бодрихъ мужевъ, коима э онъ между тимъ попеченіе своихъ имѣній вовѣріо, скоро у полакъ преваренъ, и абіе безъ свакога противорѣчія подписао э онъ хесапъ ніовъ. Нравнимъ начиномъ морало э ово доброму мнѣнію о нѣговому разуму перви ударацъ дати. Адвокати и судіе наиманѣ, коису о богатому процесу веѣь надежду учинили были, смотрилису съ примѣтителнимъ устезанѣмъ раменахъ, даѣе погибелно быти, онаковому человѣку, кои своему собственному дому овако хрѣаво строитъ, обще существо повѣрити. Но между тимъ нису Абдерити сумняли, дасе онъ неѣе у число просителей за ныне перве чести службе ставити. Веѣсу исчислили были, какоѣеду скупо гласъ волѣ свое нѣму продати; давалису нѣму дщеръ, унуку, сестру, нѣѣакиню, сестричну свасть за супругу; изброилису ползе и користи, коеѣеду они къ полученію овога или онога намѣренія отъ нѣгове славе имати, ако онъ еданъ кратъ Архонъ или священикъ Латоне постанетъ и: т: д: Алисе Демокритъ изясніо, да онъ нитиѣе совѣтникъ отъ Абдере, нити супругъ какове Абдериткинѣ быти, и уничтожіо э съ тимъ по други кратъ сва ны-

на

на намѣренїя. Надалисусе наименѣ сѣ обхожденїемѣ сѣ нимѣ у чему годѣ опщећени быти. Еданѣ мужѣ, кои э маимуне, Крокодїле и питоме аждае сѣ свога путешествїя собомѣ донесао, мараоби неизброено множество чудесни вещи исказати знати. Очекивалосе, дабы онѣ о 12 *тѣ* рифовѣ лугачкимѣ Россовомѣ и 6 *тѣ* палцовѣ високимѣ юродамѣ, о людма сѣ псећомѣ и магарчевимѣ главамѣ, о морскимѣ женамѣ сѣ зеленими власи, бѣлима Негри и плавими центаурми *) разговараписе могао. Али Демокритѣ лагао э тако мало, и доиста їоштѣ манѣ, као да небы никада преко Трацїческога Боспора Круга дошао быо.

Питалисуга, нїели онѣ у земли Гарамантовѣ люди безѣ главе нашао, кои очи, носѣ и уста на персѣхѣ носятѣ; и еданѣ научени Абдеритовѣ (кои никада изѣ между стѣнахѣ свога града изишао нїе, учинїосе као да небы ни еданѣ уголѣ на свѣту быо, крозѣ кои онѣ нїе прошао.) Показао э нѣму у великому содружеству, да онѣ или никада у Етиопїи быо нїе, коихѣ Краль

само

---

* Центаурусѣ, естьѣ трупѣ конски сѣ четирми ногами главомѣ человѣческомѣ и двѣми руками.

само едно око више носа имать, съ Самбери, кои свагда пса за Краля свога избираю, и съ Артабати, кои четвероножке ходять, каково познанство учинити морао. *) И акосте вы до краинихъ предѣловъ западнѣ Етиопїе дошли были, предначео э оваи научени мужъ далѣ, тосамъ я сасвимъ извѣстанъ, дасте вы народъ какови безъ носовъ нашли, и їошть еданъ други коего люди шако малена уста имуть, да они чорбу свою крозъ стабло отъ сламке сркати принуждени есу. **) Демокритъ заклеосе Касторомъ и Полуксомъ, дасе онъ опоменути можетъ, да э честь ову имао.

Али найманѣ, рекао э онаи, высте у Индїи люди нашли, коисе само съ едномъ ногомъ на свѣтъ раждаютъ, али несматраюћи на то, ради чрезвичайне ширине ныне ноге шако берзо по земли ходятъ, да ны на коню спигнупи нїе могуће *) и штоспе сказали къ тому, кадспе кодъ извора рѣке Ганга онакови народъ нашли, кои безъ сва-

---

* Пліни у естества повѣсти Кн: IV.

** Солінъ гл. 30. шакожде Пліній, мела, и други стари и нови, кои намъ сва ова чудовища человѣковъ, о коима э овде бесѣда, за дѣйствителна созданія Божія допустити никакове сумнѣ не имуть.

* Солінъ изъ Ктезеуса.

свакога другога кормлѣнія само отъ мириса диви ябука живутъ **)?

О искажите намъ опетъ, повикалесу красне Абдериткинѣ, искажите намъ, Господине Демокрите! Шта небысте вы намъ сказати знали, кадбисте само хотели!

Всуе заклињосе Демокритъ, да онъ о свима овима чудеснима людма у Етѵопїи и Индїи нитїе што видѣо нити чуо.

Али штасте видѣли, запитао э еданъ округли дебели мужъ, кои истина нитїе едноокатъ быо, као Агрїопаги, нити псећу нюшку имао како Цїмолги, нитїе очи на плећи носїо, како Омоптталми, нити отъ самога мириса живїо, како райске птице, али и доиста нїе више мозга у нѣговой великой тикви носїо, нежели мексїкански Колїбри, и да небы манѣ тога ради совѣтникъ отъ Абдере быо — Али штосте већь еданъ кратъ видѣли, рекао э Ванстъ, Вы коисте 20: година по свѣту ходили, кадъ вы отъ онога ништа видѣли нисте, штосе у далнима земляма чудесно видѣти можетъ?

Чудесно? рекао э смѣюћисе Демокритъ. Ясамъ сь естественимъ толико много

** Тан исти.

много посла имао, да за чудесно нимало времена оставїо нисамъ.

То и я исповѣдамъ, отговорїо э Вансть, то доиста и труда заслужава, сва моря, землѣ и берда прећи и ништа другога невидѣти, него штосе тако добро и кодъ куће видѣти можетъ!

Демокритъ нїесе съ людма о ниними мнѣнїями радо хинатити хотео, а найманѣ съ Абдерити; равно и то нїе хотео да бы башъ са свимъ тако изгледало, како да онъ башъ ништа небы сказати могао. Тражїо э изъ међу красни Абдериткиня, коесу у содружеству быле, едну, на кою бы оно у правити могао, што э сказати хотео; и нашао э едну съ двима великима Іуноне очима, коесу нѣга, противо нѣговога Фїзономїческога вѣжества развратиле, нѣговой притяжателницы штогодъ више разума или чувства повѣрити нежели прочима. Шта хоћете вы, рекао э онъ ей, да бы я на примѣръ съ едномъ женомъ, коя бы очи на челу или на лакту носила, започети могао? или штобыми то помогло, акобы я їоштъ тако у вѣжеству наученъ быо, сердце какове — человѣкоядице дирнути? Ясамсе свагда добро находїо, себе благой сили двухъ краснихъ очесъ, кои на природному мѣсту

свое-

своему стоятъ, одати, да небы никада искушеніе добіо, велико быково око на челу едне Циклопінѣ умилно или нѣжно гледати.

Ова красна съ великима очима, сумнителна, штаће онъ изъ ове бесѣде чинити, погледала э оному человѣку, кои э тако говорїо, съ нѣкимъ удивлѣніемъ у уста, и смѣюћисе показаламу э свое красне зубе, и погледала э на десну и на лѣву страну, башъ како да бы она разумъ нѣгове бесѣде тражити хотѣла.

Проче Абдериткинѣ постиглесу равно тако мало отъ тога; и будући дасу оне изъ тога обстоятелства, штосе онъ управо ко оной съ великима очима управіо быо, заключиле, да э онъ ей штогодъ красно сказао: тосусе дакле между собомъ свака собственимъ намергиванѣмъ гледале. Ова э чачкала мали кратки носъ, она э развукла уста удужину, пређа э скупила своя, коясу и безъ тога доволно велика была, четверта извалила э паръ очїю, пятая мергодиласе съ на страну окренутомъ главомъ и т: д: Демокритъ моторїо э све ово, опоменуосе обаче да э онъ у Абдери, пакъ э молчао.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Испитъ э далѣ предначетъ, и премѣнїосе у распрю о красоти, гдѣсе Демокритъ доволно зноїо.

Молчати — есть кадъ кадъ мудрость; али опетъ нїе никадъ тако велика, како што намъ нѣки люди вѣровати предлажутъ, дасмо онда наймудрїи, кадъ молчимо.

Ако кои мудри человѣкъ видитъ, да онъ само съ дѣцомъ посла имать, заштобисе за верло мудра мыслїо, по ныному начину съ нима разговоритисе?

Ясамъ заиста (рекао Демокритъ нѣговому любопитному содружеству) доволно искреннь быо, исповѣсти, да я о свему штосе отъ мене знати зактева, дасамъ я видѣо, ништа видѣо нисамъ: али зато немыслите опетъ, да мене на тако многима путешествїяма на води и на сувомъ ништа предсрѣло нїе, да я вашу любопитность небы удоволити могао. Вѣруйтеми дасу между тимъ онакове вещи, коеѣеду вами їоштъ чудеснїе быти, нежели оне о коимасмо веѣь говорили.

Кодъ ови рѣчи приступилесу красне Абдериткинѣ ближе и наоштрилесу уста и уши. Тосу веѣь еданъ кратъ рѣчи отъ

еднога

еднога путешествующаго мужа, повикао э нѣки кратки дебели совѣтникъ. Чело овога наученога исчистилосе съ томъ надеждомъ, даће онъ штогодъ за покудѣніе или исправлѣніе добыти, Демокритъ э могао сказати штому драго.

Ясамсе еданъ кратъ нашао у онаковой земли, започео э Демокритъ, гдѣсе мени тако добро допало, дасамъ я у онима двима или трима первима дневи, коесамъ онде провео, безсмертанъ быти желїо, дабысамъ свагда онде живїо.

Янисамъ никада изъ Абдера изишао, рекао э совѣтникъ; али я свагда мыслимъ, да никаковога мѣста на свѣту неима, гдѣбысе мени болѣ допало нежели у Абдери. И тако э исто самномъ, као съ вами у овои земли, гдѣсе вама тако добро допало; ябы съ великомъ радости на савъ прочи свѣтъ кртъ баџїо, кадбисамь само свагда у Абдери живити могао! Али заштосе вами само три дана дуго у онои земли допало?„

Выћете садъ абїе чути. Представите себи едну неизмѣриму землю, коея предивна и красна премѣна планинахъ, долинахъ, шумахъ, бердахъ, и поляхъ подъ непреривнимъ траяніемъ, вѣчнога пролећа и есени, сву-

да кудасе годѣ погледа, изгледѣ прекрасне и увеселителне башче даетѣ: све уређено и обливено, све цвѣтуще и плодоносно; свудѣ окресѣ вѣчно зелено, и свагда фришки ладови (сѣни) и шуме найкраснихѣ плодоноснихѣ древесѣ, шипковѣ, смоквѣ, цїтроновѣ, гранатовѣ, кои безѣ сваке раднѣ како годѣ у Трацїи жирѣ растутѣ; дубрави полни мѵра и шасмина; Амора и Цїтерене любими цвѣтѣ не на терню, како кодѣ насѣ, него на густимѣ кустрорникамѣ, на високимѣ дрветамѣ растяща, и полно расцвѣтана како годѣ груди мои красни согражданица --- (Ово Демокрѣтѣ нїе добро учинїо; и можетѣ будущимѣ повѣдателѣмѣ за увѣщанїе служити, да свагда преће у своему содружеству около себе смотрити морамо, него што комплименте оваковога начина предузмемо, коликоби они такожде союзно у сами себи звечати могли. Ове красне покрилесу очи рукама и зарумениласе све. Ербо на несрећу между присутствующима ніе ни една была, коябы овои ласкателнои притчи честь учинила была; колико оне изоставиле нису напућитисе коликосу годѣ могле:)

— и ове раздражителне и увеселителне дубраве, предначео э онѣ далѣ, отѣ лю-

любимихъ пѣсней неизброенихъ видовъ птицахъ оживляеме, и съ тисящу преиспрещенихъ Папагаевъ напунѣне, коихъ фарбе у свѣплосши солнца очи ослѣпляваю. Какова земля! Я постићи нисамъ могао, зашто ніе Богиня любве Цїпера овде обиталище себи изабрала, кадъ э вѣкъ една овакова земля на свѣту была. Гдѣ бису граціе угодніе играти могле, нежели на брегахъ потоковъ и изворовъ, между краткомъ густомъ травомъ отъ оживляеме зелени, лаловъ и Іацїнтовъ, и съ десетъ тысящъ іошть красншихъ цвѣтовъ, коисе нашимъ языкомъ ни именовати немогутъ, своеволно цвѣтутъ, и воздухъ сластолюбнимъ благоуханїемъ исполняютъ?

Красне Абдериткинѣ ималесу како што лако знати можемо, воображенїя силу не манѣ живлѣ нежели Абдерити; и описаніе кое э ныма Демокритъ немыслећи ништа зло представіо, было э выше, нежели шшобы ныне мале душе одержати могле. Нѣкесу о угодносши ясно уздисале; другесу издисале, башъ како да бы оне вѣкъ сластолюбне мирисе коису у ныному мечтанію исходили устами и носомъ шмеркати хошѣле; красна Іуно погрузиласе главомъ на еданъ яспукъ отъ канабета

на-

натрагъ, затворила э нѣзине велике очи дополакъ, и нашласе непримѣтително на цвѣтоносному брегу еднога овихъ красних изворовъ, отъ ружицъ и цїтроновъ древесъ обсѣнѣна отъ коихсу цвѣтовъ облацы Амврозїйскихъ мирисовъ отзгорѣ на ню текли У тихому занешенїю сладкихъ чувствованій, започела э она спавати: кадъ э еднога юношу, тако красна као Бахусъ и проницаема као Аморъ, чело свои ногу лежѣа видѣла. Онасе исправила дабы нѣга їоштъ болѣ разсмотрити могла, и гледала э нѣга тако красно, тако умилно, дасу рѣчи съ коима э она нѣгово дерзновенїе наказати хотѣла на нѣзинима успнама изумерле. И едва што э она —

И шта мыслите Вы (предначео э Демокритъ далѣ) кокосе ова волшебна земля зоветъ, о коея красоти све, штосамъ я сказати могао, вами едва само едну сѣнку понятія дати можетъ? То э башъ та иста Етѵопїа, кою э мои мудри прїятель овде, све съ самима чудовищами отъ люди поселїо, и коису оваковога прекраснога отечества сасвимъ недостойни. Али една вещь кою онъ мени заистину сказати можетъ, есть: да у цѣлой Етѵопїи и Лївїи, колико ова имена множество народовъ содер-

державаю ни еднога человѣка неима, кои носѣ свои небы тако исто како годѣ и мы носїо, не толико очїю и ушесѣ колико и мы имао, и кратко —

Велико воздиханїе онога вида, коимѣ себи отѣ жалости или услажденїя утѣснено сердце одушку учинити тражитѣ, дигло э у овому магновенїю ока перси красныхѣ Абдериткиняхѣ, коесу у траянїю докле э Демокритѣ у своему слову бесѣдїо у оному сна образу (сновидѣнїю) гдѣсмо мы ны ставити попеченїе носили, (какосе чинило) на тако-во обстоятелство дошла была, о коему э сердце нѣзино на еданѣ или други начинѣ верло велико участїе примило. И будући да други присутствующи нису знати могли, да э ова добра жена нѣколико стотина мїля далеко отѣ Абдере подѣ еднимѣ у Етѵопїи стоящимѣ ружичнякомѣ, у морю сладкихѣ благоуханїй пливала, тисящу новыхѣ птицѣ щастїе кѣ любви пѣваюће слушала, тысящу шарени пагаевѣ предѣ своима очима летяще видѣла и што э їощтѣ више, и еднога юношу сѣ жутими власи и ружичними устнами чело ногу свои лежаща имала — то э дакле нравно было, дасе речено воздиханїе сѣ общимѣ удивлѣнїемѣ примило. Нїесе отѣ тога ништа постигло,

гло, дабы послѣднѣ речи Демокритове, узрокъ оваковога дѣйства быти могле. Што э вама Лїсандра: повикалесу Абдеритькинѣ единогласно, ставляюћи себе зѣло оскорбително окрестъ нѣ. Красная Лїсандра, коя э у овому магновенїю ока опетъ примѣтила, гдѣсе находитъ, заруменилосе и увѣрила э, да э то све ништа. Демокритъ кои э садъ примѣчавати почео што э онъ было, стао э ныма зато добаръ, даћ ду два потеза чистога воздуха опетъ све добро учинити; али у сердцу своему заключїо э онъ, унапредакъ своя описанїя, само съ онаковомъ боїомъ означавати како што иконописцы у Трацїи чинятъ. Праведни Бози! помислїо э онъ у себи, какову силу воображенїя ове Абдеритькинѣ имутъ!

Дакле мое красне любопитнице, предначео э Демокритъ далѣ, што мыслите каковесу фарбе жителi едне оваковe прекрасне землѣ?

„ Отъ какове бое? зашто бы они какову другу бою имали нежели други люди? Нистели вы нами сказали, да они носъ у средъ лица имутъ, и у свемусу люди како тодъ и мы Грецы?

Люди

Люди безсумнѣ; али были они тога ради манѣ люди были, акобы они церну или зейтинъ бою имали?

„ Што мыслите съ тимъ?„

Я мыслимъ, дасу найкрасніи изъ между Етѵопскихъ народовъ (наимено они, коису по нашой мѣри найкрасніи, то есть нами подобни) вообще зейтиинъ бое како Егѵптяни, и они кои далѣ унутра у земли и у полудневнимъ предѣламъ обытаваю, отъ главе до ногу тако церни и іоштъ нѣчто више црнши нежели вранови у Абдери.

„ Шта бесѣдите! — паксе ови люди нестраше еданъ отъ другога кадсе погледаю между собомъ?„

Плашитисе? зашто то? онисе еданъ другому съ нынимъ врановомъ боїомъ весма допадаю и налазе да ништа лепше быти неможетъ.

„ О то э весело! — повикалесу Абдериткинѣ! — церни у цѣломъ тѣлу, како дабы смоломъ намазани были, штогодъ о красоти и сниваши моћи! Каковъ то глупъ народъ быти мора! Неимадули они какови иконописцевъ, коибы ныма Аполона, Баххуса, любве Богиню и Граціе изобразити

мо

могао? или нисули могли већь отъ Омира научити да э Іуно беле руке, Θетїсъ сребрене ноге, и Аурора ружичне персте имала?„

Ахъ отговоріо э Демокритъ, они добри люди неимуть никаковога Омира; и ако каковога имуть, тосе нато ослонити можемо, да нѣгова Іуно углѣноцерне руке имать. О иконописцы нисамъ я у Етѵопїи ништа чуо. Алисамъ видѣо едну дѣвицу кое э красота между нѣзинима земляцы толико зла учинила, како годъ и дщи Ледїна между Грецы и Трояни; и ова Афрїканска Елена была э церня отъ ебендревета.

„ О опишите намъ опетъ ово чудовище красоте„ — повикалесу Абдериткинѣ, коесу изъ нравнога основанїя отъ свѣта у овому разговору неисказано много услажденїя нашле.

Выѣете труда имати себи о томъ каково понятїе учинити. Представите себи полное противо частїе Греческога Ідеала (понятїя) о красоти: величину Грацїе, и крупноћу цереса; цернїя власи, али не у долго высящимъ савиткамъ, преко плећи летяще, него кратке и отъ нарави кудраве како овчїю вуну. Чело широко и высоко сведено; носъ кратакъ и скврченъ, и на среди

дуг-

дугменца плїоснатЪ; образи округли како образи у трубу гласящега, и уста велика.

(фїлїнна смѣялась, да бы показала како э нѣзинЪ маленЪ.) Устне весма дебеле и распуѣене, и два реда зубовЪ, као два низа бисера —

(Ове красне смѣялесусе све вообще, башЪ ако и нису никакове друге причине кЪ тому имати могле, нежели свое собствевне зубе указати: Ербо што э овде иначе за смѣй было?)

„ Али нѣне очи?„ запитала э Лїсандра.—

О штосе овихЪ допицало, онесу быле тако малене и тако водене фарбе, дасе я за дуго склонити нисамЪ могао такове за красне наѣи —

„ Демокритъ естъ за Омирове кравїе очи, “ како штосе видитЪ, рекла э Мїрїсъ, бацаюѣи нѣки поругателни на страну погледЪ, на ону лепу сЪ великима очима.

Доиста (отговорїо э Демокритъ онаковимЪ образомЪ, изЪ когабы и глуви заключїо было, да э онЪ еи навеѣе умиленїе сказао,) красне очи моралебы весма велике быти, кадЪ бы я ны за доста велике нашао; а ружне немогутЪ, чинимисе никада малене быти.

Кра-

Красная Лїсандра бацыла ə нѣки побѣдителни взорѣ на свое сестре, и излила ə послѣ полну славу удоволствія изѣ нѣзини велики очію на благощастнога Демокрита.

„ Смѣелисе знати, шта вы подѣ краснима очима рмзумѣваше? „ запитала ə мала Мїрісѣ заоштраваюћи носѣ свои примѣтително.

Взорѣ красне Лїсандре чинїосе нѣму сказати вы нећете смутни быти, отвѣтѣ на вопросѣ оваи наћи.

Я подѣ тимѣ онакове очи разумѣвамѣ, у коимасе една красна душа изображава, рекао ə Демокритѣ.

Лїсандра ə смутно изгледала, као онаково лице, коемусе штогодѣ неожидаемо скажетѣ, и кое никакова отвѣта на то наћи неможетѣ. Една красна душа! — помыслилесу све Абдериткинѣ равно — Какове ə чудноваше вещи таи мужѣ изѣ дални земаля сѣ собомѣ донео! Едну красну душу! Ово ə іоштѣ верху нѣговихѣ маймуновѣ и папагаевѣ!

„ Али сѣ свими тима утончаностми рекао ə дебели совѣтникѣ, отступамо мы отѣ главне вещи Менисе види, да ə слово было о красной Елени изѣ Етѵопїе, и я бы-

бысамъ башъ радъ чути, штасу ови честни люди тако краснога на еи наћи могли?„

Све, отговорїо э Демокрицъ.

„ Дакле вы никаковога понятїя о красоти неимате, “ рекао э научени.

Молимъ за опрощенїе, отговорїо э повѣдатель; Кадъ э ова Етѵопска Елена предмѣтъ свїю желанїя была, то исто заключитисе даетъ, дасе она ономy понятїю о красоти сравнявала, кою э сваки у своемy воображенїю нашао.

„ Высте изъ школе Парменїдове?„ рекао э научени, ставляюћи себе у распрѣ положенїе *)

Ясамъ ништа — нежели я самъ, коо э верло мало; отговорїо э Демокритъ полу устрашенъ. Акосте вы овой рѣчи понятїю злобни, дозволитеми дакле дасе я другоячїе изяснимъ. Красная Гуллера — такосе называла она церна, о коёи э говорено —

Гуллера! повикалесу Абдериткинѣ упустивши себе у смѣхъ, кои края узети ніе хотео, Гуллера! каково э то име! — И ка-

ко

---

* Парменїдесъ отъ Елеа держисе за изобретателя науке о понятїяхъ или главни древни изображенїяхъ кое є плато у сїстему (законъ) свои прїмїо, и себи тако своиственy учинїо, да ню овыкновено нѣговимъ именемъ знати обычествуемо.

ко э было сЪ вашомЪ красномЪ Гуллеромъ? Запитала э остроносата МїрїсЪ сЪ таковимЪ взоромЪ и таковимЪ гласомЪ, кои э їоштЪ тры кратЪ оштри было нежели нѢзинЪ носЪ.

Ако вы мени кадгодЪ ту честь учините, мене посѢтити, отговорїо э ФїлозофЪ сЪ непринужденомЪ любезности, ондаћете искусити, како э мени сЪ красномЪ Гуллеромъ ишло. СадЪ морамЪ я овому Господину обѢщанїе мое исполнитн. СпасЪ или видЪ красне Гуллере дакле —

(Красне Гуллере! повикалесу Абдеритькинѣ и смѢялесусе на ново; али безЪ тога дасе ДемокритЪ за оваи кратЪ нїе у слову своему пресѢчи дао.)

— уселила э на нїову несрећу младићемЪ нѢзине землѢ наисилнїю страсть у сердце. Ово представля показати, дасу ню за красну нашли; и безсумнѢ лежала э причина, чегасу ради ню лепу нашли, у свему тому зашто ю нису за ружну држали. Ови Етуопляни нашлису дакле разлику между онимЪ што э ныма красно или што нима нїе красно предходило; и кадсу 10 разныхЪ ЕтуоплянЪ у ныному разсужденїю о овой Елени согласилисе, то э безсумнѢ отЪ туду произишло, ербосу они еднако понятїе о красоти и о ружноћи имали.

То

„ То неслѣдуетъ; (рекао э научени Абдеритъ) нïе ли могао между 10: сваки штогодь друго любве достоино на нïози наћи?„

Таи случаи есть могућанъ; али онъ недоказуетъ ништа противо мене. Напримѣръ еданъ бы нѣзине мале очи, други бы нѣзине на прћене устне, трећи бы нѣзине велике уши любведостоине нашао: то ставля ово такожде свагда нѣко сравненïе между нïомъ и другима лепима Етѵопскима напредъ. Друге ималесу очи, ушеса и устнѣ какогодъ и Гуллера. Акосу дакле нѣзине за лепше нашли, то моралису они извѣстни прикладъ красоте имати, съ коимсе н: п: нѣзине очи и другихъ очи сравнявале; и то э све, штосамъ я съ моимъ Ідеаломъ сказати хотѣо.

Между тимъ (отговорïо э научени) вы нећете опетъ доказати хотети, да э ова Гуллера ямачно наикраснïя изъ между свïю церни дѣвица преће нѣ, у нѣному времену и послѣ нѣ была? я мыслимъ найкраснïя у сравненïю съ онимъ прикладомъ о коемусте вы говорили. “

Я небы знао; зашто бы я то доказати имао, рекао э Демокритъ.

„ Могла э ïоштъ какова быти, коябы н: п: ïоштъ манѣ очи, ïоштъ деблѣ устне и ïоштъ веће уши имала? „ Мо-

Могућнимъ начиномъ колико я знамъ.

„ И у намѣренію оне послѣднѣ стоитъ безсумнѣ оно исто напредъ ставлѣніе, и тако у безконечность. Дакле Етиопляне нису имали приклада красоте; морамо онда сказати дасе безконечно мале очи, безконечно дебеле устне, безконечно велике уши мыслити могутъ.?„

Какосу субтилни (утончани) Абдеритски научени! помыслїо э Демокритъ. Кадсамъ я вѣкъ еданъ кратъ исповѣдїо, рекао э онъ, да э могла какова церна дѣвица быти, коябы манѣ очи или деблѣ устне нежели Гуллера имати могла, то я съ тимъ ёштъ сказао нисамъ, да э ова церна дѣвица Етиопляномъ зато краснія чинитисе морала нежели Гуллера. штогодъ красно имать нуждно свою опредѣленую мѣру, а што преко такове прелазитъ, удалявасе равно тако отъ тога, како годъ и оно што и за тога остаетъ. Ткоће оттуду, да Грецы у величини очїю и у малоћи устахъ часть совершенне красоте ставляю, заключеніе досегнути: жена коесу зѣнице ока читавъ палацъ у величини содержавале, или коесу уста тако малена была, да э трудно было само едну сламку у такова уписнути,

мо-

морала э отъ Грековъ їоштъ за краснїю держана быти?

Абдеритъ быо э побѣжденъ, како што се видитъ, и онъ э то чувствовао. Али Абдеритски какови научени, даобисе прѣе раздробити, нежели штогодъ таковое признати. Нисули быле Фїлліна и Лісандра, и їоштъ еданъ кратки дебели совѣтникъ онде, о коихъ э мнѣнїю отъ нѣговога разума нѣму много лежало? И како э мало нѣга стаяло, Абдерите и Абдеришкинѣ на свою страну привуѣи? — Доиста нїе онъ знао абїе шта э сказати имао, али у твердой надежди, даѣе нѣму їоштъ штогодъ наумъ пасти, отговорїо э онъ между тимъ нѣкимъ поносителнимъ смѣхомъ; кои э равно доказивао, да онъ основанїя свога противка презираетъ, и да э онъ у намѣренїю, конечни поступокъ учинити.„ Ели могуѣе, повикао е онъ напослѣдокъ онаковимъ гласомъ, као дабы ово отвѣтъ на послѣдню бесѣду Демокритову было*) можетели вы любовь къ преславному тако далеко терати, предъ лицемъ овихъ красних доказати, да едно

* Весма обыкновени поступокъ Абдеритскихъ мудрецовъ и вѣжествъ судїяхъ.

едно созданїе као штосте вы нами ову Гулеру описали, Венусъ есть?,

Высте заборавили, отговорїо э Демокритъ весма тихо, да нїе бесѣда о мени и о оной красной, него вообще о Етїопляни была. Я недоказуемъ и непотверждуемъ ништа; него само сказуемъ оно штосамъ видѣо. Ясамъ вами едну красоту по вкуссу Етїопскому описао. Нїе дакле кривица моя, ако э Греческа ругоба у Етїопїи красота. Такожде и то невидимъ штобы мене уполномощити могло между Грецы и Етиопляни вещь расправляти. Ясе надамъ да можетъ быти, да обои право имуть.

Ясни смѣхъ, каковисе онда дигне, кадъ тко годъ штогодъ непонятно или смешно искажетъ, рикао э Фїлозоуфу изъ свїю присутствующи грлахъ на сусрѣтъ.

„ Да чуемо, да чуемо, повикао э дебели Совѣтникъ, держећисе обадвема рукама за трбухъ, што нашъ земляк сказати знаетъ да бы доказао, да обои право имуть! Я весма радо таково што годъ доказиваюћи слушамъ. Зашто такожде васъ научену Господу иначе? — Земля э округла; снѣгъ э црнъ; мѣсяцъ э десеть кратъ веће нежели цѣлїй Пелопонесъ; Ахїллесъ неможетъ ни еднога пужа у терчаню стићи — Нѣли истина, Господине

Антїс-

Антїстрепсїаде? Нїели истина, Господине Демокрите? Вы видите дасамъ и я такожде штогодъ мало у вашимъ таинствамъ посвященъ. ха, ха, ха!„

Совокупни Абдерити и Абдериткинѣ облакшалису Сумпатїческимъ начиномъ ны не слезине по други кратъ, и Господинъ Антїстрепсїадесъ, кои э намѣренїе на вечеру Іовїалскога Совѣтника учинїо, подкрѣплявао э поволно общи смѣхъ съ яснимъ клепшанѣмъ рукахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Неожидаемо разрѣшенїе клупчета, съ нѣкими новими примѣри Абдеритскога остроумїя.

Демокритъ быо э у тои воли, себи съ своими Абдерити и Абдеритомъ съ собомъ време пократити. Мудро э, ныма гдѣгодъ каково о нынимъ народнимъ и нераздѣлнимъ благонравїямъ за зло не прїимити, могао э онъ весма полно терпити, дасу они нѣга за премудрога мужа держали, кои э свое Абдеритское Матернѣе остроумїе на долгому своему путешествїю изъ главе истерао, и садъ ни къ чему способанъ нїе, нежели ныма съ своими смешностми и ба-

снама штогодѣ за смѣхѣ дати. Предначео э дакле, послѣ какосе смѣхѣ о остроумному намышлѣнїю дебелога Совѣтника напослѣдокѣ утишао быо, съ своїомъ обыкновенномъ флегмомъ далѣ, у коей нѣга мали Іовїалски мужъ забунїо быо.

Нисамли я рекао, ако э Греческа ругоба у Етїопїї красота, то э дакле могуће, да обадве стране право имуть?

„ Есть, есть, тосте сказали Вы, и честни мужъ стоитъ за слово свое добарѣ.„

Кадсамѣ я еданѣ кратъ већь изговорїо, то я и доказати морамѣ; тосе разумѣва, Господине Антїстрепсїаде!

„ Ако їоштъ можете.„

Нисамли и я такожде Абдеритъ? И овде требуемъ само половицу мога члена показати, дабы цѣлое доказао: Ербо да Грецы право имуть, то нїе отъ потребе ни доказиваши; то э една вещь, коя э у свима Греческими главами већь давно расправлѣна. Али да и Етїопляни такожде право имуть, овде већь тегота лежитъ! Ако бы я съ полунаученими (съ Софїстї) воевао, или себе съ тимъ удоволити хотео, мое противнике нѣме учинити, неувѣреѣи ны; то бы я као аки вещи управитель Етїопїскога Венуса све распрѣ„ вопросе внутренѣму чувспву

ству на разсужденіе одао. Зашто бы я бесѣдіо, именую люди ову или ону икону, ову или ону бою, красну? Ербоимсе такова допада. Добро; али зашпоимсе допада.? Ербоимъ э угодна. Али зашто имъ э поволна? О мои Господине, рекаобы я, Вы морате већь еданъ кратъ съ проси престати, или — я морамъ съ отвѣти изостати. Една вещь есть нами зато поволна, Ербо э она — нѣко возбужденіе у нами учинила, кое э нами весма поволно. Я позивамъ све ваше испитателѣ вещей боли какови темель доказати. Былобы дакле посмѣятелно, каковога человѣка надговорити хотети, оно шпо э нѣму угодно, даму небудетъ угодно; или нѣму доказати, да онъ неправо имать себи соизволѣвати што благоволенія уселеніе у нѣму чинитъ. Ако э дакле образъ Гуллере очима нѣговима угоданъ, тосе она нѣму допада, и кадмусе допада, то онъ ню дакле красномъ назива, или небы морала ни една овакова рѣчь у нѣговому языку быти.

„ И ако — и ако залуѣени коньске ябуке мѣсто бресака ядетъ? рекао э Антіспрепсіадесъ.

Коньске ябуке мѣсто бресака! — лепо э речено, такоми чести мое! добро э сказано

но, повикаое Совѣтникъ. Изясните намъ то Господине Демокрите?„ —

„ Фї, фї, али баремъ, Демокрите, шаптала э красная Мїрїсъ, держећи руку на носу; ткоће о коньскима ябукама говорити? сохраните найманѣ наше носове!„

Сваки види дасе куасная Мїрїсъ сь овимъ изобличенїемъ на остроумнога Антїстрепсїада управити морала, кои э коньске ябуке найпре предложїо, и на Совѣтника кои э башъ Демокрита наговарао, опоменуо такове изясните. Али э већь еданъ кратъ на то ишло. Демокрита посмѣятелна учинити; овай подбадатель ступїо э кодъ совокупнихъ присутствующихъ у тому мѣсто нѣкоего договора, и Мїрїсъ ніе могла овай красный способъ къ побуђеню или дираню, кои э смѣятелѣ на нѣзину страну склонїо, никоимъ начиномъ испустити. Ербо башъ управо оно обстоятелство было, да э Демокритъ и безъ тога коньски ябука Антїстрепсїада доволно гутати имао, и іошть къ ктому изобличенїе ради тога добыо, пало э Абдеритомъ и Абдеритскиняма тако весело, дасу они сви заедно смѣятисе започели и сасвимъ такосе у лицу намергодивали, као дабы Фїлозофъ са-

сасвимъ избїенъ быо и башъ више никада дигнутисе неможетъ.

Много естъ. Добри э Демокритъ доиста у 20*тъ* година путешествїя много искусїо: али отъ како э онъ изъ Абдере отишао, нїе нѣга никакова друга Абдера више предсрѣла, и сада кадъ э онъ вечь опетъ у нїози, сумняо э онъ кадъ кадъ на еданъ или два магновенїя ока, елисе онъ гдѣ годъ находитъ! Како э могуће было съ оваковима людма накрай изићи?

„ Деде, стриче? — рекао э Совѣтникъ, неможешли ты те коньске ябуке Антїстрепсїада доле свалити? ха, ха, ха!„

Ово намышлѣнїе было э отъ више Абдеритски, да небы нѣжность совокупнихъ, сперченыхъ, тупыхъ, четвереуголнихъ и зашилѣнихъ носовъ у содружеству преобладало было.

Жене кекеталесу нѣко церетанѣ хї, хї, хї, у дубоко грмяще ха, ха, ха, мужевъ.

Высте добили, повикао э Демокритъ; и за знакъ да я оружїе мое добримъ образомъ полажемъ, видѣћете заслужавамли я честь, вашъ земляк и стрицъ быти. И садъ започео э онъ, съ нѣкомъ особномъ майсторїомъ, у коей нѣму никакови Абдеритъ нїе равань было, отъ найниже

бе-

белеге по степенемъ растећи, до наивише съ онимъ хї, хї, красны Абдериткиня такови смѣхъ дигнути, каковисе, отъ како Абдера на Трацїческой земли стоитъ, нїе никада чуо.

Съ почетка учинилесу жене видъ лица, башъ као да бы оне какову противность учинити хотеле; али нїе никакова могућность была спроћу очаятелнога растѣнїя одержатисе. Онесу напослѣдокъ отъ тога аки ошъ какове похитителне рѣке восторгнуте быле; и кадсе їоштъ сила прилѣпчивости къ тому придружила, дошло э то скоро толико далеко, да э већь вещь башъ постояна постала. Жене молилесу съ плачевнима очима за опрощенїе. Али Демокритъ нїе имао уши, да чуетъ, и смѣхъ э све преобладао. Напослѣдокъ даосе онъ како шпосе видѣло склонити; и ныма тишину позволѣти; али доиста само зато, да бы онъ съ тимъ мученїе, кое э онъ за ны уредїо, їоштъ дуже одержати могле. Ербо едвасу оне малко опетъ пару у себе узеле, то започео э онъ онай исти гласа звукъ, еданъ степень више, їоштъ еданъ кратъ просмѣяти, али съ толикими многими измешаними извїянми превраћанми, кои бы башъ и саме намергоћене пакленско-

га

га суда сосѣдателѣ, Мїноса, Акануса и Радаманта у ныовому пакленско-судейскому орнату (одѣянїю) чрезъ то изъ понятїя или замишлѣнїя избацыли были.

На несрећу нису две или тры отъ нашихъ краснихъ на то помыслиле, нына лица противо свїю могућни слѣдствъ ovako жестокога тѣлодвиженїя у безбѣдность ставити. Стидъ и естество борилисусе на смерть и животъ у оной бѣдной дѣвицы. Всуесу молиле оне неумитнога Демокрита съ устама и очима за милость; всуесу скупляле оне, ныне отъ смѣха скоро умертвлѣне жиле къ послѣднѣму усилѣнїю. Тирянско естество побѣдило э, и само у едному магновенїю ока видѣласе саала (соба) гдѣсе содружество собрано находило, подъ. . . . . .

Страхъ о оваковому ненаданому естества появлѣнїю (кое э їоштъ чудеснїе было, ербо э обща смутня и удивлѣнїе красны Абдериткиня, показати являла, да э то едно дѣйство безъ свакога узрока было) пресѣкло э смѣятелѣ на нѣколико часовъ дабы абїе съ усугублѣномъ силомъ опетъ проторгли. Наравнимъ начиномъ далесу себи ове облажшане красне доволно труда, особное участїе коесу оне на ово-

му

му способу имале намргиванѣмъ удивлѣнїя и гадливостїю сакрити, и подозрѣнїе на ныне невине сосѣдкинѣ бацыти, коесу несрећомъ, али несвоеволномъ стида руменоћомъ незаслуженое подозрѣнїе више нежели много подкрѣпиле. Посмѣятелна распря коясе о томъ дигла; Демокритъ и Антїстрепсїадесъ коисусе злобнимъ начиномъ у средство ставили, и Иронскомъ утѣшенія причиномъ гнѣвъ онихъ, коису себе за невине знали їоштъ више раздражили; и у среди между нима свима мали дебели Совѣтникъ, кои э подъ непреривнимъ до исчезнутїя смѣхомъ, еданъ кратъ за другимъ повикао, да онъ небы половицу отъ Трацїе за ову вечеръ промѣнїо: све ово заедно узимаюћи чинило э едну Сцену, коя э пера Хогартова достоина была, кадбы само онда їоштъ какови Хогартъ био.

Сказати неможемо колико э дуго она траяти могла: Ербо то э една Абдеритскихъ добродѣтелеи, да они, кадъ штогодъ започнутъ већь престати немогутъ. Али Демокритъ кодъ кога э све свое време имало, мыслїо э, да э една комедїа, коя конца неимать наидужа вещь помежду свима другима забавама. Онъ э дакле све ове лепе вещи скупїо, кое э онъ кь оправданїю

Етї-

Етіопскога Венуса сказати могао, кадбы онъ съ разумними созданіями посла имао быо, сасвимъ тихо, желіо э Абдеритомъ и Абдеритскиняма — оно што они неимутъ, и отишао э дома, не безъ чуда и удивлѣнія о оваковому доброму содружестіву, кое наћи у погибелсе долазитъ, кадъ ткогодъ еднога Совѣтника отъ Абдера посѣтитъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Способъ за читателя, да бы мозахъ свои изъ сметеногa движенія прећашнѣ главе олетъ у локой ставіо.

Добра, непритворна, кроткосердечна Гуллеро, — рекао э Демокритъ кадъ э дома натрагъ дошао быо, нѣкой блоговоспитаной кудравовласной церной, коя э нѣму съ распростретима рукама на срѣтеніе ишла — Ходи у мое нѣдро, честна Гуллеро! Истина тыси церна како годъ Богиня нощи и темности; власи твои есу вунати, и носъ твой плїоснатъ; очису твое малене, уши твое велике; и устнѣ твое изгледаю како наежена лобода. Али • Сердце твое чисто, искренно и радостно, и чувствуетъ съ цѣлимъ естествомъ. Ты никада зло немислишъ, ниси сказала никада што годъ не-

при-

пристойно, ниси сказала никада ништа соблазнителнога, немучишъ нити друге нити саму себе, и нечинишъ ништа што исповѣсти нерашъ. Твоя душа есть безъ притворства и лести, како годъ и лице твое безъ украшенія, ты непознаешъ нити зависть, нити убитка радость и никада нїесе твои честни плїоснати носъ чачкао, да бы кога годъ твоихъ ближнихъ изсмѣяо или у отчаяніе ставїо. Неоскорблѣна зато, елисе ты кому допадашъ, или недопадашъ, живишъ ты, у невиность твою уткана, у миру сама собомъ и цѣлимъ естествомъ; свагда способна радость дати и прїимити, и достойна, да сердце доброга мужа на груди твои почива! Добра кроткосердечна Гуллеро! Я бысамь теби едно друго име дати могао; красно богатогласно, Греческо име на Ане или Иде, Арїонъ или Ерїонъ исходяще: али э име твое доволно красно, ербо э оно твое; и я нисамъ Демокритъ, али време їоштъ доћи мора, гдѣће свако честно и добро сердце, имену Гуллере на срѣтеніе играти!

Гуллера нїе добро поняла, што э Демокритъ съ овомъ чувствителномъ бесѣдомъ имати хотео; али э она видѣла, да э то нѣко излїяніе нѣговога сердца было,

и

и то э она башъ толико отъ тога разумѣла, коликое отъ потребе имала.

Ели ова Гуллера нѣму жена была?„

Нïе.

„ Нѣгова наложница?„

Нïе.

Нѣгова робиня?„

По нѣзиному одѣянïю судећи нïе.

„ Како э была обучена?„

Тако красно да э она Fille de honneur Кралице отъ Сава представити могла.

Низови отъ великога фïнога Бïсера по между власами, и около врата и рукахъ; Халина пуна красныхъ одѣленихъ розотинахъ, отъ танкога ватрене бое атласа съ прутами отъ какове бое захтеваше, подъ нѣзинима груди съ богато извезенимъ поясомъ собрана, когасу сапонцы отъ шмарагда скопчавали; и — и што тамо знамъ више — „ Халинесу доволно богате быле.„ Наиманѣ можетеми свободно вѣровати, да э она како што э была, никакови принцъ отъ Сенегала, Ангола, Конго и Лоанго ню ненаказану гледати небы могао.

„ Али —„

Я видимъ добро да вы їоштъ ниете на концу ваших вопросовъ. — Тко э была ова Гуллера? Ели то та иста была о

коеи

коеи преѣе говорено? Како э Демокритъ дошао къ нїози? Каковимъ э образомъ она живила у нѣговомъ дому? Я исповѣдамъ дасу ово весма пристоини вопроси; али ны отговорити, невидимъ я кодъ руке никакове могуѣности. Немыслите дасамь я овде каковога премолчателя учинити хотео, или да бы каково особно таинство у вещи стаяло. Причина зашто я ны отвѣтствовати немогу, есть една отъ свѣта проста вещь. Тысящу писателеи находятся тысящу крати у таковому истому случаю; само э отъ тысящу едва еданъ доволно искренъ у оваковимъ случаямъ праву причину признати. Кажемли я мою вами? Выѣете исповѣсти да э она верху свакога доказателства или довода. Ербо, кратко и добро — я самъ отъ свега тога, ни еднога слова незнамъ што отъ мене знати захтевате; и да я повѣсть ове красне Гуллере неописуемъ, то дакле извѣститесе, да я въ смотрени ове жене ни у наименѣму чему обвезанъ нисамъ. Акобисе (што я предвидѣти немогу) каковъ у слѣдству способъ нашао, о Демокриту или о еи самой што годъ ближе или ясніе возвѣстити: тосе нато слободно ослонити можете, даѣете вы све отъ слова до слова искусити.

ГЛА-

ГЛАВА СЕДМАЯ.

Патрїотичество Абдеритовъ. Нына склоность къ Аѳини аки ныномъ матернѣмъ градѣ. Еданъ паръ проби о ныномъ Аѳисмусу и о неугодной искрености мудрога Демокрита.

Демокритъ їоштъ нїе ни еданъ мѣсяцъ дана между Абдерити живїо, кадъ э веѣь онъ ныма, а такожде кадъ кадъ и они нѣму несноснису бывали, аки люди кои еданъ другому быти мораю, кои съ своима понятїяма и съ склоностми свакога часа еданъ на другога удараю.

Абдерити ималису о сами себи и о ныному граду и Републики съ сасвимъ чрезвичайно мнѣнїе. Нына глупость свега онога, што э изванъ ныне землѣ у свѣту примѣчанїя достойно быти или збитисе могло, было э равно причина и плодъ овога посмѣятелнога мнѣнїя. Оттуду э дакле произишло, нѣкимъ весма наравнимъ слѣдствомъ, да они себи башъ никаковога представлѣнїя нису учинити могли, како бы штогодъ право или пристойно или добро быти могло, акоби иначе нежели у Абдери было, или акосе у Абдери о томъ башъ ништа знало нїе. Таково понятїе, кое э нынимъ понятїяма противорѣчило, обычай, коисе

отъ

отъ нынога удалявао, начинъ каковй мислити или штогодь окомъ смотрити, што э ныма странно было, звалосе кодь ны безъ далшега извидѣнїя гадно и смѣха достоино. Естество самое сморщавало э за ны у тѣсни кругъ нынога собственога дѣйствїя; и ако они башъ до тога нису дотерали были себи, као Іапанери, воображавати, изванъ Абдера обитаваю све сами дяволи, хавепинѣ и чудовища; тосу держали они найманѣ прочи остатокъ свѣта и нѣгове обитателѣ аки нѣки нынога позорствованїя недостойни предмѣтъ; и кадсу случайнимъ начиномъ способъ добили, штогодь страно чути или видѣти, то съ тимъ ништа друго знали чинити нису нежели хинадитисе, и себи самимъ щастїе желити, што они нису као други люди. То э тако далеко отишло да они онога нису за доброга гражданина держали, кои э на каковомъ другомъ мѣсту боля урежденїя или обычае примѣтїо нежели кодъ куће. Тко э щастїе имати хотео, ныма угодити, морао э всячески онако говорити и творити, аки да бы градъ и Република Абдера, съ свима сй принадлежащима частима, своинстви и наслѣдїями сасвимъ непокућена и образъ свїю Републикахъ была.

Отъ

Отъ ови презрѣнїяхъ спроћу свега, штосе нїе Абдеритски звало, было э само градъ Аѳина изятъ; али такожде и овай безсумнѣ само тога ради, ербосу Абдерити, као прећашни Теїери, нѣму честь указали, такови за нынъ матерни градъ разсмотравати. Онису о томъ горди были, за праціческу Аѳину держанимъ быти; и ако башъ име ово ныма нїе никада иначе нежели поругателнимъ образомъ додавато, то они опетъ никаково друго Ласкателство нису радїе слушали нежели ово. Трудилисусе, Аѳиняне у свима частма изображавати; и изобразилису ны доиста онако опасно — башъ како годъ маймунъ человѣка. Акосу они, да бысу животни и духобогатни быти, свакога часа у смешности падали; важне вещи легкоумно и дѣтинства постояно расправляти; народъ, или нынъ совѣтъ за сваку багателу 20 *тъ* крати скупляти, дабы дуге, и луде распрѣ за и противъ о каковой вещи держали, коебы еданъ человѣкъ само повседневнога человѣческога разума у едномъ четверту часа много болѣ расправїо было; акосу они и непрестано съ проекти украшенїя и размноженїя обтереѣени ходили, и коликосу они мнократно штогодъ предузели, свагда текарь у полакъ дѣла прохе.

сапили, да оно крѣпости ныне претеже; акосу они нїовъ полутрацїчески языкъ съ Атїнскимъ говореня начиномъ и начичкавали; неимаюћи нинайманѣга вкусса неизсказану страсть о художествахъ и свадга о иконописству и штатуама и музїки и краснорѣчцы и постами блядословили, неимаюћи никада никаковога Иконописца, ваятеля, краснорѣчца, или поету кои бы имена овога достоинъ было; акосу храмове созиждавали, коису као илиже, и илиже коесу као храмови изгледале; акосу они повѣсть Вулканове мреже у ныной совѣталной соби, и велики совѣтъ Грековъ о натрагъ преданїю красне Крїсеїле у нынои Академїи изобразити дали, акосу у веселе игре ишли, гдѣсу за плаканъ и у жалостне игре гдѣсусе ны на смѣхъ учинили: и у *20тъ* подобни вещи мыслилису ови добрыи люди — Аѳинянима быти — а онису само Абдерити были.

„ Како э славанъ овай потезъ у овому малому стїху, кога э Фїзїгнатъ моеи плепелицы начинїо! рекла э нѣка Абдеритскиня. И їоштъ горе! рекао э Демокритъ.

Погледаите, рекао э перви Архонъ отъ Абдера, основанїе и красоту овога зданїя, коесмо мы за нашъ оружїя домъ опредѣлили? Оно э отъ наиболѣга парско-

га

га мармора созидано. Исповѣдите право, да нисте ни каково зданіе оваковога вкусса видѣли!

То э могло Републику прилични новаца стаяти, отговоріо э Демокритъ.

Што Републики славу чинитъ, нестоитъ никада много новаца, отговоріо э Архонъ, кои э у овому часу второга Перікла у себи чувствовао; я знамъ, высте добаръ познаватель Демокрите: ербо Вы имате свагда на свему штогодъ иставити (забавити чему) молимъ нађитеми какову погрѣшку на овому украшенію? (Фабаде)

Тысящу драхмовъ за едну погрѣшку, Господине Демокрите, повикао э еданъ младіи Госпоинъ, кои э честь имао синовацъ Архоновъ быти, и у кратко изъ Аѳине дошао быо, гдѣсе онъ изъ Абдеритскога неотесанца за половицу свога имѣнія у Аѳинскога ветрогоню претворіо.

Ова изваяна красота есть лепа, рекао э Демокритъ весма снисходително; тако красна, да бы она такожде у Аѳини или Корінту или Сіракусу быти могла. Я видимъ, ако э слободно рећи, само еданъ недостатокъ на овому преизрядному зданію.

„ Погрѣшку? „ — рекао э Архонъ оваковимъ образомъ, когасе само еданъ Абдеритъ, кои э Архомъ послужити можетъ.

Погрѣшку! погрѣшку! повторіо э онай млади ветрогоня, дигнувши велики смѣхъ.

„ Смелисе запитати, Демокрите какосе та Ваша погрѣшка зове?

Богатела, отговоріо э Демокритъ; ништа више него штосе, ово красно изваяніе — видѣти неможетъ, „ Неможесе видѣти? и како э то?

Есть такоми Анувїса! како захтевате вы да бысе она, отъ свїю они стари гадно созидани домова и Амбара видѣти могла, коесу овде окрестъ, между очи люди и ныне изваяне Красоте ставлѣне?

„ Овису домови стаяли много преће нежели штосмо я и Вы рождени были, „ рекао э Архонъ.

Овакови разговора было э, докле э годъ Фїлозофъ живїо, сваки данъ часъ и могновенїя ока.

„ А како налазите овай пурпуръ Демокрите? Высте были у Тїрусу; ели истинна? „

Истина э Госпоже, али ово пурпуръ нїе; овое само Коцїнумъ, кога Вами Сїракуу-

кузани изъ Сардиніе доносятъ, и за Тірскій пурпурь продаютъ.

„ Али наиманѣ Выћете баремъ овай шлаеръ за Індіанскіи Бїссусъ (кадіфу) найфінїега начина допустити? „

За найфінію версту, красная Аѳаланто, коисе у Мемпїсу и Пелузуму испословати даетъ.

Садъ э себе оваи честни мужъ две непріятелице, у едному мінуту учинїо. Ели могло такожде штогодъ соблазнителніе быти нежели овакова искренность?

ГЛАВА ОСМАЯ.

Предваритєлно извѣстїе о Абдеритскому Ѳеатру. Демохритъ быо э принужденъ, о таковомъ мнѣніе свое сказати.

Абдерити познавалисусе съ нынимъ Ѳеатромъ верло добро. Ныни Актери (дѣйствители) былису прости граждани отъ Абдере, кои или отъ нынога занята нису живити могли, илису лѣниви были какови научити. Они нису имали никаковога наученога поняпїя о художеству, али спроћю тога їошть веће мнѣніе о ныной собственнои способности; и дѣйствително ніе ныма на способамъ фалити могло, ербосу

су Абдерити вообще сви рождени гадатели преклапалице и понтомими были, у коима э свагда свакїи удъ нынога тѣла говорити помагао, колико э такожде оно мало, штосу сказивали, значити могло.

Онису такожде свога собственнога Θеатралнога стїхотворца, именемъ Хипербола имали, кои э, ако э ныма вѣровати, нынъ Θеатеръ толико далеко довео быо, дасу они Аθиняномъ весма мало попущали. Онъ э у смешному (Комїческому) тако сыланъ быо, какогодъ и у трагїческому, и їоштъ преко тога правїо э наисмешнїе сатуровъ игре *) отъ свѣта, у коима э онъ свое собствене трагедїе тако смешно представляо, дасе о томъ какосу Абдерити сказивали за тербу держећи и до исчезнутїя смѣяти морало. По нииному разсужденїю, соединявао э онъ у своеи трагедїи высоки измахъ, и крепку воображенїя „ силу Ешила съ сладкорѣчїемъ и съ Патосомъ Еуріпїда, онако исто како и у своима веселима играма Арїстофана волю и своевол-

мо

---

* Греческе смешне игре, коесу съ талїанскомъ оперомъ Буфомъ нѣкое подобїе имале, о чему намъ цїклопсъ Еуріпїда цигло Едну за оставшу часть овога начина за поняшїе дастъ.

но остроумїе съ утончанимъ вкуссомъ и красотомъ Агатона хитрость, съ коїомсе онъ дѣлъ своихъ освобождавао, было талентъ, отъ кога э онъ себи наивише добра и ползе учиніо и съ тимсе хвалїо. Онъ э свакога мѣсяца свое трагедіе съ нѣкомъ маломъ смешномъ игромъ за придаткъ, издавао. Мое наилучше дѣйствїе, (или комедїа игра) говорећи, мене то нїе више него 14 *тъ* дана стаяло, пакъ опетъ траетъ 4. и до 5 *тъ* сати добро броећи.

Боже буди намъ милостивъ! помыслїо э Демокритъ у себи.

Садсу навалили Абдерити све више отъ свїю страна на нѣга, да бы онъ мнѣнїе свое о ныномъ Θеатру исказао; и колико нїе онъ радъ было себе съ ныма о ныному вкуссу у разговоръ упустити, тосе опетъ нїе могао у себи удержати ныма умилитисе, кадсу они већь съ совокупномъ рукомъ отъ нѣга нѣгово изреченїе отели.

„ Каковамсе види ова нова Трагедїа? „

Предмѣтъ есть лепо избранъ. И штобы морао онаи писатель (Ауторъ) быти, кои бы овакову лепу матерїю сасвимъ уничтожїо!

„ Неналазители ю вы да э она весма чувсіпвителна? „

Часть

Часть какова могла бы на нѣки мѣсти весма возбудителна, али бы опетъ зѣло неволна часть быти могла, рекао э Демокритъ. Я познаемъ нѣкога ваятеля изъ Сїцїона, кои страсть имать, све саме любве Богинѣ изрезивати.

Овесу вообще весма простима женама подобно изгледале; али оне све имуть прекрасне ноге отъ свѣта. Цѣло таинство о вещи есть, да э оваи мужъ свагда жену свою къ тому за образъ узимао, кое э, на щастїе за нѣгове Венуса образе наинанѣ лепе голѣни имало. Тако исто можетъ кадъ кадъ наизлочестїему стїхотворцу каково возбудително описанїе предспѣти, акосе башъ онда случитъ, кадъ э онъ залюблѣнъ, или да э каковога пріятеля изгубыо, или дамусе иначе какови случаи догодїо, кои э сердце нѣгово у онаково станѣ ставїо, кое э нѣму лако чинило, себе на мѣсто лица, коему онъ говорити даетъ, ставити.

„ Вы дакле Хебуку нашего стїхотворца неналазите за изрядну? „

Я налазимъ, да э онай мужъ све што э годъ могао болѣ учинїо. Али она многа, часъ Ешелусу, часъ Софоклесу, часъ Еуріпїдесу, исчупана пера, чимъ онъ наготу свою покрити тражитъ, и коя нѣму можетъ

жетъ быти у очїю многихъ слишателей, коимъ они стїхотворцы нису тако присутствующи или познани како мени, честь чинитъ, алиму шкоду у моима чинятъ. Врана онако као є отъ Бога создана, чинимисе їоштъ свагда онако лепша, нежели акосе она съ Пауновимъ и Фазановимъ перѣмъ накититъ. Вообще изискуемъ я отъ сочинителя какове жалостне игре съ равнимъ правомъ, да онъ мени за мою похвалу какову изрядну жалостну игру, како годъ и отъ Сапогара да онъ мени за мое новце еданъ паръ добрыхъ Сапоговъ начинитъ; и колико я радо исповѣдамъ, да э много теже едну добру жалостну игру, нежели добре сапоге начинити: дакле я тога ради нисамъ манѣ уполномоценъ, отъ сваке жалостне игре захтевати, да она сва своиства имать, коя къ доброй жалостной игри, како годъ и отъ сапога, да онъ све оно имать, што доброму сапогу принадлежитъ.

„ И што принадлежитъ дакле, по Вашему мнѣнїю, къ добро усапоглѣнои (скопчанои) жалостнои игри?„ запитао э еданъ млади Патрїцыусъ, сердечно о овому доброму наумлѣнїю смѣюћисе, кое э нѣму како што э онъ мыслїо умакло.

Демо-

Демокритъ э съ нѣкимъ малимъ кругомъ Лицахъ, говоріо, коису нѣга послушати являлисе, и предначео э непозорствующи ни мало на вопросъ остроумнога младога Господина, далѣ. Истина правила художества„ дѣлъ„ рекао э онъ, немогутъ никада своеволна быти. Я отъ какове жалостне игре ништа далѣ не изыскуемъ, нежели што Софоклесъ отъ свое изыскуетъ; и то нитїе што выше нитїе што манѣ, нежели што естество и намѣреніе вещи собомъ доноситъ. Прости и добропромотрени планъ, у коему э стїхотворацъ све напредъ промотріо, све предуготовіо, све нравно заедно скопчао, све на едну точку довео; у коему э свака частица необходимо нужни членъ, и цѣлое едно благосогласно, красно, свободно и племенито движущееся тѣло есть! Никакови догучасних изставовъ, никаковихъ епїсодовъ никаковихъ сценъ къ испуненію никаковихъ бесѣдъ, коихбысе краи нестерпѣнїемъ дозѣвао, (очекивао) никаковихъ дѣйствїяхъ кое небы къ главному намѣренію пословали: обвязателне изъ естества узете Карактере, украшавало, али тако, дасе человѣчество у ныма небы никада заборавило; никакове излишне добродѣтели, никаково чудовище

зло-

злобе! лицахъ коя свагда своимъ собственнимъ нераздѣнимъ понятїямъ и чувствованїямъ сходно говорятъ и творятъ; свагда тако дасе чувствуетъ, по ныному особному Карактеру, по свима нынима предидущима, и садашнима обстоятелстви и опредѣленїями, мораю они у предложеному или заданому случаю тако говорити, тако творити, или престати быти оно штосу они. Я изыскуемъ, да стїхотворацъ не само естество человѣческое познаетъ, колико э оно образъ и примѣръ свїю нѣгови изображенїяхъ; я изыскуемъ, да онъ такожде на слишателѣ призрѣнїе узметъ, и точно знадетъ, каковимсе путемъ нынога сердца господаромъ учинити можетъ; да онъ сваки крѣпки ударацъ, кога онъ хоѣе на таково да учинитъ, непримѣтително предуготовитъ; да онъ знадетъ, кадъ э веѣь доста, и преѣе нежели што онъ насъ съ разними уселѣнїями совершенно утрудитъ, или какову страсть, до таковога степена, гдѣ она намъ тяготна быти започинѣтъ, у нами возбудитъ, сердцу мале покоя одушке ко укрѣплѣнїю благодѣйствуетъ, и возбужденїя, коя э онъ нами сообщїо безъ убитка главнога дѣйствїя умногоставити знаетъ. Я изыскуемъ отъ нѣга красни, и

безъ

безъ утѣсненїя крайнимъ прилѣжанїемъ у-тончани говоръ; свагда тепло крѣпостно произношенїе, просто и славно, никада растећи нити падаюћи, крѣпко и животно, да небы сурово или круто было, свѣтло, али да неослѣплява; истини херойчески говоръ, кои э свагда живо и остро произношенїе какове велике душе, и непосредствено о настоящему чувству задано есть, никада много, никада мало сказано, и равно каковому тѣлу скроенои халини, и свагда своситвено притяжаемога духа говорящаг просїяти даетъ. Я позивамъ, да онаи коисе усудитъ, херойческе рѣчи испущати, самъ велику душу имать; и доклесе онъ све већомъ силомъ одушевлѣнїя у свога юнака премѣнїо све, што э онъ нѣму у уста спавїо, у своему собственному сердцу находитъ. Я позивамъ —

„ О, Господине *Демокрите*, „ — повикалису Абдерити, коисе веће дуже нису задержати знали — „ Вы можете, кадсте веће еданъ кратъ у исканю, све искати штовамъ годъ валя. У Абдери можетсе и съ чимъ манымъ удоволствовати. Мысмо и съ тимъ удоволни ако насъ какови спїхотвораць само возбудитъ: человѣкъ каковъ, кои насъ на смѣянѣ или на плачь наведетъ,

ведетъ, есть у нашима очима Божествени мужъ, можетъ онъ вещь започети како годъ самъ хоће. То э нѣгова а не наша вещь! Іперболь допадасе нами, онъ возбуждава насъ, чинитъ нами шалу; и да метнемо и то, да онъ насъ между тимъ и на зѣванѣ учинитъ, то остаетъ онъ кодъ насъ опетъ велики стїхотворацъ! Требуемоли мы каковога далѣга доказателства?

Церни кодъ златнихъ брегахъ, рекао э Демокритъ, играютъ весма радостно спрочу звечаня нѣкога неволнога Інштрумента и нѣкога плеха, съ коимъ они еданъ у други удараютъ. Подаите имъ їоштъ еданъ паръ кравїи звончића и едне гаиде къ тому, онда мыслятъ они у Елїзїуму быти. Колико э остроумїя ваша бабица требовала, да бы васъ їоштъ кадсте дѣца были съ приповѣдкомъ возбудила? Наилошїя приповѣдка у каковому тужителному гласу изсвирана, была э доста добра къ тому. Али слѣдуетли изъ тога, да э музїка цернихъ изрядна, или да э бабска приповѣдка каково красно дѣло?

Высте весма любезни Демокрите — „

Молимъ за опрощенїе! Ясамъ тако нелюбезанъ, сваку вещь своимъ именемъ звати; и тако самоуманъ, да я никада рећи

нећу

нећу, све есть красно и изрядно, штосе тако називати соизволява.

„ Алиће чувство еднога цѣлога народа више што значити, нежели самоумïе еднога особнога? „

Самоумïе? То э башъ оно штосамъ я изъ художествъ наукъ истреблѣно радъ видѣти. По между свима изысканіяма отъ коихсу Абдерити нынога любимца Хіпербола тако милостиво отбраяли, нïе ни едно, кое небы на неумитной и острои правды основано было. Али чувство цѣлога народа, ако оно нïе научено и изострено чувство, можетъ и мора у неизброенимъ случаямъ ложно быти.

„ Како къ дяволу! (повикао э еданъ Абдеритъ, коисе съ своимъ чувствомъ весма удоволянъ быти являо,) та виђете насъ како видимъ напослѣдокъ и нашихъ пять чувствъ лишити?

Сохрани Боже! Отговорïо э Демокритъ. Акосте вы тако разумни, никакова далша права чинити нежели на пять чувствъ, то бы найвећа неправда была, васъ у мирному притяжанïю таковихъ нарушити хотети. Пять чувствъ есу всячески, онда кадсе сви пять заедноузимаютъ (еданъ полномощнïи судïя у свима вещма гдѣ на то доће доказати, што э бѣло или церно,

глад-

гладко или сурово, мягко или твердо, дебело или тонко, горко или сладко. Человѣкъ кои никада далѣ неходитъ, нежели колико нѣга пять чувствъ водитъ, ходитъ свагда безбѣдно; и доиста ако ващъ Хїперболъ за то старатися будетъ да у нѣговимъ позорнимъ играмъ свако чувство услаждено и никаково увреѣено будетъ, то я за похвалу и доброе воспрїятїе добаръ стоимъ, и башъ ако бы она іоштъ десять кратъ лошїя была нежели штосу.

Кадъ Демокритъ небы у Абдери штогодъ выше, нежели што э Дїогенесъ у Корїнту быо, то бы нѣму можетъ быти, свобода нѣговога языка много русвая на вратъ навукла. Ербо коликосусе Абдеритн радо о важнима вещма шалили, тако мало моглису они терпити кадсе тко годъ, о ниномъ куколю и играчкама весео учинїо. Али Демокритъ быо э изъ наиболѣга дома отъ Абдере, и што іоштъ више значити имать, быо э онъ богатъ. Ово сугубо обстоятелство чинило э дасе нѣму много попущало, штобисе другому каковому Фїлозофу у раздртому япунжету тешко за добро примило„ Высте еданъ несносни чело вѣкъ Демокрите?„ ропталесу красне Абдеритнкинѣ и — терпилесуга.

Стї-

Стїхотворацъ Хїперболъ начинїо э їоштъ ону исту вече нѣке смешне стїхове на Фїлозофа. Слѣдующега ютра летилису они около свїю украсителни Астала; и треѣю нощь былису они посви сокацы у Абдери пѣвани. Ербо э Демокритъ їоштъ къ тому мелодїю додао.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Добро „ душевно „ благонравїе Абдеритовъ и какосе они на Фїлозофу Демокриту ради нѣгове нелюбезности отмстити знаютъ. Една нѣговикъ явнихъ проповѣдеи на сокаку за искушенїе. Абдерити установляваю законъ противо, свїю путешествїяхъ коимъ бы каковъ Абдеритскїи сынъ мудри быти могао. Примѣчанїя достоини начинъ, како э Номофїлаксъ Гриллусъ нѣку изъ овога закона произшедшу тяготу разрѣшїо.

Есть порядочнимъ начиномъ погибелна вещь, више разума имати нежели свои сограждe. Сократъ э то съ животомъ платити морао; и ако э Арїстотель съ цѣломъ кожомъ отъ тога избѣгао, кадъ э нѣга Архїереи Еурїмедонъ у Аѳини ради Ідолопоклонства обтужїо быо, то э само изъ тога изишло, ербо э онъ заблаговремено

но прахъ почистїо. Я Аѳиняномъ нећу никаковога способа дати, рекао э онъ, дабы они по други кратъ о Фїлозофїи согрѣшили *)

Абдерити кодъ свїю ныни человѣчески слабостей нису найманѣ были никакови весма злонравни люди. Между ныма могао э Сократъ тако старъ быти како Несторъ. Онису нѣга за нѣки чудесни начинъ будалахъ держали, и о нѣговой мнимои или притворной будалаштини себе многократно увеселили; али вещь до отровне чаше довести ніе было у ныномъ Карактеру. Демокритъ э тако остро съ ныма къ дѣлу поступао, дабы какови манѣ Іовалски народъ притомъ терпѣніе већь изгубїо быо. Цѣла нына освета, коюсу они противо нѣга предузели, состояла э у томъ, дасу они небринуѣисе съ каковомъ причиномъ тако исто о нѣму зло говорили како годъ и онъ о ныма, свесу кудили што э годъ онъ предузимао, свесу посмѣятелно нашли, што э онъ говорїо, и о свему што э онъ ны совѣтовао управо на противъ чинили. „ Морасе Фїлозофу всквозѣ умъ проѣи реклису они,

*) Aelian War Hiſto: III. 36.

они, неваляму све бѣло чинити, да онъ све болѣ знаетъ нежели мы " — — и, слѣдствомъ мудре ове максїме, чинилису ови мудри люди едну будалаштину верху друге, и мыслилису, коликосу они много притомъ добили, кадъ э нѣга штогодъ мерзило. На несрећу лишшилисусе они у томъ нынога намѣренїя сасвимъ. Ербосе Демокритъ къ тому смѣяо и нїе ради нынога дираня, ни еднога магновенїя ока раніе сѣдъ постао. О Абдерити, Абдерити! повикао э онъ кадъ кадъ; Ето садсте опетъ сами себи заушку дали, мыслећи, дасте мени штогодъ жао учинили!

„ Али (реклису Абдерити) можели гдѣ годъ съ каковимъ человѣкомъ горе быти? О свему на свѣту есть онъ другога мнѣнїя нежели мы. У свему, штосе нами допада, налазитъ онъ ману. То э весма неугодно, свагда между собомъ противорѣчити! „

Али, кадъ вы свагда неправо имадете? Отговорїо э Демокритъ„ — Та даите еданъ кратъ видѣти како и другоячїе быти можетъ! За сва ваша понятїя морате вы вашой бабицы благодарити; и о свему мыслите вы їоштъ свагда онако исто, штосте како дѣца о томъ мыслили. Ваша тѣлеса есу

на-

нарасла, а душе ваше лежатъ іоштъ у колевки. И коликоихсе много между вама трудило, причину испытати, зашто они штогодъ истино или добро или красно именуютъ? Равни недораслимъ и на сосцахъ дѣтемъ есть вами све благо и красно, што ваша чувства шкаклятъ, штосе вамъ допада. И на какове мало „ значаще багателне често къ вещи непринадлежаще вещи причине и обстоятелства недолазитъ, хоћелисе вами штогодъ соизволѣти или не? Како отчаятелни не бываше вы често, кадъ сказати морате, зашто ово любите а оно злобите? Безпутности намргодѣнія, волѣ, ћуди, самоумія, обычаи, себе отъ дриги люди као дѣца водити дати, съ нынима очима гледати, съ нынима ушима слушати; и што они предъ вами свираю то исто за ныма свырати, — есу побуждателна пера коя кодъ васъ мѣсто разума служатъ. Хоћули да вамъ скажемъ у чему погрѣшка лежитъ? Высте себи ложно понятіе о свободи у главу ставили. Ваша дѣца отъ 3. или 4. лѣта имутъ таково исто понятіе отъ тога; али ово нечинитъ тое исправніе. Мысмо свободни народъ говорите вы, и већъ мыслите, да разумъ къ тому ништа приговорити неимать„ Защто мы небысмо

мыслити смѣли, како штосе нами изволява? Любити и злобити како штосе нами соизволява? удивляваши или презирати како штосе нами соизволява? Тко имать право насъ зато на отговоръ привлачити, или вкусъ и наше склоности предъ свою судеиску столицу позвати!„ — Добро дакле мои любезни Абдерити, мыслите и сочинявайте, любите и злобите, удивлявайте и презираите, како, и када, и штовамсе соизволява! Чините лудованя колико кратно хоћете, и колико вамъ драго! Што э наипослѣ кому до тога? Доклесе годъ багателахъ играчки и дервени коня дотиче, было бы неправедно, васъ у притяжанїю правахъ ваше играчке и дервене конѣ по произволенїю чистити и яшити, нарушити хотети. Да ставимо такожде, ваша куколка была бы гадна, и то, што вы вашимъ дрвенимъ конѣмъ именуете, изгледало бы спредъ отрагу каковому вочићу или магарчићу подобно: што чинитъ то? Ако ваше лудости васъ щастне и никога нещастна чинятъ, што э другима людма до тога, дасу то будалаштине? Зашто небы высокомудри совѣтъ отъ Абдере у торжественнои літіи, еданъ за другимъ у реду отъ варошкога дома до храма Латоне преко врата премештанисе смѣо,

смѣо, ако бы совѣту и народу отъ Абдере то поволно было? Зашто небысте вы ваше наикрасніе зданіе у каковому бужаку и вашу красну малу Венусъ на стубъ поставити смѣли? Али мои любезни земляцы, нису све ваше будалаштине тако невине како ове; и кадъ я видимъ да вы себи своими безпутностми и напрасностми шкоду чините то я вашъ пріятель не бы быо; кадъ бы я къ тому молчати могао. Напримѣръ, ваша жабія и мишія вонна съ Лемніери, наиненужднія и наибезумнія коя э икадъ започета была, и ради наилошіе вещи отъ свѣта, ради волѣ, едне играчице? — Пало э у очи, дасте вы онда подъ непосредственимъ обладанѣмъ вашега злога Демона были, кадсте таковую заключили. Али, све ніе ползовало штосе вами на противъ тога предлагало. Лемніери моралису наказани быти; и какосте вы люди животнога воображенія, то вами ништа лакше ніе было, нежели себе отъ цѣлога острова Господаромъ учинити. Ербо вы тяготу вещи какове никада преће у разсужденіе неузимате, него кадъ васъ башъ носъ вашъ на то опоменетъ. Но и то све іоштбы проћи могло, кадбисте вы наименѣ произведеніе ваши планова каковому способному мужу на-

ложи-

ложили были. Али младога Апрона за военачалника учинити, не являюћисе никакова могућна причина о томъ мыслити, нежели штосу ваше жене нашле, да э онъ у нѣговому прекрасному новому вооруженїю тако лепъ како годъ раи; и отъ радости велико огнѣфербено перѣ на нѣговои безъ мозга глави гиблющееся видѣти — заборавити; да то неће никакова увеселителна воина быти, ово само, ово неотричите, дасте вы ню съ изгубиткомъ ваше чести, ваши Галїахъ и вашимъ наиболимъ воинствомъ платити морали, штовамъ э полза, дасу Аѳиняне *) коесте вы вашимъ лудостемъ за примѣръ узели, такове исте богапоумне поступке и съ таковимъ истимъ благощастнимъ концемъ изыграваши обычествовали?

Овимъ

*) Аѳиняне нису къ нїовои войни съ Мегаромъ никакове болѣ причине имали (акосе Арїстотелю варовати можетъ) него да э нѣколико младе Господе отъ Мегара, да бысу похищенїе нѣке мегарске красоице отмстили, едно две младе женице отъ тога истога заната изъ Аспазїнога училища похитили. Аспазїа могла э све верху Перїклеса, Перїклесъ све у Аѳини, и тако э быо магеромъ ратъ обявлѣнъ. Плутархъ у Перїкла житїю.

Овимъ гласомъ говорїо э Демокритъ съ Абдерити, коликосу годъ крати они нѣму къ тому способъ дали; али, коликосе ово врло често случавало, тосе они опетъ нису навикнути могли гласъ овай за благопрїятанъ наћи.„ То э тако, реклису они, кадсе носомудримъ младићемъ дозволи, по пространому свѣту свудъ путовати, да бысе нынога отечества стидѣти научили, и послѣ десетъ или двадесетъ лѣта, съ пуномъ главомъ иноземни понятїяхъ аки мироначалницы (космополїти) на трагъ придутъ, кои све болѣ разумѣваю нежели ныни дѣдови, и све гдѣгодъ на другомъ мѣсту болѣсу видѣли нежели кодъ куће. Стари Егүптяни, кои никому путовати дозволѣли нису преће докле ніе 50: лѣта у возрасту имао, былису мудри люди.„

И абїе опишлису Абдерити, и установилису еданъ законъ: да никакови Абдеритскїи сынъ унапредакъ не далѣ нежели до Корїнтскога Істїхума, дуже нежели едно лѣто, и иначе нежели подъ надзирателствомъ каковога искуснога учителя отъ стародревнога Абдеритскога поколеня, мнѣнїя и благонравїя, путовати несмѣетъ.„ Млади люди мораю истинна свѣта видѣти, говорїо э Декретъ: али башъ затю дасе неимутъ ни-

ни накаковому мѣсту дуже задержати, неже-ли толико, доклесу све штосе съ очима видѣти можетъ, видѣли. Особито надзирателни учитель да имашь точно нато позорь у каковесу конаке *) дошли какосу ручали, и колико платитисе мора; да бы ныни сограждани у слѣдству себи ова прехвална тайна извѣстїя на ползу учинити могли. Далѣ да имать (како што э Декретъ далѣ гласїо) за ущадѣнїе трошковъ каковаго долгаго задержанїя на коемъ мѣсту, надзирателни учитель на то смапрати, дасе небы млады Абдеритъ у какова ненуждна и неполезна дружства заплео. Гостилникъ или слуга внѣшни, аки у мѣсту окуѣени, можетъ нѣму найболѣ сказати, што э онде наидостоинїе видѣти, какосе ондашни научени и художницы именуютъ, гдѣ обитаваю, и у коесе време съ ныма говорити можетъ; ово да имать надзирателни учитель у свои катадневникъ назначити; и ондасе можетъ у два или три дана, кадсе време добро къ совѣту держитъ многое очима видѣти. „

На

*) Ели ово мѣсто, ради конаковъ, за истинно и подметнуто держати, оставлясе разсужденїю оныхъ, коису Rem cauponariam veterum стално извидѣли.

На несрећу овога мудрога Декрета нашлисусе двоица Абдеритске младе Господе отъ велике важности башъ онда изванъ землѣ кадъ э онъ сочинѣнъ, и по древному обычаю, народу на главнимъ мѣстамъ града пѣванъ быо. Еданъ быо э сынъ нѣкоего терговца, кои э скупоћомъ и раболѣпномъ хитростїю у нѣговои терговини, отъ 40 *тъ* година велико имѣнїе стекао и съ помощїю таковога дщеръ свою (наигадніе и наиглуплѣ створенѣ у цѣлой Абдери:) у кратко за сыновца малога дебелога Совѣтника, коего э славно упоминаніе горе учинѣно удао. Други быо э единацъ Монофїлакса, и морао э, да бы своему отцу што скорѣе то драже у овому достоинству причинѣнъ быти могао, у Аѳину путовати, и себе съ музїкалнимъ существомъ онде опасніе познана учинити; докле э наслѣдникъ купца, кои э нѣга пратити хотео съ Нїмфама, и цвеће правящима дѣвицама опасніе познанство учинити наумїо быо. Дакле нїе Декретъ на особни случай, у коемусусе ова млада Господа находили, помыслїо. Вопросъ э быо дакле, шта чинити валя. Ели поправлѣнїе закона предузети, или кодъ сената само за дозволѣнїе (diſpenſation) за предлежащи падежъ про-

проситн ? — Ни едно отъ обоихъ, рекао э Монофїлаксъ, кои э башъ съ сочиненїемъ нѣке нове игре, за празникъ Латоне и чрезвичаино съ самъ собомъ удоволянъ быо. Дабысе што годъ у закону самому премѣнило, мораобысе народъ тога ради созвати; и и овобы само нашимъ несклоникомъ способъ дало, уста развалити. Штосе дозволѣнїя дотиче, то есть доиста у тому, дасе закони наивише ради дозволѣнїяхъ правутъ; и я несумнамъ, даѣе Сенатъ нами безъ тягости дозволѣти; што сваки, у подобнимъ случаямъ, силою противоправдїя искати моѣи желитъ. Но между тимъ имать опетъ свако освобожденїе изгледъ нѣке указане милости, и къ чему имадемо мы нужду, себи обвязателства на вратъ товарити? Законъ есть спящи Левъ, кодъ когасе, толико дуго доклесе годъ онъ непробудитъ, тако безопасно како годъ кодъ ягнѣта пролазити можетъ. И ткоѣе оваи безобразлукъ или дерзновенїе имати нѣга напротиво сына Номофїлаксова пробудити?

Овай хранитель законовъ быо э, како што видимо, мужъ, кои э о законамъ и о чину своему весма утончана понятїя имао, и себе съ користми кое э нѣму нѣ-

вовъ

говъ чинъ давао хитро послужавати знао. Имя нѣгово заслужава сохранѣно быти. Онсе називао Грїлусъ сынъ Цїникуса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Демокритъ отлазитъ у предѣлъ натрагъ, и што э отъ Абдеритовъ прилѣжно посѣщаватъ. Различне рѣдкости, и нѣки разговори о Шларафскои земли обычаямъ и благонравїю.

Демокритъ повратившисе у отечество свое натрагъ, умилявасе съ тимъ помысломъ, даѣе онъ таковому, средствомъ свега онога, у чемусе разумъ и сердце нѣгово между тимъ поправило, полезанъ быти моѣи. Онъ себи представїо нїе да съ Абдеритскими главами тако весма зло стоитъ, као што э онъ садъ башъ дѣйствително нашао. Али задержаваюѣисе онъ нѣколико времена между ныма, видѣо э явно да бы то суетно предвзятїе было ны исправити хотети. Све э кодъ ны было тако разметнуто, дасе нїе знало отъ коесе стране исправлѣнїе започети мора. Свако ныно злоупотреблѣнїе зависило э отъ 20 *тъ* другихъ; нїе могуѣе было ни едно отъ тыхъ иставити, дасе неби сва цѣла дер-

жава

жава премѣнила. Добра какова болесть (помислїо э онъ) коябы цѣли народъ — до нѣколико тестета дѣце, коябы башъ толико велика была, да бысу доикиню оставити могла — отъ землѣ истребила, былобы едно точїю средство, коебы граду Абдери помоћи помогло; Ербо Абдеритомъ нїе могуће было помоћи?

Заключїо э дакле, себе добримъ начиномъ отъ ныхъ удалити, и отишао э у нѣкое мало добро обытавати, кое э онъ у предѣлу отъ Абдере притяжавао, и съ коего э ползованїемъ и украшенїемъ онъ часове свое упражнявао, кое э нѣму любима наука нѣгова, испитанїе естественога дѣйства допустила. Али на нѣгову несрећу лежало э ово добро нѣгово близу Абдере. И будући да э мѣсто и положенїе таковога отъ више красно, и путъ до онде єданъ наикрасних и наиугодних шетаня быо; то э видѣо онъ себе колико э у Бога дана читавимъ чопоромъ Абдеритовъ и Абдериткиня све сами сродника и нећакиня посѣщаемъ, коису красно време и поволну шетню за изговоръ узимали, нѣга у благощастной самоћности нарушавати.

Коликосе Демокритъ Абдеритомъ найманѣ онолико мало како и они нѣму допадао,

падао, то э опетъ дѣйство отъ тога веома различно было. Онъ э бѣжао отъ ныхъ, ербосу они нѣму дуго време чинили; а онису тражили нѣга, дабы съ тимъ време прекратили. Онъ э свое знао употребити; а они спроћу тога нису ништа болѣ учинили.

„ Мысмо дошли, вами у вашой самоћности време прекратити помоћи, „ рекли-су Абдерити. — Я обычествуемъ у моему собственному содружеству веема кратко време имати, рекао э Демокритъ. „ Али како э могуће, дасе свагда тако саму бы-ти можетъ, повикала э лепа Пїшека. Я бы отъ дугога времена исчезнула, кадбы са-мо еданъ данъ живити морала, люди неви-дећи. „

Вы обѣщаваше себе, отъ люди видѣ-нимъ быти, мыслите вы, рекао э Демо-критъ.

„ Али откуда то узимате, да Демо-критъ дуго време имать; нѣговъ э цѣли домъ съ рѣдкостми напунѣнъ. Съ Вашимъ дозволѣнїемъ , Демокрите — дайте намъ све оне красне вещи видѣти, коесте вы на путешествїю вашему собрали. „

Садъ э почело страданїе бѣднога пусти-ника башъ како валя быти. Онъ э имао дои-ста прекрасно собранїе, отъ естествено-

стей

стей изъ свїю царствъ и частей естества; испунѣни звѣради, (натушкани) птица, жаба, лептирова, школки, окаменѣнїяхъ рудахъ и т: д: Све э ово Абдеритомъ ново было; све э возбудило ныно чудо и удивлѣніе. Добрыи естества испитатель быо э у едному мїнуту съ толико много вопроса, заглувлѣнъ, да э онъ, као Фама изъ самихъ ушесъ и языковь составлѣнъ бытти морао, да бы на све ныне вопросе отговорити могао.

„ Али истолкуйте нами опетъ, какосе ово зове? што э то? Отъ куда э то; како то быва? зашто э тако?„

Демокритъ э тако добро какогодъ што э могао и знао све изяшнявао, али Абдеритомъ, нїе съ тимъ ништа ясніе было, но было имъ э много више, као да бы они свагда манѣ о вещи поняли, коликосе више такова ныма изяшнявала. То кривица нѣгова нїе была! — „Чудаполно! непостижимо! весма чудесно! „ — быо э нынъ вѣчни противозвукъ. —

Тако естественно као штогодъ на свѣту! Отговорїо э Демокритъ сасвимъ хладноумно. —

Высте весма мудрыи, Демокрите; или башъ захтеваше вы дасе вами їошть више

ком-

комплїментовЪ о вашему доброму вкуссу и вашему великому путешествїю чинити мора? „—

Нестављајтесе вы тога ради ни укакове прошкове, моя Господо; я узимамЪ све за примлѢно.

„ Али можетЪ опетЪ какова угодна вещь быти, тако дубоко унутра у свѢтЪ путовати? „—рекао э нѢки АбдеритЪ.

„ Я мыслимЪ башЪ противо частїе рекао э други—узмите само све оне погибели и тяготе, коима э путникЪ повседневно подложанЪ; хрђави путови, злочести конацы, прудови, кораблѢкрушенія, дивїи звѢрови, крокодили, жиророжницы, штїпаоцы, и крилати Лавови, отЪ коихЪ у Варварїй све кипитЪ.

„ ПакЪ шта наипослѢ отЪ тога имадемо, (у мешаосе нѢки МатадорЪ отЪ Абдере у то) акосмо видѢли колико э свѢтЪ велики? Я мыслимЪ, часть, кою я самЪ отЪ тога притяжавамЪ, явисе мени онда тако малена, да я выше никакове радости о тому имати немогу.„

„ Али немоите ниушто броити толико люди видѢти? — Отговорїо э перви.

„ И штасе дакле видитЪ онде? люди! таковисе можетЪ и кодЪ куђе видѢти.

Сву-

Свуда э шако исто као и кодъ насъ.„

„ Хеи, али ево овде опетъ една птица безъ ногу,„ повикала э една млада женица.

Шта безъ ногу? и сва цѣла птица не више него едно перо! то э чудесно!„ — рекла э друга. „ Постигнитеми то?„

„ Молимъ васъ Демокрите изясните намъ, како она ходити можетъ, будући да она ногахъ неимать?„ И како она съ цигло еднимъ перомъ летитъ?„

„ О, штобисамъ я наирадїе видѣла, рекла э една отъ нећакиня, то бы было еданъ живи Шпїнксъ! Высте морали таковихъ много у Егупту наћи?„

„ Али ели могуће, молимъ васъ, да жене и дщери Гїмносопїстовъ у Индїи — као штосе сказуетъ — вы мене разумѣвате, шта я хоћу да питамъ?„

Не я, Госпожо Салабандо.

„ О, вы мене доиста разумѣвате! Та висте у Индїи были? Высте жене Гїмнософїстовъ видѣли?„

О есть, и вы мени можете вѣровати, да жене Гїмнософїстовъ нитису више, нитису манѣ жене нежели жене Абдеритовъ.

„ Вы нами много чести указуете, али то ніе оно, штосамъ я знати хотѣла. Я питамъ, ели истинна, да оне — (овде э

дер-

держала Госпожа Салабанда едну руку на нѣнима грудма, а другу — кратко онасе ставила у Аттїтуде*) медїцїске Венуса, дабы Фїлозофу понятно учинила што э она знати хотѣла, садъ вы вѣнь мене разумѣваше? „ рекла э она.

Есть, Госпоже, естество нїе спроћу ны скуплѣ нежели спроћу другихъ было.

Каковъ э то вопросъ!

„ Вы нећете мене да разумѣете, Демокрите; я мыслимъ дасамъ вами доволно ясно сказала, дабы я знати рада, ели истина, да оне — ербо вы башъ хоћете да вамъ ямач-

*) Страна рѣчь! Я молимъ испрателя. Али нити мѣсто, нити положенїе, нити намргодиванѣ неизяшнява то, што Аттїтуде; и колико кратно нами на нуждними и домаћими рѣчма фали, бытићемо принуждени остати стране узаймливати. И отъ кога можемо у оваковому случаю паметнїе узаимити, нежели отъ онога живога языка, кои э общи и полїтїчни? такосу стари Римляне съ Греческимъ; и зашто небы Нѣмецкїи писатели, съ тимъ испимъ правомъ оно чинити смѣли, што э башъ Цїцеро, кому матерни языкъ толико много благодарити имать; задозвлѣно держао?

ямачно скажемъ — тако наге голе ходятъ, како што оне на свѣтъ долазе? „

„ Наге голе! повикалесу Абдеритскинѣ све на еданъ кратъ. Онда бы быле оне їоштъ безобразніе нежели дѣвице у Шпарти! Ткоће штогодъ таково вѣровати? „ Вы имате право, рекао э естества испитатель; жене Гїмносопїстовъ есу манѣ наге, нежели жене Грековъ у ныному полно ставному одѣлу: онесу отъ главе до ногу, у свою невиностъ и у явну честностъ сакривене *)

„ Како вы то мыслите? „

Могули я себе ясніе изяснити?

Ахъ, садъ я васъ разумѣвамъ! то э една укоризнъ? Али висе само шалите съ ныномъ честностїю и невинностїю. Ако жене Гїмнософїстовъ нису болѣ одѣвене, то — мораю оне или весма ружне, или ныни мужеви весма хладни быти. „

Ни едно отъ обоихъ. Ныне жене есу красно изображене, и дѣца нына здрава и полна жизни; неизгнаное свидѣтелство къ ползи и чести ныни отаца, чинимисе!

Вы-

---

*) Явна честностъ служила э ныма за покривачь, говоритъ, я незнамъ кои древни, о Шпартанскимъ дщерамъ.

„ Выстe нѣки любитель преславнихъ, Демокрите, рекао э Матадорь; али вы мене никада надговорити нећете, дасу нрави каковога народа їоштъ чисти, коликосу више нѣгове жене наге?„

Кадбы я тако велики любитель овыхъ преславныхъ быо, као што мене обвинюютъ, то мени може быти небы тешко пало, васъ таковога примѣри и доказателстви увѣрити. Али я обычаю Гїмнософїстовъ нисамъ благонаклонъ доволно, да бы себе за защитителя таковаго ставїо. Такожде нїе мнѣнїе мое нинаименѣ было, то сказати, што мени остроумни Кратїлусъ сказати даетъ. Жене Гїмнософїстовъ являсе мени само доказати, да обыкновеность и обстояпелства у обычаямъ овога начина све расправляю. Шпартанске дщери, еръ оне кратке халине и оне на Індусу кое башъ никаковихъ долама неносятъ, нису зато нити безчестне, нити већимъ погибелемъ подложене, нежели оне, кое добродѣтель свою у седмь покривача. завїяю. Не предмѣти, него наша мнѣнїя о таковимъ есу причине непорядочнихъ страстеи. Гїмнософїсти, кои никакову часть тѣла человѣческаго за неплеменитую нежели другу держатъ расмотраваю жене свое, колико оне нису у дру-

гу никакову нежели у само свою природну кожу одѣвене, за онако исто одѣвене, како Сгодь и кити свое, кадь оне Тигрову кожу около бочина обѣжену имуть.

„ Я нежелимь, дабы Демокритъ съ своїомъ Фїлозофїомъ толико много верху наши жена возмогавао, дабы оне себи такове вещи у главу ставиле, „ рекао э нѣкій честикрѣпки укочени Абдеритъ, кои э съ звѣринѣмъ терговао. „ Я такожде не, „ рекао э нѣки платнарь. Я такожде доиста не, рекао э Демокритъ, колико я нити съ звѣринѣмъ нити платномъ тргуемъ.

„ Али їоштъ едно дозволитеми запитати, шаптала э нѣкиня, коябы весма радо живе шпїнксе видѣла была. Высте по цѣлому свѣту ходили; и тамо э много чудесни земаля было, гдѣ э све другоячїе нежели кодь насъ — „

(Я ни едно слово отъ тога невѣруемъ, роптао э Совѣтникъ, чешуѣи као Омеровъ Іупїтерь Амврозїеву кику на нѣговои мудрости трудноі глави.)

„ Скажитеми баремъ у коеисе вама отъ ови свїю земаля наиболѣ допало? „

Гдѣбисе кому болѣ допасти могло нежели — у Абдери?

О мы вѣћь знадемо, да вы то изъ истине неговорите. Безъ поклоновъ отговорите вы младои Госпожи, онако како што мыслите,„ рекао э Совѣтникъ.

Выћетесе мени смѣяти, отговорїо э Фїлозофъ; али будући да вы захтевате, красна Клонарїо хоћу вамъ дакле чисту истинну сказати. Нистели вы кадъ годъ о каковои земли чули, гдѣ э естество тако благо, покраи своихъ собствениxъ дѣлъ, такожде їоштъ и дѣло человѣковъ на себе примать? О каковои земли, гдѣ вѣчни миръ господствуетъ; гдѣ нїе нитко слуга, нитко Господинъ, нитко сиромахъ нитко богатъ? гдѣ жажда за златомъ къ никакому злочинству непринуждава, ербосе злато ни наштo употребити неможетъ; гдѣ э серпъ онако исто непозната вещъ како годъ и мечь; гдѣ прилѣжни за безпослицу радити немора; гдѣ никакови врачева неимать, ербо нитко болестанъ небыва; никакови судїя, ербо ни парнице никакове неимать; никакове распрѣ ербо э сватко удоволянъ; и сватко удоволянъ, ербо сватко свега задоволно имать, што икадъ зажелити можетъ; — еднимъ словомъ, о каковои земли, гдѣсу сви люди тако кроткїи као яганцы, и тако благощастни како Богови? Нистели вы икада о оваковои земли

мли чули? „ Нисамъ, дабысе опоменути могла„ Ово називамъ я онакову землю, Клоноріо! Онде нїе никада ниши весма топло, никада весма хладно, никада весма мокро никада весма суво; пролѣтїе и есень не владаютъ онде премѣнимъ начиномъ, него као у башчамъ Алцїнуса равно у вѣчнои единосности. Берда и долине, планине и поля съ свимъ наполнена, што сердце человѣка увеселити и раздражити можетъ. Али не дабысе люди трудити морали, зецове терати, птице или рыбе ватати, и плоды брати, кое они ясти хотятъ, или да бы они оне угодности, кое уживаю найпре съ великимъ трудомъ куповати морали. Не! свесе онде само отъ себе чинитъ. Яребице и шнепфови летятъ на чичкане и печене около устахъ, и просятъ понизно изяденимъ быти, рыби отъ свїю видовъ пливаютъ куване у рыбняцы отъ свїю могућни чорбахъ, коихъ брези свагда полни морски пужева, рака, паштети, шунки и говећи языка лежатъ. Зецови и сердаћи долазетъ своеволно сами, свукутъ себи сами кожу преко ушїю, натакнусе на ражань, и ставупся када већь печени будутъ отъ сами себе у чанакъ. Свудъ стоятъ трапезе, коесе саме отъ себе намѣшћаю, и мекано простер-

стерти отпочиваня креветн зувутъ свудъ къ отпочиваню отъ — безпослице къ угоднимъ утруженіямъ. Покраи таковога шумятъ мали потючичи млекомъ и медомъ и цїпрскимъ вїномъ, цїтроновъ воде и другихъ благопрїятнихъ напитковъ; и преко ны свише сводесе, съ ружицами и шаємини смешаны кусторчичи пуни бокаловъ, и стклянищъ, коисе, какосе попїю абїе отъ сами себе напуне. Такожде имать тамо древесъ, кои мѣсто плодовъ мале паштете, кобасице, бадема локумиће и младога масла колачиче носятъ, друга коя на свима гранчицама съ гуслама, флаутама, харфама, цїтрама, ѳеорбами и трубящими рози повѣшене есу, кое саме отъ себе наикрасни концертъ чинятъ, коисе и кадъ чути можетъ. Ови благощастныи человѣцы, кадсу већь топлу часть дана прѣспавали, и вечеръ преиграли препѣвали, и преспрдали, окрѣпетсе опетъ у хладнимъ марморнимъ илижамъ, гдѣ они отъ невидимихъ руку красно испрени, съ фїномъ кадифомъ коясе отъ сама себе испрела и исткала, убрисани, и съ драгоцѣномъ Есенціомъ, коя изъ вечернихъ облаковъ, као влажна пара доле роситъ, намазани бываютъ. Онда сѣдутъ на мекани ястуцы окрестъ полне трапезе, ядутъ пїютъ

и смѣ-

смѣются, поютъ преклапаютъ и любятъ цѣлую драгу нощь, кою вѣчно полно „ мѣсячіе прекраснимъ даномъ чинитъ и — што ѳ їоштъ наидражайше —

„ О идите, Господине Демокрите, высе самномъ шалите! што вы мени сказуете, есть само приповѣдка о Шларафскои земли, коюсамъ я тысящу кратъ отъ мое бабице приповѣдаюћи чула, кадсамъ їоштъ мала девоичица была. „

Али вы опетъ налазите Клонарїо, дасе у овои земли верло добро живити мора?

Не примѣчавате ли, да подъ свимъ овимъ нѣко таино означенїе сакривено лежитъ? рекао ѳ мудрый Совѣтникъ; башъ можетъ быпи какова Сатїра на нѣке извѣстне Фїлозофе, кои наивеће благо у сластолюбїю тражутъ. „

Хрћаво погођено, Господине Совѣтниче! помыслїо ѳ Демокритъ. Ясе опоминѣмъ у Амфіктїона Телеклида овому подобно описанїе златнога времена читати, рекла ѳ Госпожа Салабанда*)

Зе-

*) Госпожа Салабанда имать право. Давно пређе овна Госпоже Дунои учинїо ѳ Лукїанъ у своей истинои повѣсти, и їоштъ пређе Лукїана учинилису Грчески Комедїа стїхотвор-

Земля коюсамъ я красной Клонарїи описао, рекао э естества испитатель, есть мала Сатїра; есть земля, у коюсе отъ свакога тестета изъ међу васъ мудрыи люди 12 тъ съ сердцемъ увући желитъ, и по возможности унутра послуете и у кою насъ ваши Абдеритскїи нравоучители унутра ставити хотятъ; ако иначе ныни доводи и изясненїя гдѣ годъ какови разумъ имуть.

„ Ябысамъ радъ знати како вы то разумѣваше, „ рекао э Совѣтникъ, кои (средствомъ нѣкога многолѣтнога обычая, само съ полакъ ушїю слушати и свои вотумъ у совѣту полакъ спаваюћи давати навыкао) нїе радо трудъ на себе узимао, о каковой вещи дуго размишлявати.

Вы любите нѣко крѣпко освѣтлѣнїе, како я видимъ Господине Совѣтни майсторе

творцы Метагенъ, Перекратъ, Телектїдъ, Кратесъ и Кратїнусъ описанїя о шларафовъ земли, и о шларафскому животу, гдѣсу они у окладу ревновали, невоздержнои воображенїя сили нѣкоего новаго приповѣдки писателя ништа на трагу изоставити. Дерзновене потезе у описанїю, кое Демокритъ о томъ чинитъ, есу изъ списанїяхъ узете, кое намъ Аѳенусъ у шестои книги нѣговои ѳбѣда Софїстовъ о томъ сохранїо есть.

ре, отговорїо э Демокритъ. Али много свѣтлости есть виду тако исто неугодно, као и мало, свѣтлотавно чинимисе, есть башъ онолико свѣтлости колико требуемо, да небысмо нити много нити мало видѣли. Я то напредъ ставлямъ да вы вообще гледати можете. Ербо кадъ то не бы было, то извѣстнтесе добро, да мы при свѣтлости отъ десетъ тысящъ солнцовъ небы болѣ видѣли, нежели при сѣну еднога ватренога церва (свѣтлца.)

„ Вы говорите о свѣтлацы? „ (рекао э Совѣтникъ, пробудившисе при овои рѣчи ватрени црвъ изъ нѣкога вида душевнога сна у кои э онъ о мотреню и чуду за Саламандиними грудми докле э Демокритъ говорїо пао было) —„ Ясамъ мислїо да мы о моралистами говоримо. „

О Моралисти или ватрениими црвми, како вамъ драго, предначео э Демокритъ. Штосамъ я сказати хотео, да бы вами вещь о коеисмо говорили поняшну учинїо, было э ово: земля, у коеи вѣчни миръ царствуетъ, и гдѣсу сви люди у равному степену свободни и благополучни; гдѣ доброе съ злимъ нїе смѣшано, шала не на сластолюбїе, и добродѣтель не на недобродѣтель досязава, гдѣ све сама красота, сами по-

порядокъ, само согласіе есть — еднимъ словомъ, земля, онакова како што ваши моралисти цѣли свѣтъ быти захтевао, есть земля гдѣ люди, или никаковога желудка и никакове стражнице неимуть, или всячески мора то она земля быти, кою нами Θелеклидъ описуетъ, изъ коего Амфіктіона я, (као што э красна Салабанда добро примѣтила) мое описаніе узео есмь. Совершено равенство, совершенно удоволствіе съ настоящимъ и свагда трающимъ миромъ и любовію — кратко, Сатурнова времена, гдѣ никаковихъ Кралѣвъ, никаковихъ священниковъ никаковихъ солдатовъ никаковихъ Совѣтниковъ никаковихъ моралистовъ, никаковихъ краячевъ никаковихъ врачевъ и никаковихъ желатовъ требуютъ, есу само у онои земли могућна, гдѣ свакому печене яребице у уста улећу, или (коеће отъ прилике равно толико рећи) гдѣ нитко никакове нуждности неимать. Ово э чинимисе, тако бистро, да оно, оному кому э тавно съ цѣломъ свѣтлостію огнѣнога Неба ясніе небисе учинити могло. Равно кидаюсе ваши моралисти о томъ, да э свѣтъ таковъ како што есть; и ако честни Фїлозофъ, кои причине знаетъ, зашто онъ другоячи быти неможетъ, ки-

данѣ

ланѣ ове Господе посмѣятелно наѣе; то они нѣга прдсрѣпаю онда, аки дабы онъ непрїятель Боговъ и человѣковъ быо. Кое э истина у само себи їошть посмѣятелнїе, али кадъ кадъ онде, гдѣ слезеноболесна Господа учителя играю, доста трагїчески конацъ узиматъ.

„ Али штаѣете дакле, да моралисти чинити имуть? „

Наипре естество малко болѣ познавати научити, преѣе нежели што имъ наумъ паднешъ таково болѣ знати нежели они, поднешливи и терпѣливи спроѣу будалаштинахъ и развращенїяхъ (злонравїяхъ) человѣческихъ быти, кои ныне собствене терпѣти мораю; примѣрами исправляти, намѣето хладнимъ гризанѣмъ упрождавати или поношенїями огорчити; никаковихъ дѣйствїяхъ изыскивати отъ коихъ причине їошть овде нису, и незахтевати, да бысмо верхъ каковаго берда докучити морали доклесе нисмо горе на нѣга попели.

„ Тако безуманъ неѣе нитко быти? „ — рекао э еданъ Абдеритовъ.

Такосу безумни деветь десеть части законодателеи проектовъ чинителей, школскихъ учителеи и свѣтоисправителеи на цѣлой кружности свѣта сваки данъ! — рекао э Демокритъ.

Вре-

Време прекращающее содружество, кое ѳ нравъ волѣ естества испитателя за несносно расмотравати започело, отишло ѳ опетъ дома; и разбиралое при свѣтлости вечернѣ звѣзде у красному сутону, о шпїнксови, инорози, Гїмнософїсти, Шларафенъ земляцы; и колико ѳ многоставностеи такожде по между свима тима будалаштинама коесу сказане быле, господствовало, тосусе о томъ сви согласили; да ѳ Демокритъ нѣки чудни, самоумни, отъ выше мудрыи хулителни како годъ при свему овому сасвимъ краткочасни одѣлитель. „ Нѣгово ѳ вїно найболѣ коесе кодъ нѣга налазитъ, „ рекао ѳ Совѣтникъ.

Благїй Аннувїе! помыслїо ѳ Демокритъ, кадъ ѳ опетъ самъ быо: штасе съ овима Абдерити говорити немора, да бы себи отъ ны време провести дати могао!

ГЛАВА ЕДАНАЕСТА.

Нѣшто о Абдеритскима Фїлозофи, и како Демокритъ несрећу имать, себе съ еданъ ларъ добромнѣнихъ рѣчей у весма хрѣавъ кредитъ (ловѣренїе) ставити.

Равно да себи невоображавамо и немыслимо, аки даби сви Абдерити, безъ изятїя, како-

каковимъ обѣтомъ или каковомъ гражданскомъ заклетвомъ обвезани были, не више разума имати нежели ныне бабе, дойкинѣ и совѣтницы! Абдера, солюбовница Аѳине, имала э такожде Фїлозофе, то есть она э имала Фїлозофе — као што э она иконописце и стїхотворце имала. Славни Софїстъ Протагорасъ быо э Абдеритъ, и оставїо э множество учениковъ послѣ себе, кои истина нису ныному учителю у остроумїю и краснорѣчїю равни были, алису отъ нѣга такожде у самоумїю и у лудостма їоштъ претежни были.

Овасу Господа себи угодни начинъ Фїлозофїе приуготовила, средствомъ коесу она безъ труда на сваки вопросъ отвѣтъ абїе нашли, и о свему што э между и преко разума, доста плавно блядословили, дасу — коликосу дуго они Абдерите за слишателѣ имали — добрыи слишатели себи твердо воображавали, ныни Фїлозофи знадутъ много више о томъ нежели они сами; колико у основанїю разлика нїе велика была, дабы какови разумни мужъ едну смокву зато дао быо. Ербо э на концу свагда на то излазило, да э Абдеритски Фїлозофъ, нѣколико другихъ ништа значащихъ рѣчини отдѣлїо (отброїо) башъ толико отъ цѣле вещи знао, као и

онай

онаи между Абдерити, кои э найманѣ о томъ знати мыслїо.

Фїлозофїи, безсумнѣ ербосу они то за мало держали, у противочаетїе естества сиѣи упражнявалисусе све съ самима заданїяма и вопроси, коису изванъ предѣловъ человѣческаго разума лежали. До ове точке неѣе намъ нитко слѣдовати, помыслилису они, нежели — онаи ткое нами раванъ; и што мы такожде Абдеритомъ о томъ предсказуемо, тосмо мы найманѣ извѣстни, да нашу лажъ нитко изобличити неможетъ. Напримѣръ, една ныни любими Матеріяхъ быо э вопросъ: „ како, зашто и изъ чега э произишао свѣтъ? „

„ Онъ э изъ еднога яета произишао, рекао э еданъ; тверды или воздухъ было э беланце а оно друго смешано (Каосъ) есть шуманце, и нощь э то излегла.* „)

„ Онъ

---

*) Да бы оне читателѣ, кои нитису Дїогена Лертїуса, нити Десланда, или Брунера критичну повѣсть Фїлозофїе, нити Компедїе Господина Формеа или Доктора Бишинга читали отъ заблужденихъ мнѣнїяхъ ущадили, опоминѣ сочинитель, да све овде предходяще хїпотезе себи нѣкое весма чести достоине древности и отъ части множества уничто-

Онъ э изъ ватре и воде произишао,„ рекао э други.

„ Онъ нïе ни произишао, рекао э трећи, све э свагда тако было, како што есть, и хоће свагда тако остати, како што стоитъ.„

Ово э мнѣнïе ради нѣгове истине угодности у Абдери велику похвалу нашло. Оно изяшнява све, говорилису они, неимаюћи никакове нужде, съ тимъ дуго главу разбïяти. Есть свагда тако было, было э обыкновени отговоръ свакога Абдерита, кадсе нѣга за причину или происходъ какове вещи питало; и ткосе на томъ удовлити нïе хотео, было э за лупоглава держанъ.

Што вы свѣтъ называте, рекао э четверти, есть своиствено вѣчни редъ свѣтовъ, кои, како годъ люска на луку една на другои лежитъ и мало по мало снимиписе даетъ.

„ Весма ясно предложено, повикалису Абдерити, весма ясно! Онису мыслили дасу

чтожителеи и прилѣпниковъ хвалиписе можетъ. Мнѣнïе нашего Демокрита есть само едино, кое, надаюћисе само ербо э оно найпаметнïе никакову секту нашло нïе.

су Фїлозофа разумѣли, ербосу они верло добро знали што э лукацъ быо.

„ Чудо! рекао э пяти, имать всячески неизброенихъ свѣтовъ, али они происходятъ изъ случайнаго движенїя нераздѣлимихъ солнечнихъ прашковъ, и есть много щастїя, ако, послѣ десять тысящъ, тысяща зло произшедшихъ, на послѣдокъ еданъ произидетъ, кои їоштъ тако прилично паметно изгледа како овай нашъ.„

„ Атоменъ позволявамъ я, рекао э шести, али никаково движенїе само отъ случая и безъ управлѣнїя. Атоменису ништа или они имуть опредѣлене крѣпости и свойства, и коликосу они послѣ еданъ другому подобни или не подобни, еданъ другога навлачутъ, или узбїются натрагъ. Отъ туду учинїо э мудрый Емпедоклесъ. (Онай мужъ, кои э, дабы истино Качество Етне искусїо, себе мудро у просѣлину такове (кратеръ) у нутра опровергао:) злобу и любовь первимъ причинамъ свїю составлѣнїяхъ; и Емпїдоклесъ имать право.„

„ Молимъ за опрощенїе, моя Господо, вы сви неправо имате, рекао э Фїлозофъ Сїсамїсъ. Никада нитиће изъ вашего таинаго яета, нити изъ вашихъ союзовъ между огнѣмъ и водомъ, нити изъ вашихъ Атоменовъ

мновъ, нити изъ вашихъ Хомеомерїяхъ, какови свѣтъ произиħи, ако вы никаковога духа за помощь неузмете. Свѣтъ есть, као и сваки други звѣръ, една сложеность или составлѣнїе изъ матерїе и духа. Духъ есть оно што матерїи видъ даетъ; обадвоесу отъ вѣка соединѣни; и како штосе особна тѣлеса разрѣшаваю, како духъ, кои части ныне заедно содержава натрагъ уступитъ, тако бы было, кадбы общи духъ свѣта престати могао, цѣлое содержавати и оживлявати, Небо и Земля у оному истому магновенїю ока у едну едину, страшну, незграпну, тавну и мертву груду скрхатибысе морали.„

Затоħе Іупїтеръ и Латоно стаяти! повикалису Абдерити, не безъ удивлѣнїя, кадсу они овога мужа оваково страшно прещенїе изговорити чули. Неима овде никакове погибели рекао э священникъ Штробїлъ; докле годъ мы жабе Латоне у нашима стѣнама имадемо, тоħе общи свѣта духъ Сїсамїсовъ свагда заостати морати, оваково злочинство у свѣту учинити.

„ Мои прїятели, рекао э осми, общи духъ свѣта мудрога Сїсамїса есть съ Атомни, хомеомерїами, лукомъ и яети моихъ содружниковъ отъ равнога вида. Дїмїурга

мїурга морамо мы прїимити, ако хоћемо мы свѣтъ каковъ да имадемо: ербо зданіе каково ставля Зиждителя или наманѣ дрводѣлца напредъ; и нишшосе само отъ себе неправитъ, како шшо мы сваки данъ видимо.„

Алисе говори сваки данъ: моће отъ само себе доћи, само отъ себе поћи — рекли-су Абдерити.

„ Такосе говоритъ, отговоріо э Фїлозофъ: Али, гдѣсше вы кадъ годъ видѣли, да э башъ дѣйствишелно шако исльдовало? Ясамъ всячески наше Архонше тысящу краши сказываюће чуо, даћесе шо случиши, моће доћи! ово или оно хоћесе учиниши! алисмо доволно чекаши ималч? Алисе нїе ништа случило, ништа дошло и ништасе учинило.„

Само истинна э, шшосе дѣлъ нашыхъ Архонтовъ дошичетъ; (рекао э нѣки сапоговъ крпежїя кои э за мужа отъ проницанїя кодъ народа стаяо, и велику надежду имао при первомъ избранїю началникомъ заната быши;) али съ дѣли естества као што э свѣтъ, морало э доиста сасвимъ другоячїе поступлѣно быши. Зашто небы могао свѣтъ равно шако добро изъ каоса израсши — како што глива — изъ землѣ расшетъ.

„ Майсторе Фрїме, предначео э Фїлозофъ, за началника заната имаћешъ ты мой, и свїю моихъ сродниковъ гласъ; (вотумъ) али никакови уметака противо мое сїстеме, ако молипи смемъ! глива — растепїъ всячески отъ сама себе изъ землѣ ербо — ербо — ербо э она глива; али свѣтъ какови нерастетъ самъ отъ себе ербо онъ нїе глива; разумѣвашли ты мене, Маисторе Фрїме? „

Сви присутствующи смѣялисусе сердечно, да э Майсторъ Фрїме тако омазолѣнъ быо. „ Свѣтъ нїе никакова глива; то э бистро како дневни свѣтъ повикалису Абдерити; овдесе ништа довести неможетъ Майсторе Фрїме! „

Очаятеланъ! роптао э будуци началникъ заната; али тако э то кадсе тко съ Господомъ меша, коя показати могутъ да э снѣгъ бѣлъ. „ Цернъ э онъ, хотелисте сказати, сосѣде. „

Я знамъ шпосамъ сказао, и шпосамъ сказати хотео, отговорїо э майсторъ Фрїме; и я само желимъ да Република —

Немои заборавити они 14 *тъ* вотума шпосамти я прибавїо, Майсторе Фрїме! „ повикао э Фїлозофъ —

Добро, добро! све э добро! али Демїюргъ — то звечитъ мени скоро како Демагогъ

гогъ; и я нећу нити Демїюговъ нити Демагоговъ да имамь; ясамъ за свободу, и кои э добрыи Абдеритъ нека дигнетъ капу горе и мене слѣдуетъ!

И съ тимъ отишао э Майсторъ Фрїме отъ овудъ (ербо чипатель самъ отъ себе видитъ, да э све ово у гласу и звуку отъ Абдере говорено было; и нѣкои безпослени лупежи, коису нѣга свуда пратити обичествовали, слѣдовалису за нимъ.

Али Фїлозофъ чинећисе као да небы то ни примѣтїо, предначео э далѣ: „ Безъ зиждителя каковаго еднога Демїюрга, или како хоћете нѣга назвати, неможесе разумнимъ начиномъ [никакови свѣтъ создати. Али добро примѣтите, дошло э на Демїюрга, хоћели онъ правити хотети, и гледайте какоће онъ започети. Представите себи материю тако, како какову страшну незграпну груду отъ совершено дебелога Крїштала *) и Демїюрга, како онъ съ еднимъ великимъ чаканцемъ отъ Дїаманта ову груду на еданъ ударацъ, у толико много безконечни мали частицахъ разбїятъ, дасе оне преко празне пространости мѣста, много мїлїона кубїкъ„ мїляхъ свудъ разсѣ-

ются

*) Овай Фїлозофъ быо э дакле Картезїанеръ преће Кретеуса.

ются. Наравнимъ начиномъ разбилесусе оне безконечно мале кришталне частице, у различне видове и начине; и будући да оне съ полномъ наглостїю движенїя, кою э ныма ударацъ Дїаманшнога чаканца дао, на тысящуставне начине една противо друге пошле, и по между собомъ на свимъ странамъ сусрѣле, разбилесе и очесале, то э дакле отъ туду нуждно произишло неизброено множество тѣлесъ, отъ разныхъ правилныхъ и неправилныхъ образовъ (фїгура) троеуголныхъ, четвероуголныхъ, осмоуголныхъ, многоуголныхъ, и округлихъ. Изъ округлихъ произишла э вода и воздухъ, кое нїе ништо друго нежели утончана вода; изъ троеуголныхъ ватра; изъ прочихъ земля и изъ ови четырїю стїхїахъ (елементовъ) составля естество, како што и ви знадете сва тѣлеса на свѣту.„

То э чудесно, весма чудесно! алисе опетъ дознаетъ, реклису Абдерити. Една груда Кришшала еданъ Дїаманшни чаканацъ, и Дїмїюргъ, кои э кришшалъ шако мудро у частице разбїо, да изъ шаковихъ безъ далшега труда, свѣтъ произидетъ! Доиста наиостроумнїя хїпотеза, коясе видѣти можетъ, и башъ шако проста, дасе помисли-

слити можетъ да бы ю человѣкъ свакога магновенїя ока самъ изобрѣсти могао!

„ Я изяшнявамъ средствомъ овога тако простога, напредъ ставлѣнїя, сва возможна дѣйства естества, „ рекао э Фїлозофъ самъ собомъ удоволянъ смѣюћисе.

Нїе осино гнѣздо, повикао э девети именемъ Демонаксцъ, кои э доказиванїямъ своихъ сограждановъ досадъ съ молчащимъ презрѣнїемъ слушао. Друге крѣпости и уредбе къ тому принадлежатъ, едно тако велико, тако красно, и тако чуда полно дѣло, како што э ово свѣта зданїе, у состоянїе довести. Само еданъ всесовершенѣйши разумъ могао э планъ отъ тога изнаћи; колико радо я исповѣдамъ, дабы къ произведенїю мани майстори доволни были. Онъ э предао нѣга разнимъ] классамъ подложнихъ Боговъ, назначїо э свакои класси нѣзинъ особни кругъ у коему она дѣлаетъ, и удоволствоваосе съ тимъ все„ общи позоръ верху цѣлаго водити. Есть смешно, начало и происходъ свѣтскихъ тѣлесъ, землѣ, садовъ звѣровъ, и свега онога што э у воздуху и у води, аки Атомне или Сїмпатїе или случаиному движенїю еднога единога, чаканцова ударца изяснити хотети. Дуси имуть, кои съ елементи владаютъ

Свер-

Сверху (пролїянїя) Небесну окрећу, составна тѣлеса изображаваю, пролѣтну халину естества съ цвѣтїемъ везутъ, и плоды есеныя у нѣдро ныно изливаютъ. Можетли штогодъ сложенїе и угоднїе быти нежели ока Ѳеорїа? Она све изяшнява; она изводитъ свако дѣйство изъ нѣкое ей умѣрене причине, и чрезъ нѣга досязавасе, оно, у свакои другой сїстеми неизясняемо художество естества, тако исто лако, како штосе досязава, како Цауксїсъ или Паррасїусъ съ нѣшто мало офарбане землѣ нѣку обчинѣну землю (или предѣлъ) или илижу Дїанину устроити можетъ. Какова э то красна вещь за Фїлозофїю реклису Абдерити, све штобысе изъ тога изузети могло, есть, даће едному между толико много Ѳеорїахъ избранїе горко пасти.

Между тимъ учинїо э Пїтагореръ, опетъ, кои э све чрезъ духове у дѣйство ставляо наивише щастїя. Стїхотворцы, Иконописцы, и сви прочи хранителни сродницы музахъ (наукъ) съ совокупнима женами отъ Абдере на ныномъ верху изяснилисусе зато — дуси али опетъ подъ тимъ уговоромъ, да ныма дозволѣно быти мора, ны у такове видове, како што э свакому поволно, обући.

Я

Я никада особни пріятель Фїлозофіе быо нисамъ, (рекао э священникъ Штробилъ) и изъ причине; али ако Абдерити ныно копканѣ о томъ како и зашто таковихъ вещеи еданъ кратъ манутисе немогутъ, то я противо Фїзїке Демонакса їоштъ свагда наиманѣ што доводити имамъ; подъ принадлежащими ограничностми слажесе она їоштъ доста добро. —

„ О онасе слаже съ свимъ на свѣту, рекао э Демонаксь; ово есть башъ красота отъ тога! „

Хоћули я вами мое мнѣнїе о томъ сказати? бесѣдіо э Демокритъ. ако э вами већъ башъ до тога Качества вещеи коя васъ окружаваю, познати научити, такомисе видитъ да вы узимате весма велику странпутицу. (Околишлукъ.) Свѣтъ есть весма великъ; и онога сталнога мѣста, отъ куда хоћемо мы у нѣга да погледамо, за нѣговимъ отмѣнимъ предѣламъ и главнимъ градовомъ есть онъ тако пространъ, да я добро непостижемъ, како коему изъ между насъ наумъ пасти можетъ, карту едне землѣ предузети, отъ чега э нѣму (окромъ нѣговога природнога Сеоца) све проче башъ и сама мећа непознана. Ясамъ мыслїо, преће него штоћемо отъ Космогоніе и Космологїе сни-

вати,

вати, да сѣднемо онамо и да мотримо, напримѣрь, почетакь и начало едне научене; и то толико дуго, доклесмо изь тога толико досягнули, колико пять человѣческихь чувствь, съ разумомь усилѣни напомь открити могутъ. Выћете посла наћи, можете моему слову вѣровати. Али зато хоћете такожде искусити, даће вами ова едина паучина више понятїя о великои Сїстеми естества, и достоинїя постиженїя о нѣзиномь создателю дати нежели, све оне утончане свѣта сїстеме, коесте вы между бдѣнїемь и спаванѣмь изь вашего собственаго мозга испрели.

Демокритъ э ово у полнои постояности мыслїо; али Фїлозофи отъ Абдере мыслилису даћесе онь съ ныма ругати. Онь неразумѣва ништа о пневматики, рекао э едань. О Фїзїки їоштъ манѣ рекао э други. Онь э нѣки сумняоцъ — онь невѣруетъ никакова темелна побужденїя — никаковога свѣтскога духа — никаковога Демїурга — никаковаго Бога! — рекао трећи, четвърти, пяти, шести и седми. Неваля овакове люде у општему существу башъ нимало терпити, рекао э священикъ Штробилъ.

ГЛА-

ГЛАВА ДВАНАЕСТА.

Демокритъ удаляваce їоштъ далѣ отъ Абдере натрагъ. Чимсе онъ у своеи самоћности упражнява. Онъ долазитъ у полозрѣнїе Абдеритомъ, да онъ волшебства твориттъ. Нѣка Проба, коюонъ при овому способу съ Абдеритскима женама чинитъ и какосе то охончало.

При свему тому бьо э Демокритъ человѣковъ другъ, у истиному знаменїю слова. Ербо э онъ съ человѣчествомъ благо и добро мыслїо, и ни о чему нїесе тако верло радовао, него кадъ э гдѣгодъ каковому злу предупредити или штогодъ добро учинити, поводствовати, или снискати могао. И колико э онъ мыслїо, да Карактеръ еднога свѣтскога гражданина содержанїя у себи заключава, коему усоединенїя„ падежу сви други уступити мораю: то, тога ради нїесе онъ заманѣ обвязана держао, нежели гражданинъ отъ Абдере, о состоянїю отечества свога участїе примити, и колико бы могао исправлѣнїю нѣговому помоћи. Али дасе само толико добро чинити можетъ, докле э лице (субїектъ) тога способно: то нашао э онъ имѣнїе свое неизбро-

броенними прѣпятствїями, коясу нѣму Абдерити на противъ ставляли, у тако тѣсне предѣле затворено, да э онъ причину вѣровати имао, себе аки нѣко непотребное лице у овой малои Републики разсматравати. Што они наинуждніе имуть, помисліо э онъ, и наилучше штобы ныма учинити могао, было бы, ны паметне учинити. Али Абдеритису свободни люди. Кадъ они сами нехотяпъ паметни быти; ткоће ихъ къ тому принудити?

Будући онъ кодъ оваковихъ сплетенихъ обстоятелствъ, мало или ништа за Абдерите, како и Абдерити за нѣга чинити э могао, мыслїо э онъ себе доволно оправдана быти, ако э онъ наимапѣ свое собственное лице у безопасность ставити тражїо, и едну тако велику часть као што э можно отъ онога времена избавїо, кою э онъ исполненїю своимъ свѣто гражданскимъ должностемъ быти мыслїо.

Будући да нѣгово досадашнѣ обиталіще, или нїе доста далеко отъ Абдере удалѣно было, или ради свога положенїя и другихъ угодностеи весма много раздраженїя за Абдерите имало, дасе онъ несматраюћи на свое пребыванїе у предѣлу, їошть свагла

гда помежду Абдерити находїо; дакле опи-шао э їоштъ нѣколико сати далѣ у нѣку шуму, коя э нѣговому добру принадлежала, натрагъ, и начинїо э себи у наидивлѣму предѣлу такове едну малу кућицу у коеи э онъ наивише времена — у самоћному покою, кои э своиствени елементъ Фїлозофа и стїхотворца — испитанїю естества и разсмотренїю служїо.

Нѣки нови научени — есули изъ Абдере или не, хоћемо овде недоказано изоставити — есу себи о дѣли овога греческога Бакона у нѣговой самоћности чудесна, ако башъ на страни ныной весма нравна понятїя учинили.„ Онъ э пословао о камену мудрихъ, говоритъ Борихїлусъ, и нашао э нѣга, и правїо э злато.„ за доказателство о томъ, позивасе онъ нато, да э Демокритъ едну книгу о каменю и металамъ написао.

Абдерити, нѣгови современицы и сограждани, опишлису їоштъ далѣ; ныне надежде — коесу у Абдеритскима главама верло скоро за извѣстне и истине постале, — основалесусе на онаковима истима добрыма заключенїяма како годъ и оне Борихуса. Демокритъ быо э отъ Персїдскога

ма-

магїса воспитанъ; *) онъ э 20*тъ* година по восточнимъ земллмъ свудъ путовао; съ Егїпетскими священицы, Калдеери Брахмани и Гїмнософїсти обхожденїе чинїо, онъ э быо у свима нинима таинстви извѣщенъ; донео э тысящу Аркановъ (таинствъ) съ свога путешествїя собомъ, и знао э десятъ тысящъ вещеи, отъ конхъ никада ништа у паметъ каковога Абдерита дошло нїе — Нечинили ово све заедно узимаюћи полное доказателство, да э онъ изучени Майсторъ у Магїи и у свимъ отъ такове зависящимъ художествамъ быти морао? — честни отацъ Делрїо быобы Шпанїю, Португалїю и Алгарбїю само за полакъ доказателства, како што э ово спалити дао.

Али добрыи Абдерити ималису їоштъ ближа доказателства у рукахъ, да нынъ научени землякъ — нѣшто мало чародѣйствовати знаетъ. Онъ э солнечна и мѣсячна запмѣнїя, неплодїя, болѣзни и друге бу-

*) Ксеркседъ, кои э при своеи воини противъ Грековъ нѣколико дана у Абдери кодъ Демокритовога отца свой главни конакъ имао, возлюбыо їоштъ онда верло младога Демокрита, и къ нѣговому болѣму воспитанїю, еданъ паръ магїе кою э при себи имао нѣму оставїо. Дїогенъ Лершсъ.

будуще вещи прорицао. Онъ э нѣкои залюблѣнои дѣвицы у длань гледаюћи предсказао, даће она — у ловку пасти и нѣкоему Совѣтнику отъ Абдере, коего э животъ между спаванѣмъ и неистовствомъ раздѣленъ быо, даће онъ — на несваренію желудка умрети; обадвое было э точно погоћено. Кромѣ тога, видѣлесу нѣке книге съ чудесними знаменіями у нѣговому Кабінету; нашлисуга кодъ разних безсумнѣ магіческихъ операціяхъ (дѣли) съ кровію отъ птица и звѣрова пошкроплѣна; видѣлисуга подозрѣне траве куваюћи; и нѣки младиће говоре нѣга башъ касно ноћомъ при весма блѣдои мѣсячини между гробови сѣдяща увребати. Дабысмо нѣга уплашили, есмо мы насъ у наистрашнію маску обукли, реклису Абдерити; рогова, козіи ногу, Аждаини репова, ништа нами ніе фалило да бы страшне и животне полске дяволе и нощне Аветинѣ представили; мысмо башъ и сами димъ на носъ и на уши испущали, и начинилисмо такови ужасъ около нѣга, да бысе и Херкулесъ самъ отъ страха у жену премѣнити морао. Али Демокритъ ніе насъ ни мало позорствовао, и кадсмо већь наипослѣ то дуго чинили, рекао э онъ само

то

то: хе, хоћели та ваша дѣтинска игра їошть дуго траяти?*)„—

Овдесе явно видитъ, реклису Абдерити, да съ нимъ башъ правилно нестоитъ; дуси, то нѣму нїе ништа ново; онъ мора добро знати, како онъ съ ныма стоитъ! —„ „Онъ э еданъ волшебникъ, ништо неможетъ извѣстнїе быти, рекао э священикъ Штробилъ; мы морамо мало боли позоръ на нѣга дати!„

То исповѣсти морамо, да э Демокритъ, или изъ непредвидѣнїя, (или кое э їошть вѣроятнїе) ербо э онъ изъ мнѣнїяхъ нѣговихъ земляковъ мало што чинїо, овима и другима злима гласовомъ поводъ дао. Доиста нїесе могло между Абдерити дуго живѣти, дасе небы у искушенїе пало, ныма штогодъ пригвоздити. Ныно предостроумїе, и ныно лаковѣрїе на еднои спирани, и высоко мечтанїе коесу они себи о ныномъ собственомъ остроумїю чинили, на другои, позивалису кога равно на полѣ; и преко тога нїе такожде никаковога другога средства было, себе за долговременїе, кое э ткогодъ кодъ ны имао, попунити. Демокритъ находїосе често у овому случаю; и будући дасу Абде-

*) С. Лукїанъ у Фїлофседеусу.

дерити доволно занешени были, све што ѳ годъ онъ ныма подъ причпомъ (Іронски) сказивао у точному разуму примати: тосу произишла отъ тудъ несложена и неисправна мнѣнія и приповѣдке, коесу на нѣговъ хесапъ по свѣту свудъ летиле, и іоштъ много вѣкова послѣ нѣгове смерти, отъ другихъ Абдеритовъ за готове новце примате, или наинанѣ нѣму самому, неправеднимъ начиномъ за бреме налагане быле.

Демокритъ ѳ себе помежду другима вещма такожде и съ фїзономїомъ забаляо, и отъ части изъ свои собствени примѣчанїяхъ отъ части изъ онога штосу нѣму другїи изъ своихъ сообщили, себи едну Ѳеорїу отъ тога учинїо, отъ кое ѳ употреблѣнїе онъ (весма паметно, како намсе видитъ) разсуждавао, да ѳ онъ съ тимъ равно онако како и съ Ѳеорїомъ стїхотворногa или гдѣгодъ каковога другога художества устроено было. Ербо онако како што нїе іоштъ ни еданъ, съ самомъ ипочїю наукомъ правилъ, какови добрыи стїхотвораць или художникъ постао, и само онай, кога ѳ природна наука (женїи) прилѣжно ученїе, усиляемо прилѣжанїе, и долго упражненїе, за стїхотворца или ходужника учинила, способанъ естъ, правила свога художества пра-

вилно разумѣвати и употребляваши: тако э исто Θеорїа художества, изъ внѣшнога человѣка на внутренѣе заключити, само за люде велике хитлености, у позорству и разлики употребляема, за свакога другога обаче една отъ выше неизвѣстна вещь; и башъ тога ради мора она аки една отъ таиныхъ наукъ, или великихъ таинствъ Фїлозофїе, свагда точїю за малое число Епоптовъ *) предудержана остати.

Оваи начинъ о вещи мыслити доказао е, да Демокритъ нїе никакови шарлатанъ было: али Абдеритомъ показао э онъ точїю, да онъ таинство изъ вѣжествъ своихъ чинитъ. Дакле они престали нису, нѣга, коликосе кратно бесѣда о томъ случила, раздражаваши и мучити, да бы онъ нима штогодъ отъ тога откры0, Особито ово э предостроумїе Абдерите тиштало. Онису отъ нѣга знати хотели — у каковимасе внѣшнима знаменїяма какови вѣрни залюблѣни познати можетъ? Ели Мїлонъ отъ Кра-

то-

---

*) Епоптн звалисусе они, коису по одержаному испыту великихъ таинствъ у Елеусісъ пущанису были. Varbourton, s Divine Legation Vol. I. p. 155. 4. го издатка.

тона*) весма велики носъ имао? Ели блѣда Фарба нуждное знаменіе каковога залюблѣнога? — и стотину другихъ вопросовъ овога начина, съ чимсу они терпѣніе нѣгово тако верло утрудили, да э онъ напослѣдокъ, да бысе отъ ны освободіо, на таи помисль дошао, ны малко заплашити.

Али шта вы себи већь нисте представили, рекао э Демокритъ, дабы дѣвство едно неложно знаменіе у очима имати могло?

„ У очима? повикалису Абдерити. О! то ніе можно! зашто башъ у очима? „

Ніе иначе, отговоріо э Демокритъ; а што вы мени башъ извѣстно вѣровати можете, есть то, да э мени ово знаменіе већь често о таинствахъ младихъ и старихъ краснихъ више открило, нежели што бы ови волю имали были, мени отъ свободне руке то вовѣрити**) повѣрителни гласъ,

*) Нѣки мужъ, о коего чудесне тѣлесне крѣпости, и прождорства баснобляданеми Græculi удивителне вещи сказиваши знаютъ; н. п. да э еднога доброупинаго вола! зоо. корачаи далеко на лећи носіо, и када э онъ нѣга съ еднимъ единимъ ћушке ударцемъ умертвіо, свега у еданъ данъ изѣо.

**) Една половини человѣческога рода озлобљена вещь именуетъ ово Іоаннъ златоусти Магненусъ у своему житію Демокрита.

коимъ э онъ ово рекао, проузроковао нѣка лична премѣненія, (блѣдость) коликосу Абдерити (коису у свима случаи, гдѣ э на таину безопасность нынога рода дошло, еданъ другому вѣрно спомоществовати обичествовали,) съ великомъ топлотомъ натому остали, да э нѣгово издаваемо таинство само едно чудовище.

Вы мене вашимъ невѣріемъ принуждавате, да я вами іоштъ што више сказати морамъ, предначео Фїлозофъ далѣ. Естество есть пуно оваковихъ таинствъ, мое красне Госпоже; и зашто бы я кадъ то труда небы заслужавало, чакъ у Етіопію и Індію путовао? Гїмнософісти, коихъ жене — како што и вы знадете — наге голе ходятъ, есу мени многе весма учтиве вещи откриле.

„На примѣръ? „ — реклесу Абдериткинѣ.

Изъ между другихъ едно таинство, кое я, кадбисамъ супругъ быо, болѣ незнатибы желїо.

„Ахъ садъ имадемо мы причину, заштосе Демокритъ неће да оженитъ, „ Повикала э красна Трїалїа.

„ Како да мы то већь небы давно знале, рекла э Салабанда, да э нѣгова Етіопская Венусъ коя нѣга за нашу греческу тако нечувствена чинитъ. — Али ваше таинство

ство, Демокрите, акосе чистима ушима повѣрити можетъ.„

За доказателство дасе то смее, хоћу я нѣга свима присутствующима ушима краснихъ вовѣрити, рекао э естества испитатель. Я знадемъ неложно средство какосе то удѣлати можетъ, да женско лице у сну, съ разумителнимъ гласомъ, све искажетъ што на сердцу имать.

„ О идите, повикалесу Абдериткинѣ, вы хоћете насъ да уплашите; али — мы недамо себе тако лако уплашити.„

Тоће на устрашенїя мислити, рекао э Демокритъ, кадъ э о средству каковому слово, коимсе свакои честнои Госпожи способъ даетъ, показати да она никаковихъ таинствъ неиматъ, кога мужъ нѣзинъ небы знати смео?

Дѣйствуетли средство ваше такожде и кодъ несупружнихъ? запиталесу Абдериткинѣ, кое нитисусе младе, нити раздражителне быти видѣле, да бы овакови вопросъ учиниле.

Дѣйствуетъ оно отъ 10го до 80тъ лѣтъ, отговорїо э Демокритъ, безъ отношенїя гдѣгодъ накаково друго обстоятелство, у коемубысе женско лице наћи могло.

Вещь

Вещь ова почела э постояна быти — „ Али висе само шалите Демокрите? „ рекла э супруга нѣкога Тесмотета, не безъ таинога страха противочастїя увѣрена быти.

Хоћетели вы пробу учинити, Лїсїстрата?

„ Пробу? — зашто не? — али напредъ уговорено, да ништо Магїческо къ тому небудетъ употребљѣно. Ербо съ помощїю вашихъ Талїсмановъ и духовъ можете вы учинити, да една сирота жена све искажетъ што годъ вы хоћете.

Съ тимъ неимутъ ништа нити Талїсмани нити дуси посла. Све идетъ нравнимъ начиномъ. Средсиво, кое я употребляамъ, есть наипростїя вещь отъ свѣта.

Жене почелесу кодъ свїю ныны мергодѣнїяхъ мужествености къ чемусусе оне усиливале, каково неспокоиство изявити, кое э Фїлозофа весма увеселило „ Кадсе знало небы, дасте вы еданъ ругатель, кои цѣли свѣтъ за шалу держитъ — Али смелисе запитати, у чему ваше средсиво состоитъ?

Како штосамъ вамъ казао, наипригоднїя вещь отнъ свѣта. Сасвимъ мала нешкодлива вещь, спавающему женскому лицу, на сердечнои ямицы положена, то э цѣло таинство:

али

али оно дѣйствуетъ чудеса, то мени можете свободно вѣровати. Оно принуждава говорити, толико дуго докле їоштъ у найвнутренѣму бужачићу (углу) сердца, што годъ за исказиванѣ естъ.

Изъ между седмь женахъ, коесусе у содружеству находиле, была э само една, коя лице и нравъ осталису онако исто непремѣно како и преће. Мыслиће се, да э она стара, или ружна, или башъ добродѣтелна была; али ништа отъ свега овога! она э была глува.

„ Ако хоћете, да мы вами вѣруемо, Демокрите, то скажите намъ ваше средство. „

Яћу нѣга супругу красне Трїалїе у ухо сказати, рекао э злобни естества знатель.

Супругъ красне Трїаллїе быо э, не бываюћи слѣпъ тако щастнь, како што Хагедорнъ слѣпога цѣнитъ, коего э супруга красна. Онъ э свагда добро содружество имао, или наименѣ што се у Абдери тако називало, у своему дому. Овай добри мужъ мыслїо э дасе толико много увеселенїя у нѣговому обхожденїю, и у нѣговима стїхови находитъ, кое э онъ своимъ посѣщателемъ прочитавати обычествовао. Доиста имао э онъ та-

таленть, оне хрђаве стїхове кое э онь правїо, доста добро и плавно прочитавати; и будући да э онь ны сь великимь одушевлѣнїемь читао, то онь примѣтїо нїе, да нѣгови слышатели, намѣсто, штобису на нѣгове стїхове позорь дали, сь красномь Тріаломь очевну любовь водили.

Кратко, совѣтникь Смїлаксь быо э мужь, кои э отъ више доброе мнѣнїе о себи имао, нежели да бы о добродѣтели свое супруге каково хрђаво имао.

Онь дакле нїе ни еднога часа размышлявао, таинству Демокритову ухо свое приклонити.

Нїе ништа далѣ, пришапао э нѣму Фїлозофь у ухо, нежели языкь едне живе жабе коисе спящеи жени, на лѣву страну груди метнути мора. Али при изятїю языка моратесе добро у паметь узети, да небы ништо отъ зависящихь частицъ сь языкомь изишло, и жаба опетъ мора у воду бачена быти.

То средство немора хрђаво быти, рекао э Смїлаксь полагано; Само штета да э оно малко погибливо? Штоће священикь Штробилъ къ тому сказати?„

Небринитисе зато, отговорїо э Демокритъ: една жаба нїе башъ Дїана,

свя-

священикъ Штробилъ можетъ говорити штому э драго и съ тимъ неидетсе жаби на животъ. Я дакле смемъ то и далѣ дати? рекао э Смїлаксъ.

Съ драгимъ сердцемъ! сва мужеска лица у содружеству могутъ то знати; и сваки други можетъ неплашећисе свима своима познанима открити; само съ тимъ уговоромъ, да не бы никакови нити своеи жени нити своеи любезницы сказао.

Добре Абдериткинѣ нису знале штоће о вещи овои мыслити. Немогућна нїесе она ныма чинила; и штоћесе такожде Абдеритомъ неможно чинити — Ныни присутствующи мужеви или любовцы, нису были много спокоини; сваки э себи таино представїо, ово средство безъ отложенїя пробирати, и сваки (кромѣ щастнога Смїлакса) бринуосе, съ тимъ їоштъ научени быти него што э желїо.

„ Нїели истина, мужићу — рекла э Трїаллїа своему супругу, гледећи нѣга дружески по образу, ты мене ошъ више добро познаешъ, нежели дабы овакову пробу отъ потребе имао?

„ Небыли и моему штогодъ таково наумъ пало, рекла э Лагїска. Проба какова

ставля

ставля сумню на предѣ, и мужѣ кои о добродѣтели свое жене сумнятѣ — „

Есть онакови мужѣ, кои у погибель долазитѣ, сумню свою у извѣстность претворену видѣти, рекао э Демокритѣ кѣ тому, кадѣ э видѣо да э она престала, тосте вы сказати хотели, красная Лагїско?

„ Высте непріятель женски, Демокрите, повикалесу Абдериткинѣ на еданѣ кратѣ; али незаборавите, дасмо мы у Трацїи, и чуваитесе отѣ случая Орфеова. „

Колико э ово у шали сказано было, то э опетѣ было и постоянства при томѣ. Наравнимѣ начиномѣ неддутся радо безѣ нужде безсоне нощи чинити; Едно намѣреніе, отѣ кога мы и Фїлозофа тако мало освободити можемо, ербо э онѣ слѣдства свога наумнѣнія, нуждниѣ начиномѣ напредѣ предвидѣти морао. Доиста дала э вещь ова, онима 7 мѣ женама много мыслити, да оне цѣлую нощь очи затвориле нису, и будуѣи да э предсказано таинство Демокрита слѣдующи данѣ по цѣлои Абдери летило, то проузроковао э онѣ сѣ тимѣ нѣколико нощи едну за другомѣ общее безсонніе (неспаванѣ.)

Но между тимѣ попунилесу жене оно даніомѣ опетѣ, што э ныма нощїю умакло,

кло, и будући да многима нїе наумъ пало, дасе ныма таинство, кадъ оне данїомъ спаваю, онако исто добро учинити можетъ, како годъ и ноћїю, даклесу ныне спаваће собе заключати заборавиле: тосу дакле мужеви изненада способъ добили, отъ нынихъ жабїихъ языковъ употребльнїе учинити. Лїсїсастра, Трїаллїа, и їоштъ нѣке друге, коесу наивише припомъ губити и морале, былесу перве, на коима э проба съ онимъ слѣдствомъ, коесе лако напредъ изложити можетъ, учинѣна была. Али э башъ то исто у кратко опетъ миръ и тишину у Абдери учинило. Мужеви ови женахъ, послѣ какосу они ово средство два три кратъ безъ свакога слѣдства употребили, дошлису у едномъ скоку къ нашему Фїлозофу терчећи, дабысе извѣстили шта ово значити имать. Тако? повикао э онъ ныма на сусрѣтъ; ели жабїи языкъ дѣйство свое учиніо? есулисе ваше жене исповѣдиле? —

Ни едне рѣчи, ни еднога слога, рекли-су Абдерити. Іоштъ болѣ повикао э Демокрипъ; торжествуйте о томъ дакле! Кадъ една спаваюћа жена, съ жабїимъ языкомъ на сердцу нїе ништа сказала, то естъ знакъ да она — ништа сказати неимать. Я вами щастїя желимъ моя Господо! сваки отъ

васъ

васъ дакле хвалитисе можетъ, да онъ Феникса женскога у дому имать.

Тко э щастни бьо нежели наши Абдерити. Отлетилису тако фришко, како штосу и дошли были, опетъ натрагъ, палису съ удивлѣнїемъ женама своима на вратъ, гнявилису ихъ съ люблѣнѣмъ и герлѣнѣмъ, и исповѣдилису садъ своеволно, штосу учинили, дабы себе о добродѣтелехъ своихъ половинъ (коликосмо мы о томъ извѣстни были, реклису они) їошть извѣстнїе учинили.

Ове добре жене нису знале, хоћедули оне чувствамъ своимъ вѣровати. Али, коликосу оне Абдеритинѣ быле, ималесу опетъ разума доволно, себе абїе ободрити, и мужевомъ своимъ, тако неискрено неповѣренїе, како штоэ оно было, коимсусе они сами обтужили, явно изобличенїе учинити. Нѣкесу вещь башъ до самихъ сузахъ дотерале; алису све труда имале, радость сакрити, кою э ныма едно оваково неожидаемо потвержденїе ныне добродѣтели проузрѣковало; и коликосу оне благопристоиности ради, на Демокрита викати морале, но опетъ нїе было ни едне, коя нѣга за то загерлила небы, што э онъ ныма овакову преизрядну службу учинїо. Истинна да ово

нїе

ніе было оно што э онъ учинити хотео. Али слѣдства ове едне невине шале научиласу нѣга, дасе съ Абдерити не безопасно доволно шалити можетъ!

Между тимъ (како што све вещи овога свѣта выше нежели едну страну имуть) нашлосе такожде, да э изъ овога зла, кое э нашъ Фїлозофъ Абдеритомъ противо намѣренїя свога учинїо, равно выше добра произишло, него штосе доиста очекивати могло, акоби жабїи языкъ дѣйствовао быо. Мужеви учинилису жене своїомъ безпредѣлномъ безопасностїю, и жене мужеве своимъ угожденїемъ и добрими нрави щастне. Нигдѣ на свѣту нїесе удоволнїега супружества видѣло, нежели у Абдери. И при свему тому былосу чела Абдеритовъ тако гладка, и — уши и языцы Абдеритскиня тако чисти како и они у други люди.

ГЛАВА ТРИНАЕСТАЯ.

Демокритъ да имать Абдеритскинѣ говорентѣ птицахъ учити. Мимогредъ една проба како они дщери свое воспитаваю.

Други кратъ случилосе, дасе Демокритъ у нѣкомъ красномъ пролѣтнѣмъ вечеру съ содружествомъ у едной оны у веселителнихъ

нихъ башчахъ нашао съ коимасу Абдерити предѣлъ около града украсили были. „Дѣйствително украсили? — И то башъ не, ербо откудбису Абдерити то узели были, да э естество краснїе нежели художество, и то э между маисторїомъ и украшенїемъ разлика? — Али опетъ отъ тога бесѣда быти неће.

Содружество лежало э на меканому съ цвѣтми посутому отпочивалищу, подъ высоко сведеномъ сѣницомъ, у кругу наоколо. Между гранами еднога близъ стоящега древета пѣвао э славуй свою пѣснь. Нѣка млада Абдериткиня отъ 14*тъ* лѣта являласе што годъ притомъ чувствовати, отъ чега прочи ништа чувствовали нису. Демокритъ э то усмотрїо. Дѣвица ова имала э кротко лица устроенїе и душу у очима. Штета за тебе даси ты Абдериткиня! помислїо э онъ. Штаће теби у Абдери какова чувствителна душа? Онаће тебе само нещастну учинити. Но опетъ неима то никакове погибели! Што э воспитанїе твое матере и бабе на теби непокварено оставило, хоћеду сынови нашихъ Архонтовъ и притановъ, и што ови їоштъ сачуваю, хоће примѣръ твоихъ прїятелицъ уничтожити. Не више нежели 4*ри* лѣта, бытићешъ ты Абде-

рит-

риткиня како и друге; и кадъ текаръ искусишъ, да жабїи языкъ на сердца ямицы ништа незначитъ —

Што мыслите вы красная Нанїо; рекао э Демокритъ дѣвицы. „ Я мыслимъ, дабисамъ подъ она дрвета сѣсти рада, дабисамъ онога славуя башъ ненарушимо слушати могла. „

Луда вещь? рекла э мати дѣвице. Заръ ты ниси їоштъ никада славуя пѣваюћи чула?

„ Наннїа имать право, рекла э красная Трїалліа, я сама отъ свѣта радо славуе слушамъ. Они пѣваютъ съ таковомъ топлотомъ, и есть нѣшто тако сластолюбно у нынима пѣсмама, дасамъ я веће често желила, разумѣти, што они съ тимъ хоћеду да скажутъ. Ясамъ извѣстна да бысе онде наикраснїе вещи отъ свѣта чуле. Али Демокрите, кои све знадете, неће ли вы такожде и говоръ славуевъ разумѣвати? „

Зашто не отговоріо э Фїлозофъ съ своїомъ обыкновенномъ Флегмомъ; їоштъ къ тому говоръ и свїю другихъ птицъ. „ Башъ збиля? „

Вы знадете да я свагда озбилски говоримъ.

„ О то э дражаише! Фришко, превелите нама штогодъ изъ разговора славуевъ!

Ка-

Какосе зоветь то што э онаи онде пѣвао, кадь э Нанїа отъ тога шако возбужденна была? „

Тосе недаетъ шако лако у гречески превести, како што вы мыслите, красная Тріалліо. Неима никаковихъ начиновъ говореня у нашему языку, коибы къ тому доволно нѣжни и тепли были.

„Али како можете вы говорь птицахъ разумѣвати, кадь вы то на гречески истолковати неможете, штосте чули?

Птице гречески незнадутъ али опетъ една другу разумѣваютъ?

„Али вы нисте птица, коликосте вы несташни человѣкъ, кои насъ свагда изъ смеява?

Дасе у Абдери свагда шако радо што-годъ зло съ ближнимъ мыслитъ! Но между тимъ заслужава вашъ отговорь, да я себе ближе изяснимъ. Птице разумѣваюсе помежду собомъ нѣкомъ извѣстномъ Сімпатіомъ, коя порядочнимъ начиномъ само между равно верстними созданіями мѣсто имѣетъ. Сваки гласъ пѣваюћега славуя, есть живо изображеніе каковога чувствованія и возбуждава у слышателю непосредственно согласіе овога чувствованія. Онъ

дакле

дакле средствомъ свога собственога чувства разумѣва, што э нѣму онай други сказати хотео; и башъ на таи исти начинъ разумѣвамъ и я васъ такожде. „Али како чините вы то? — запиталесу нѣке Абдериткинѣ.

Вопросъ э быо, послѣ какосе Демокритъ тако ясно изяснїо, верло Абдеритски, нежели дабы онъ нѣга ныма тако невкушана мимопустити дао.

Онсе размишлявао кои часъ. „Я Демокрита разумѣвамъ, рекла э мала Наннїонъ полагано.

Ты нѣга разумѣвашъ ты носомудра вещи? — рекла э еи мати. —

Деде даи чути ты куколко што ты отъ тога разумѣвашъ?„

Я немогу то изговорити, али чувствуемъ чинимисе, отговорила э Наннїа.

Она э како шпосте ю чули, їоштъ дѣте, рекла э нѣзина мати; колико э она тако фришко узрасла, дасу ню многи люди за мою млађю сестру держали. Али дасе мы съ преклапанѣмъ едне глинжаве дѣвице, коя їоштъ ништа незнаетъ што говоритъ, незадержавамо!„

Наннїя иматъ чувствованїя, рекао э Демокритъ. Она налазитъ ключь къ общему говору естества у нѣзиному сердцу,

и можетъ быти да она выше отъ тога разумѣва нежели. —

„ О мои Господине, нечинитеми ову малу несташну, їоштъ мечтаннїю, она э и безъ тога носомудра и дяволаста доволно.

Право, помисліо Демокритъ, само тако далѣ возите! На овому путу можетъ їоштъ надежда за разумъ и сердце мале Нанніе быти. Да останемо кодъ вещи (предначела э Абдериткиня далѣ, ова никада незнаюћи право, како и зашто, коя э признану честъ имала, матеромъ Нанніе быти.) Высте нами, ели, изяснити хотели, како э ишло, дасте вы говоръ птицахъ разумѣвали? „

Мысмо дужни, правицу отъ Абдериткиня некриити, дасу оне све што э годъ Демокритъ о своему вѣжеству птичїега говора сказао, само за едно величаніе держале. Али ово препятствовало ніе, да небы предначинаніе овога разговора штогодъ забавляемо за ны имало; Ербо оне нису ни отчега радіе говорити слушале, нежели о вещма кое нису вѣровале, и опетсу ихъ вѣровале; како напримѣръ о Штїнкси, морскима людма, Сїбїлама, Коболти, папанцы, Аветиняма, и свему, што у рубрику ову принадлежитъ; и говоръ птицахъ принадлежитъ такожде онамо.

Есть

Есть едно таинство, рекао э Демокритъ, коесамъ я отъ священоначалника (Архїереа) у Мемпїсу научїо, кадсамъ я себе у Егїпетскима таинстви извѣстити дао. Онъ э быо еданъ мершави дугачки мужъ, имао весма дугачко име, и їоштъ дужу како ледъ сѣду браду, коя э нѣму до пояса досязавала. Выбысте нѣга за каковога человѣка изъ другога свѣта держали были, тако э торжествено и таинства полно онъ у нѣговой островерлятой капи и нѣговому по земли ползящему япунжету изгледао.

Позорство Абдеритовъ расло э примѣтително. Наннїя, коя э нѣшто мало натрагъ стала, слушала э съ лѣвимъ ухомъ славуя; али отъ времена до времена бацыла э она нѣки благодарности полни сакривени погледъ на Фїлозофа, кои э такови колико э годъ крапи мапи нѣзина, на нѣзине груди гледала, или нѣзинога пса любила, съ веселимъ смѣхомъ опговарао.

Цѣло э таинство, предначео э онъ далѣ, соетоитъ у тому: Валя подъ нѣкимъ извѣстнимъ временомъ *7 мъ* различни птицахъ заклапи, коихъ имена я явипи несмѣемъ, крвъ ови птица у едну малу яму коя къ тому концу у земли валя дасе ископать заедно салипи, яму съ лорбер-

ними цвѣтами покрити и — опиѣи студу. По истеченію 21 *гѣ* дана валя опетъ онамо опиѣи, яму открити, и наѣиѣесе онде една мала рѣдкога вида Аждая, коя э изъ оне согныпе иструле крви произишла — *)

Аждаю! „ — Повикалесу Абдериткинѣ сѣ свима знацы удивлѣнія.

Аждаю

*) Пліній кои э у своеи естества и художества повѣсти истинное и ложное безъ разлике заедно састаѵіо, сказуетъ, у глави 49 й нѣгове десете книге, сасвимъ постояно: да э Демокритъ у едному свои списанія, извѣстне птице наименовао изъ коихъ смѣшане крви зміа произилази, коя свойство имѣетъ, да онаи кои такову ядетъ, (ели съ оцтомъ и зейтиномъ? о томъ ништа неговоритъ) отъ онога часа све разумѣва, што птице между собомъ говорятъ. — Овакови и другихъ подобнихъ будалаштинахъ ради, отъ коихъ (како што онъ сказуетъ) списанія Демокритова кипятъ, читаетъ онъ нѣму на нѣкоему другому мѣсту свога списанія текстъ весма учителски. Али Геліусъ (Noct. Atticar. l. X. cap. 12) защищава нашега Філозофа съ болимъ доказателствомъ, нежели што Пліній нѣга осуждаваю. Што э Демокритъ зато могао, дасу Абдерити тако безумни были, све, што э годъ онъ у постоянству изговоріо за шалу (Іронію) и све

Аждаю, ако и не многу већу нежели обыкновеннога слѣпога мыша. Ову Аждаю узмите иссѣцыте ю на комадиће, и изѣдите ю сь нѣшто мало оцта, зейтина и бибера, неоставляюћи отъ тога ни мало; идите затимъ у постелю, покритесе добро, и спаваите 21 *нб* сатъ у еднои потези. Затимъ устаните опетъ, обуцытесе, и идите у вашу башчу или у какову шуму, и зачудичетесе зѣло, кадсе вы у тому истому часу на све стране отъ птицахъ окружени и поздравлѣни нећете, коихъ разговоръ и пѣсме виђете тако добро разумѣти, како да ви све дневе вашега живота небысте ништо друго, нежели швраке гушчице и тешке кокошке *) были.

Демосве што э шалећисе рекао, за постоянство узимали? или како э могао онъ препятствовати, да небы давно послѣ нѣгове смерти, Абдеритске главе тысящу будалаштиия, на кое онъ никада нїе ни помислїо, подѣ нѣговимъ именомъ и чести, другимъ Абдеритомъ продавали? Каково бѣдно списанїе нїе нѣму у лѣту 1646-му Магиенусъ Democritus redivivus сказати дао? и што нећеду люди у другому свѣту о себи сказати дапи?

*) Ово э доиста заблужденїе преводчика. Ербо

Демокритъ э све ово Абдериткиняма съ таковомъ тихомъ постояности сказивао, дасе оне никако удержати нису могле, нѣму ово невѣровати, ербо онъ, по ныному мнѣнію, ову вещь съ толико много обстоятелстви небы могао сказати, кадъ она не бы истинна была. Но между тимъ зналесу оне садъ башъ толико отъ тога, колико э нуждно было, дабы оне їоштъ нестерпѣливїе быле све знати —

„ Али, запиталесу оне, каковесу то птице, коесе къ тому употребляваю? Ели Воробей, зебацъ славуй, шврака, плетелица, гавранъ, вївакъ соика и т: д: такожде между тимъ? Како изгледа Аждая? имали крила? И колико ихъ имать? Ели жупа, или зелена, или плава, или ружичне бое? Блюели вапру на уста? Неугризали или неколѣ, ако ткогодъ хоће да ю додирне? Ели добра ясти? Каковога э вкуса? Какосе у желудку сваруетъ? Штосе

пїетъ

бо тко незнаетъ, дасу тешке кокошке Арїстотелю самомъ непознате быле, и непознате быти морале, ербосу оне текаръ изъ западнѣ Індїе къ нами и у проче части наше полукружности дошле? С. Буфонъ Hiſtoria Naturalis des oiſeaux. T. 3. p: 187 и та: д:

пїетъ на то? „— Сви ови вопроси, съ коима э добри естества испитатель, съ свїю страна нападенъ быо, далису нѣму такову вапру, да э онъ себе найпослѣ наикраће изъ овога дѣла извућисе вѣровао, ако онъ ныма исповѣдитъ, да э онъ цѣлу ову повѣсть само изъ едне шале измыслїо.

„ О, ово нећете вы нами текаръ мудро учинити! — повикалесу Абдеритскинѣ, вы само то хоћете да мы ваше таинство непостигнемо. Али мы вами нећемо мира дати, можете слободно вѣровати! мы хоћемо ту Аждаю давидимо, опипамо, омиришимо, вкусимо, и съ кожомъ съ костми изѣдемо, или — да намъ скажете, зашто не!„

АБДЕРИТИ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЛИ

ІППОКРАТЪ У АБДЕРИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣхо между описаніе о Карактеру и Фїлософіи Демокритовой, кое мы читателя неисчисляваши молимо.

Мы незнадемо, како э Демокритъ то започео, да бы любопитне жене съ врата свога отбаціо. Доволно да ови примѣри нами понятно чинятъ, како э само едно случайно наумнѣніе способъ дати могло, невинога естества испитателя, у такови гласъ донести, како да бы онъ доволно Абдеритъ быо, све оне басне и приповѣдке, кое э онъ своимъ занешенимъ земляком сказывао самъ вѣровати. Они, коису нѣму ово за укоризнь сказали, позиваюсе на нѣгова списанія. Али давно преће вре-

менъ

менъ Вїтрувїа и Плїнїа было э множество ложни книжица съ много значащими Тїтули подъ нѣговимъ именемъ свудъ ношено. Знадесе како э обыкновенъ овай начинъ преваре безпосленога Грегулїа у познимъ временамъ быо. Имена Хермеса Трїсмегїста, Зорооастра, Орфеа, Пїтагора, Демокрита быласу чести достоина доволно, нежели дабы они ница рожденїя безстуднихъ главъ продаема учинили; особито послѣ како э Александрова Фїлозофїе школа, Магїу у нѣки видъ общега почитанїя и научене у вкусъ довела, себи кодъ ненаученихъ честь чинити, како да бы они силни чудесни мужи были, коису ключь къ духовомъ свѣта нашли, и за кое у цѣлому естеству садъ ништа таино нїе. Абдеритису Демокрита у гласъ волшебства довели, ербо они постигнути нису могли, какосе, небываюћи волшебникомъ, толико много знати можетъ, нежели они — нису знали; и позни варалице Фабрїцїралису (правилису) волшебства книге у нѣгово име, да бы себи онаи гласъ кодъ лупоглавовъ нынога времена на ползу учинили.

Вообще былису Грецы велики любители отъ тога, съ нынимъ Фїлозофомъ будалу водити. Аѳиняне смѣялисусе сердечно, кадъ э ныма остроумни шаливацъ Арїстофанъ

фанъ понятно учинїо, Сократъ держитъ облаке за Богинѣ и мѣритъ, колико бухїи ногу высоко буха скакати можетъ *) даетъ себе

*) Ништа нїе могућнїе, нежели да э Сократъ еданъ кратъ штогодъ сказати могао, што э овой преклапницы поводъ дало. Онъ э могао само у каковому содружеству, гдѣ э бесѣда о величини или маленоћи была, заблужденїе примѣтити, коесе обикновено чинитъ, кадасе о великоћи и малоћи аки о главнимъ своиствамъ говоритъ и не помыслитсе да то само на мѣру долазитъ, ели штогодъ мално или велико быти имать. Онъ э могао своимъ шаливимъ начиномъ рећи; неправедное начало бухе атїческимъ рифомъ мѣрити, дабы хитлену крѣпость бухе съ ономъ у воздухъ скакателя сравнити, не человѣческу ногу, него ногу бухе за мѣру узети, ако иначе бухамъ правду допустити хоћемо — и тимъ подобная. Само э потребно было у содружеству, Абдеритомъ быти, тосмо слободно нато хесапити могли, даће онъ то како какову велику неточность коя э Фїлозофу умакла, по своему собственному начину опетъ исказати; и ако э башъ Арїстотель доволно мударъ быо, поспигнути, да э Сократъ штогодъ мудро сказао, то э опетъ за онаковога человѣка нѣговога заната, и къ нѣговому намѣренїю, Фїлозофа посмѣятелна учинитъ,

себе кадъ хоће да намысли у едной котарицы обѣсити, да небы привлачаема крѣпость землѣ нѣгове мысли истегла и т: д: и мыслилосе ныма вообще краткочасно еднога человѣка кои э ныма свагда истину, и тако дакле често неугодне вещи сказивао, наименѣ на позорищу гладке будалаштине сказиваюћа чути. И какосе ніе морао Діогенъ. (кои э между подражатели Сократа їошћъ отъ болѣ части образъ нѣговога Орігінала имао) отъ овога народа, коисе тако весма радо смѣяо, злоставити дати? Башъ и духобогати Платo, и дубокозамышлѣни Арістотель, нису остали безъ тужбе, чрезъ коесу ны къ великои хрпи повседневнихъ человѣковъ сметнути тражили. Каково э чудо дакле, да оному человѣку ніе болѣ ишло, кои э тако дерзновенъ быо, посредѣ Абдеритовъ разумъ имати?

Демокритъ смѣяосе кадъ кадъ, како и мы сви, и небысе можетъ быти, кадбы онъ у Корінту, или Смірни, или Сіракусу, или

ти, већь доволно, дасе овому наумнѣнію други путь дати могао, коимъ э онъ способанъ быо, кожне кецелѣ Аѳиняновъ, коису (вкусъ и остроуміе изузимаюћи) доста Абдерити были, еданъ часъ растрести.

гдѣ годѣ на каковому другому мѣсту у свѣту живїо, више смѣяо нежели сваки други честни человѣкъ, коисе изъ причинъ или нарави ради, веселїега чувствовао будалашпине человѣческе изсмѣявати нежели оплакивати. Али э онъ между Абдерити живїо. Было э всѣмъ еданъ кратъ обичаи ови добры люди, свагда штогодъ чинити, о чемусе морало или смѣяти, или плакати, или нестерпиму быти; и Демокритъ смѣяосе онде гдѣ э Потїонъ чело намрежгавао, Като мучїо, и Швїфтъ тукао. При доста долгомъ бытїю у Абдери могао э нѣму дакле образъ шале своиственъ и притяжатель быти. Али дасе онъ у точному разуму свагда изъ свега герла смѣяо, како што о нѣму нѣки стїхотворацъ, кои вещь какову радо излишно чинитъ сказуетъ *) ово наименѣ нїе нитко у стїхови сказати имао.

Али оваи занымъ говоръ можетъ їоштъ свагда проћи, онда, кадъ еданъ тако прехвални Фїлозофъ како што э Сенека, нашега друга Демокрита о овому пункту оправдава, и што э їоштъ више подражанїя достоина налазитъ. „Мысе трудити морамо,

*) Perpetuo riſu pulmonem agitare ſolebat Democritus. — Iuvenal Satir. X: 33:

рамо, говоритъ Сенека *) да нами лудости и недостатцы велике хрпе купно и воособъ не злобе достоини, него посмѣятелни предходятъ; и болѣѣмо чинити, ако мы у тому Демокрита нежели Хераклита за примѣръ узмемо. Оваи э обычествовао, колико э често онъ между люде дошао, плакати, онаи смѣятисе: оваи э видѣо у свему нашему дѣлу суету нужду и неволю; онаи суету забаву и дѣтинску игру. Али опетъ э любезнїе, жизнь человѣческу насмѣяваши и веселити, нежели печалити; и реѣисе можетъ, да э себе онаи за родъ человѣчески услужнїега учинїо, кои э нѣга насмѣявао и веселїо, нежели онаи кои э нѣга оплакивао. Ербо онаи оставля намъ, iоштъ свагда мало више надежде, оваи спроѣу тога плачетъ лудимъ начиномъ о вещма, кое онъ поправити моѣи сасвимъ очаява. Такожде показуетъ онаи већу душу, кои кадъ онъ погледъ верху цѣлога бацитъ, себе смѣха — како и онаи, коисе отъ суза задержати неможетъ; ербо онъ съ тимъ познати даетъ, да све, штосе другимъ велико и важно доволно чинитъ, дабы ны у наижесточїе страсти ставило, у нѣговима очима тако э мален да оно само наи-

*) De Tranquill animi C: 15.

наилакше и наикровостудніе между свими страстми у нѣму возбудити можетъ *) Менисе мимогредъ чинитъ, извѣтъ Софіста Сенеке имать разумъ; коликобы онъ можетъ быти болѣ учиніо быо, своя доказателства ни-

*) При свему тому изясніосе Сенека опетъ скоро затимъ, да э їоштъ болѣ и едному мудрому мужу пристоиніе, господствующа благонравія и погрѣшке человѣковъ кротко и равнодушно сносити, нежели о томъ плакати или смѣятисе. Менисе чинитъ, онъ э съ мало труда наћи могао, да — їоштъ штогодъ болѣ имать нежели ово лучше. Зашто увѣкъ смѣятисе, зашто свагда плакати, свагда гнѣватисе, или свагда немарну равномѣрну быши? Имать будалаштинахъ коесу смѣха достоине, да бы человѣколюбцу воздиханіе истегнуле; друге коебы и каковога свеца на гнѣвъ раздражити могле; напослѣдокъ їоштъ друге; коесе слабости человѣческои отпустити могутъ. Мудрый и добрый человѣкъ (nisi pituita moleſta eſt, како што э Хораць мудро исчисліо) смѣется или насмѣявасе, сожалуетъ или оплакаетъ, извинява или опроцава, колико послѣ, то лица и вещи, мѣсто и време съ собомъ доносятъ. Ербо смѣятисе и плакати, любити и злобити, наказивати, и отпущати, имать свое време говоритъ Соломонъ кои э стари, разумни и боли быо нежели Сенека съ свима своима, Антїтези.

нити тако изъ далека узимати, нити у тако маисторске Антїтезе зашарафливати. Но, како што э сказано, само то едно обстоятелство да э Демокритъ между Абдерити живїо, и смѣяосе Абдеритомъ, чинитъ ову укоризнь, о коеи э бесѣда, колико излишна она такожде быти можетъ, за наисноснїю помежду свима коесу нашему мудрому натоварене. Дозволява Омїръ опетъ Богове саме, о нѣкоему далеко манѣ смѣха достоиному предмѣту, — о хромому Вулкану, кои э изъ добросердечнога намѣренїя, миръ между Олїмпїери утвердити изъ себе механжїю учинїо — у нѣкои неугасими смѣхъ упустиписе. Али доказиванѣ, да э Демокритъ самъ себе вида лишїо, и причине зашто э онъ то учинити морао, ово спавля на страну онихъ, кодъ коихъ э то приступъ наћи могло, нѣку склоность напредъ, коя наимањѣ глави нынои мало чести чинитъ.

И какова э склоность могла то быти? — Яћу вамъ сказати любезни друзи, и да благое Небо дастъ, да то небы сасвимъ у вѣпаръ сказано было!

Есть худа склоность, свакога лупоглава, свакога лукавога бездѣлника, за неизбаченога свидѣтеля, допустити дати,

како

како онъ о каковому великому мужу гдѣ годъ безмѣрне смутнѣ и неточности сказуетъ, кое такожде повседневни человѣкъ при пять здравихъ чувствъ учинити бы неспособанъ быо. Я небисамъ радъ быо вѣровати да э ова склоность тако обща, како што ю умалители человѣческога естества потверждуютъ. Али ово наименѣ учитъ искусство: да мале приповѣдке (Anecdoten) коесе о велики дуси, на трошакъ нынога разума разглашавати дати обычествуютъ, верло ласно кодъ многихъ мѣсто обрѣтутъ. Но опетъ можетъ быти да ова склоность у основанїю ње казни достоинія, нежели она радость, съ коїомсу звѣздочтецы белеге у солицу примѣтили? Можетъ быти да э то само, неожидаемо и непостижимо, што откровенїе овакове белеге тако угодно чинитъ? И кромѣ тога налазисе такожде често, да мали люди, каковому великому мужу противоумности измышляваюћи, нѣму (нынимъ начиномъ мыслећи) їоштъ выше чести указати мыслятъ; и ово э могло быти штосе свободне слѣпоте нашего Фїлозофа дотиче, случаи при многихъ а не едиому Абдеритскому мозгу.

„ Де

„ Демокритъ э самъ себе вида лишїо, сказуется, дабы онъ їоштъ дублѣ мыслити могао. Што э у овому тако невѣроятно? Неимамоли мы примѣровъ своеволнихъ ущерблѣнїяхъ подобнога начина. Камбабусъ—Орїгенесъ —„

Добро! — Камбабусъ и Орїгенесъ отбацылису едну часть ныныхъ отъ сами себе, а наимено онакову часть, коюби многи у случаю нужде, съ свима нынима очима и акобы ихъ толико много како Аргусъ имали, купили были. Алису они такожде и велику подвизателну причину къ тому имали. Шта неће человѣкъ за животъ свой дати? И штасе нечинитъ и нестрадатъ, любимцемъ каковога Княза изостати, или башъ еднимъ пагодомъ быти — Демокритъ спроћу тога нїе могао никакову подвизателну причину ове крѣпости имати. То бы їоштъ мимоићи могло кадбы онъ Метафїзїкусъ или Поета био. Овосу люди, коису за дѣла своя вида лишени быти могли. Они послуютъ наивише воображенїя силомъ и ова съ слѣпотиниомъ много выше добыва. Али кадсе икада чуло, да э какови естества примѣчатель, расправитель удовъ, звѣздочипецъ себи очи ископао, да бы їоштъ болѣ примѣчавао разоноћивао, и по звѣздама гледао?

Ова неточность есть тако рукомъ до-стязаема (прикосновенна) да Тертуліанъ доказаное дѣло нашега Фїлозофа, изъ нѣке друге причине изводитъ, коя э нѣму обаче найманѣ равно тако неясна учинитисе мора-ла, кадбы онъ боли хинатжїя быо, Фїло-зофе, кое э онъ къ земли опровергнути, у сламняне люде премѣнити хотео. „ Онъ э себе зато очїю лишїо, говоритъ Терту-ліанъ *) ербо онъ никакову жену нїе гледа-ти могао, да ю небы захтевао „ — Верло у-тончано доказателство за еднога Грческо-га Фїлозофа изъ вѣка Перїклова! Демо-критъ, коему доиста нїе наумъ пало, му-дримъ быти хотети, нежели Солонъ, А-наксагорасъ, Сократъ, имао э такожде отъ потребе, къ едному оваковому средству прибѣжище свое узети! Истинна э, со-вѣтъ послѣдняго **) кои Демокриту дои-иста непознатъ быо нїе, ербо э онъ разу-ма доволно имао себи самому такови дати забуню э малко спрећу силе любови; и е-дному Фїлозофу, кои э цѣли животъ свои испитанїю истинне посвятити хотео, было э всячески весма много до тога, себе отъ та-

*) Apolog : C. 46.

**) Memorab, Socrat Lib. I: Cap: 3. Nro 14.

такове тїрянске страсти чувати. Али отъ ове нїесе Демокритъ наиманѣ у Абдери ништа бояо. Абдериткинѣ былесу доиста красне; Али э благо естество ныма глупость за противо отровъ ныни тѣлесни раздраженїяхъ дало. Абдериткиня была э до то доба красна и лепа докле она нїе — уста отворила, или доклесе она у куѣнои халини нїе видѣла. Страсти отъ три дана было э штогодъ краинѣ штобы она каковому честному мужу, кои нїе Абдеритъ быо улити могла; и една любовь тридневна у Демокриту у Фїлозофїраню тако э мало препятствовала, дасмо мы много више све естества испитателѣ, разонодителѣ, художества мѣрителѣ, и звѣздочтеце смирено совѣтовати хотели, себе овимъ средствомъ аки каковога преизряднога рецепта противо слезине болѣсти често послужавати, кадсе небы надати было, дасу ова Господа отъ выше мудра, нежели дабы оваковога совѣта отъ потребе имали. Ели Демокритъ самъ крѣпость овога средства, случаинимъ начиномъ, кодъ едне или друге краснихъ Абдериткиняхъ, коесмо мы веѣь познати научили, искушао быо, неможемо мы изъ недостатка вѣроятнихъ извѣстїяхъ нити реѣи есть иити нїе. Али да

э онѣ, башѣ ништа, или весма некрѣпко отѣ оваковихѣ неубиточнихѣ созданїяхѣ преузетѣ, и будуѣи да э онѣ на сваки случаи безопаснь быо, да оне нѣму очи ископати нећеду, доволно слабѣ быо, себи такове самѣ ископати: ово Тертуліанѣ можетѣ вѣровати коликому э годѣ драго: мы обаче весма сумнямосе, даће ткогодѣ то сѣ нимѣ купно вѣровати.

Алићѐеду све ове несходности неважне быти, кадѣ мы ны сѣ онимѣ сравнимо, што нѣки у своему начину верло заслужени собирателѣ Матерїаловѣ кѣ повѣсти человѣческога разума*) Фїлозофїомѣ Демокритовомѣ називаетѣ. Было бы тешко, отѣ едне хрпе особни сруженїя, камења и разбїенихѣ стубовѣ, коибисе аки издаемы остатцы великога храма у Олїмпїи изѣ неизброенихѣ мѣстѣ заедно скупили, сѣ извѣстїемѣ сказати, дасу то башѣ дѣйствителна сруженїя онога храма. Али штоћѐесе отѣ каковога человѣка мыслити, кои, кадѣ бы ова сруженїя, коликобы годѣ нѣму у хитни могућѐее было едно на друго сложїо, и сѣ нѣшто мало шуткала и сламе — скрпїо — и

*) Брукерѣ отѣ Магнена, кои Демокрита по своеи собствено и Фаитазїи хидатисе и не хидатисе допущаетѣ, неговоритѣ ништа о томѣ!

— и оваково бѣдно зданіе безъ плана, безъ темеля, безъ величине, безъ Сїметріе и красоте, за храмъ Олїмпа издати хотео?

Вообіце ніе башъ отнюдъ вѣроятно да э Демокритъ какову Сїстему начиніо. Онакови мужъ, кои э животъ свои съ путешествіями съ примѣчаніями, и искушеніями провео, рѣдко живитъ за дуго, да бы дѣйство онога што э видѣо и искусіо у каково художеству сходно науке зданіе саставіо. И у призрѣнію овому могао э Демокритъ такожде, колико э онъ више нежели читавъ вѣкъ живѣти имао, іошт свагда весма рано смертію похищенъ быти. Али да бы еданъ онакови мужъ, съ проницателнимъ разумомъ и горящомъ жаждомъ за истинномъ, кое нѣму древность единогласно приписуетъ способанъ быо, прикосновено и ясна безумія потверждавати, есть што годъ іошт манѣ нежели невѣроятно. „ Демокритъ сказуесе намъ изясніо э бытіе свѣта (мїра) башъ изъ Атомновъ, празне пространости мѣста, или изъ нуждности или случая. Онъ э испитивао естество пуни 80. година дуго, и оно нѣму о нѣговому создателю ни едне рѣчи сказало ніе, и іошт манѣ о нѣговому плану и намѣренію. Онъ приписао э свимъ Атомномъ разне начине движенія и

ніе

нїе примѣтїо *) да изъ Стїхїахъ коесе у паралелнимъ лїнїамъ движутъ, отъ вѣка никакова тѣлеса произићи могутъ? Онъ э отрицао, да союзъ Атомновъ по уставамъ подобности бываетъ; онъ э изяснїо све у свѣту, изъ нѣкоего безконечно хитрога али слѣпога движенїя, и потвердїо э равно, да э свѣтъ башъ една цѣлость?„ и т: д: Ова и тимъ подобна безумїя, ставляюсе на нѣговъ хесапъ, и позивасе Штебусъ, Секстусъ, Цензоринусъ; и малосе о томъ стараютъ ели то между вѣроятне вещи принадлежитъ, или не, да бы еданъ разумни мужъ (за кое абїе Демокрита издаютъ) тако неволно противорѣчити могао. Всячеекису велики дуси, отъ возможности заблудитисе, или неправилна слѣдства иставити, равно тако свободни како и мали; коликосе исповѣсти мора, да они безконечно крати редѣе у овакове погрѣшке падаю, нежели штобису Лїпутани радо имали; кое само какови лудоглавъ мыслити или сказати способанъ естъ, тако како што и бездѣлїя имать кое само какови бездѣлникъ учинити можетъ. Наиболи люди имутъ свое неправилности (ано-

ма-

*) Брукеръ Hiſtor: Crit: Philoſoph: T. I. p. 1190.

мала) и ови мудри терпятъ иногда нѣкое мимоходящее потмѣнїе: али оно неприпятствуетъ, дасе не бы съ обилномъ безопасности отъ каковога разумнога мужа потвердити могло; да онъ обыкновено, и особито у оваковимъ способамъ, гдѣ такожде и наиглупли сва нына соберутъ, како разумни человѣкъ поступїо.

Ова Максїма могла бы намъ кадбы пристоино употреблѣна была у животу многое наглое разсужденїе, многу съ важними слѣдстви спрягнуту премѣну сѣна или преваре съ истинномъ ущадѣти помоћи. Али Абдеритомъ нїе она ништа помогла. Ербо къ употреблѣнїю какове Максиме изыскуется башъ управо она вещь — кою они имали нису. Ови добрыи люди спомагалисусе съ нѣкомъ сасвимъ другомъ Логїкомъ, нежели разумни люди; и у нынима главама былосу понятїя несложена, коя, кадъ небы Абдеритовъ было, у цѣлои вѣчности никада небы совокупно снишла.

Демокрїтъ э искушавао естество вещеи, и примѣтїо э причине извѣстнихъ естества, приключенїяхъ много ранїе нежели Абдеритии,—дакле быо э онъ зато волшебникъ. Онъ э о свему мудрїе мыслїо нежели они, живїо э по другимъ уставамъ, проводїо э време

свое

свое на нѣки ныма сасвимъ непонятни начинъ съ самъ собомъ, — дакле съ нѣговомъ главомъ ніе башъ правилно стаяло; таисе человѣкъ преучіо, и забринулосе, даѣе съ нимъ нещастни конацъ быти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Демохритъ есть съ нѣкимъ тешкимъ преступлѣнїемъ обвинѣнъ, и отъ еднога нѣговы сродниковъ съ тимъ оправданъ да онъ веѣ съ разуномъ своимъ башъ право невлада Како э онъ онаи громъ кога э нѣму священикъ Штробилъ прилравити хотео їошть у добро време отъ себе отвратїо — нѣко таинство, коего дѣйство, рѣдко изостаетъ кадсе оно правилно улотребитъ.

Штосе чуетъ о Демокриту? — реклису Абдерити между собомъ. — „ Веѣ э пуни бтъ Недѣля да ніе нитко нѣга видѣо — Неможега человѣкъ никада добити; или акосе онъ башъ наипослѣ затечетъ, то сѣдитъ онъ дубоко замышлѣнъ, и можетсе предъ нымъ читаво полъ сата стаяти, можетсе съ нимъ говорити, и отъ нѣга отиѣи, да онъ то ништа непримѣтитъ. Часъ тражитъ онъ штогодъ по утробамъ паса и мачака; Часъ кува онъ нѣке праве, или

стоитъ

стоитъ съ еднимъ великимъ мѣомъ у рукы предъ нѣкомъ волшебномъ фуруномъ, и правитъ злато, или їоштъ нѣшто горе. Преко данъ пужвасе по наивишимъ пећинама, како годъ Гемъ берда Хемуса, дабы — нѣке праве нашао, како да такове доволноу близкоћи небы было; и нощїю кадъ башъ и сама безумна созданїя почиваю, умопасе у нѣку Сцїтску опаклїю и мотритъ такоми Кастора! крозъ нѣки шупли тростъ по звѣздамъ. „Ха, ха, ха, нишшосе луће снивати неможетъ! Ха, ха, ха!„ (смѣяосе онаи кратки дебели Совѣтникъ.)

Есть воистину, при свему тому, штета за тога человѣка рекао э Архонъ отъ Абдере; алисе опетъ сказати мора да онъ много разумѣва„

„Али какову ползу имать Републїка отъ тога:„ — предначео э нѣки Совѣтникъ кои э себи съ проекти, съ поправлѣнїя предлози, и доказиванїемъ древнихъ правицахъ едну лепу суму новаца отъ Републике заслужїо, и силою тога свагда изъ свега герла о своима заслугама за Абдеритско существо хваљосе, коликосе Абдеритско существо чрезъ све нѣгове проекте, доказиванїя и поправлѣнїя ни за сто драма нїе болѣ находило.

„Истин-

„ Истинна э, рекао э еданъ други; съ нѣговимъ вѣжествомъ излазисе све на саме играчке; ништа темелнога или истинога! In minimis maximus! „ Пакъ послѣ нѣгова несносна гордость!

— Нѣгова противорѣчія„ болѣзнь —!
— Нѣгово умствованіе, кудѣніе, и руганѣ!„

„ И нѣговъ зли вкусъ„

„ Отъ музіке наманѣ неразумѣва онъ башъ ни кукавице,„ рекао э Номофілаксъ.

„ Отъ Θеатра іоштъ манѣ повикао э Хіперболъ.

„ А отъ пѣснь пѣснѣй башъ ништа„ повикао э Фізігнатъ.

„ Онъ э еданъ шарлатанъ еданъ дивакъ — „

„ И іоштъ верху тога свободни духъ, повикао э священикъ Штробилъ; совершени свободный духъ, еданъ человѣкъ кои ништа невѣруетъ, коему ніе ништа свято. Нѣмусе можетъ доказати, да э онъ множеству жабамъ языке изъ живога тѣла истергао. „

„ Говорисе верло о томъ, да э онъ нѣкое отъ тихъ живе разудіо, „ сказиваше нѣкто.

„ Ели могуће? повикао э Штробилъ съ свими знацы краинѣга удивлѣнія; хоћелисе ово доказати моћи? праведна Латоно! Къ

чему

чему ова проклета Фїлозофїа человѣка довести неможетъ! Али! хоћелисе башъ дѣйствително то доказати моћи?

„ Я тако продаемъ како штосамъ купїо,„ отговорїо э онаи.

„ То мора извидѣно быти, повикао э Штробилъ, высокославни Господине Архоне! — Благоразумна Господо! Я васъ за што у име Латоне позивамъ! Ова вещь мора извидѣна быти?„

„ Къ чему извидѣнїе? рекао э Трасїлъ, нѣки отъ началниковъ Републике, нѣки наиближи сродникъ и мними наслѣдникъ Фїлозофа. Та вещь имать свою правилность. Али она далѣ ништа недоказуетъ, нежели штосамь я несрећомъ већь отъ доста дуго времене на моему стрицу примѣтїо, — да съ нѣговимъ разумомъ нестоитъ онако добро, како што бы желити было. Демокритъ нїе никакови хрђавъ человѣкъ; Онъ нїе никакови презиратель Боговъ: али онъ имать нѣкое часове кадъ онъ нїе башъ сасвимъ при себи. Ако э онъ кадъ кою жабу разонодїо, тобисе я за нѣга заклео, да э онъ ону жабу за мачку держао.„

„ Іошпъ чемернїе! рекао э Штробилъ.

„ Доиста, їоштъ жалостнїе — за нѣгову главу, и за нѣгово домостроенїе! —

пред-

предначео э Трасїллъ далѣ. Таи бѣдни человѣкъ есть у таковому состоянїю, при чему мы дуже немарни остати неможемо· Фамїлїа ова хоће себе наипослѣ принужденну видѣти, Републику на помощь звати. Онъ ни у каковому разсужденїю нїе способанъ, имѣнїе свое самъ управляти. Онъ хоће съ назирателѣмъ снабдѣнъ быти морати.„

„ Ако э то — рекао э Архонъ съ нѣкимъ замышлѣнимъ лицемъ — и умолчао э·

„ Яћу честь имати, ваша Господства о вещи тои ближе извѣстити, „ предначео э Совѣтникъ Трасїллъ.

„ Како? Демокритъ да нїе при разуму? повикао э нѣки отъ присутствующихъ. Моя Господо отъ Абдере, размислитесе добро што вы чините! Высте у погибели цѣлои Грецїи велики смѣхъ приуготовити. Яћу метнути уши мое на изгубитакъ ако вы разумнїега мужа съ ову и съ ону страну Хебра наћете, нежели овога истога Демокрита. Узмитесе у паметъ, моя Господо! вещь та есть шкиклявїя нежели што вы можетъ быти мислите.„

Наши читатели дивятся — алиће мы нима абїе изъ овога чуда помоћи. Онаи, кои э ово сказао нїе быо Абдеритъ. Онъ э страни изъ Сїракуса быо, и (што э Совѣт-

вѣтнике отъ Абдере у Решпекту задержало) сродникъ наиближи старога Дїонісїа коисе у кратко предъ тимъ князомъ ове Републике учинїо.

„ Вы можете увѣрени быти, отговорїо э Архонъ Сїракусанеру, да мы у той вещи далѣ ићи нећемо нежели докле основанїя налазимо. „

„ Я много участїя на чести кою э свѣтли Сїракусанеръ моему сроднику нѣговимъ добримъ мнѣнїемъ указао, примамъ, рекао э Трасїллъ, нежели да желїо небы, таковую потвердити моћи. Демокритъ имать свое свѣтле и ясне часове; и у таковима бы съ нимъ и какови Принцъ говорїо. Али шшета! тосу само часови — „

„ Дакле мораю часи у Абдери весма дугачки быти, „ говорїо э Сїракусанеръ.

„ Высоко и благоразумна Господо, рекао э свящникъ Штробилъ; обстоятелства могутъ быти устроенна како имъ драго, помыслите да э овде бесѣда о живои расплашеннои (разоноћенои нади) жабы! вещь есть важна и я настаявамъ на извидѣнїе. Ербо зато Латона и Аполло да будетъ, дасе я страшити морамъ — „

„ Будите мирни тога ради Господине священиче, пресѣкао э нѣму бесѣду Архонъ,

кои

кои э (меджу нами речено) самъ нѣшто мало у подозрѣнїю стаяо, о жабама Латоне не башъ тако здраво мыслити, како што-се у Абдери о томъ мыслити морало. — На перво доношенїе, кое бы отъ стране Началниковъ освященнога шабляка кодъ Сената учинѣно было, моралебы жабе свако пристоино удовлетвореніе добити! „

Сїракусанеръ дао э Демокриту незакоснѣно о свему овому извѣстїя, што э у овому содружеству говорено было.

Даи найупитанїега младога пауна *) у кокошиняку заклати и на ражань натнути, рекао э Демокритъ своеи домостроителници, и кажими кадъ вечь печенъ будетъ.

Ту

*) Овде являсе нѣка неправилность у текстъ увучена быти. Паунъ было э прече Александровога завоеванїя Персіомъ една непознана птица у Грецїи, и када э она послѣ изъ Азїе у Ѣвропу прешла, была э она съ почетка тако рѣдка, дасу ю у Аѳини за новце видѣти давали. Но была э она опетъ у кратко време (по сказиваню Комедїе писателя Антїпана) тако обща како и плепелице. У раскошной Епохї Рима было э таковихъ неизброено множество онде воспитано, и паунъ чинїо э особно ело на свима

Рим-

Ту исту вечеръ, башъ кадъ э Штробилъ за Асталъ сѣо, быо э печени Паунъ у еднои сребренои чинїи, аки даръ Демокритовъ донешенъ. Кадсуга отворили, быо э онъ съ стотиномъ златнихъ Дорїковъ *) напунѣнъ. Не мора башъ тако зло съ разумомъ онога человѣка стаяти; помыслїо э Штробилъ. Ово средство дѣйствовало э преизрядно, оно што э дѣйствовати имало

Римскима астали. Откуда э Господинъ Буфонъ узео, да Грецы паунова ели нису, то незнамъ; противочастїе могло э нѣму едно мѣсто изъ Петена Алексїа кодъ Аѳенеа показати. Между тимъ былобы їоштъ, кадъ преѣе Александра небы паунова у Еѵропи было, извѣстно, да Демокритъ священику Штробилу небы печена Пауна послати могао; моралобисе напредъ ставити, да э оваи естества испитатель, между другима рѣдткостми, такожде и Паунова собомъ донео. И заштосе то напредъ ставити небы могло? У нужды моглибису нами такожде и стари Самиски монети на коимасе покраи Іуне такожде еданъ Пунъ изображенъ видитъ изъ ове тягости помоѣи — кадбы то само труда заслужавало.

*) Нѣка персїдска златна монета, коя э отъ Цїаксареса II. или Дарїа изъ Медїе, послѣ завоеванїя Вавїлонскога наипре искована была.

ло. Штробилъ огрувао э пошпено Пауна, пїо э їошть къ тому Греческога вїна, спустїо э они 100. Доріковъ у свою кесеу, и благодарїо э Лапони за удовлетвореніе, кое э она нѣзинима жабама учинила.

Мы сви наше погрѣшке имадемо, рекао э Штробилъ слѣдующи данъ у нѣкоему великому содружеству. Демокритъ есть доиста Фїлозофъ; али я опетъ налазимъ, да онъ башъ тако зло немыслитъ, како што нѣга нѣгови непрїятели обвинюютъ. Свѣтъ естъ опакъ; сказивалису о нѣму чудесне вещи: али я радо о свакому добро мыслимъ. Ясе надамъ, да э сердце нѣгово болѣ нежели глава! чинимисе да у послѣднѣй немора свимъ читаво быти; и я самъ вѣруемъ тоЧловѣку каковому у овакови обстоятелствви морасе много за добро примати. Ясамъ увѣренъ дабы онъ наиболи человѣкъ у цѣлои Абдери быо, кадъ нѣму небы Фїлозофїа разумъ покварила была!„

Штробилъ э овомъ бесѣдомъ две мухе еднимъ измахомъ уфатїо. Онсе опростїо свога обвязателства спрочу нашега Фїлозофа, ербо э онъ о нѣму аки о нѣкоему весма доброму мужу говорїо; и тимъ э учинїо себи заслугу кодъ Совѣтника Трасила, ербо э онъ то на трошакъ нѣговога разума

учи-

учннїо. Изъ чегасе видитъ да э священикъ Штробилъ при свои нѣговой простоћи, или глупости (акоћемо ю тако да назовемо) лукави гость быо.

ГЛАВА ТРЕТАЯ.

Нѣко мало означенїе у владѣнїе Шах-Бахама мудрога. Карактеръ Совѣтника Трасилла.

Имать нѣки начинъ люди, коисе много лѣпа дуго познавати, и примѣчавати могутъ, небудући никада у самъ себи согласанъ, ели ны у класу слабихъ или злихъ люди ставити валя. Едва штосу они какови поступокъ учинили, кога никакови разсудни человѣкъ учинити способанъ нїе, то превараю они насъ съ тако фїно измышлѣномъ злобомъ, да мы са свомъ добромъ волїомъ, о сердцу ныномъ наилучше мыслити, насъ у немогућству налазимо, кривицу на ныну главу бацыти. Ючеръ примилисмо мы за совершено да э Господинъ Квїдамъ тако слаборазуманъ, да бы грѣхъ быо, нѣму нѣгове будалаштине, за преступлѣнїе каково учинити; а данасъ увѣрава насъ очевидность, да э оваи человѣкъ отъ више коваранъ нежели да бы онъ точїю лупоглавъ быо; невидимо никаковога исхода ыѣга отъ

кривице нѣгове зле волѣ освободити. Али едва штосмо мы о томъ нашу страну предузели: то говоритъ или учинитъ онъ штогодъ, кое насъ опетъ у нашу прѣашню хїпотезу натрагъ бацытъ, или наимање у нѣко неугодно душевно станѣ, у очаяніе ставля, незнати, што мы о таковому человѣку мыслити, или — ако наша судбина захтева, да бысмо мы съ нимъ што годъ морали имати — шта мы съ нимъ започети имадемо.

Таина повѣсть отъ Агре сказуетъ, дасе славни Шах-Бахамъ еданъ кратъ съ своимъ Омрахомъ у оваковомъ случаю нашао. Омрахъ быо э обтуженъ да э онъ неправде чинїо.

Дакле нека будетъ обѣшенъ рекао э Шах-Бахамъ.

Али, Господине, (реклосе нѣму) сирома Курли есть една тако слаба глава, да э їошть питанѣ, ели онъ разлику между право и лѣво ясно доволно видишъ, да бы знао, кадъ онъ какову неправду учинитъ или не.„

Ако э то тако (рекао э Шах-Бахамъ) то пошлитега дакле у болницу залуѣнихъ!

„ Равно

„ Равно добро, Господине, ербо онъ разума доволно имать, съ колма са сеномъ натоваренима съ пута скренути, и при каковомъ стубу, на коемубы онъ главу разбити могао мимоиђи, ербо э то добро примѣтїо да стубъ покраи нѣга проћи неможетъ — „

Примѣчавали онъ то? Повикао э Султанъ; такоми браде пророкове! то неказуйтеми далѣ ништа. Сутраћесе видѣти, ели правица у Агри.

„ Но между тимъ имать люди, кои могутъ Ваше Величество увѣрити, да э Омрахъ — изузимаюћи само нѣгову глупость, коя нѣга кадъ кадъ злобна чинитъ — найчестни человѣкъ отъ свѣта. „

„ Молимъ за опрощенїе! умешао се у то еданъ отъ присутствующихъ дворянновъ) башъ противочастїе! Курли мора за све што їоштъ доброга на нѣму имать глупости своеи благодариши. Онъ бы їоштъ десять крати гори быо него што есть, кадбы онъ разума доволно имао, да бы знао како започети имать. „

Знатели Вы такожде, мои друзи, да у свему тому што вы мени сказуете ни какови человѣчески разумъ нїе? рекао э Шах-Бахамъ. Сравнитисе сами собомъ,

ако я молити смемъ! Курли, говоритъ о-вай, есть зао человѣкъ, ербо э онъ глупъ— ніе говоритъ онаи, онъ э глупъ ербо э злобанъ — Погрѣшено ніе тако говоритъ трећи; онъ бы опаки человѣкъ было, кадъ онъ небы тако глупъ было — Како хоћете вы да бы еданъ отъ насъ изъ ове галибе мударъ было? Овде нека скажетъ мени шко годъ штаћу я съ нимъ започети! Ербо или э онъ весма злобанъ за болницу ума лишенихъ, или э отъ више глупъ за вѣшала.

„ То есть исто, рекла э Султанкиня Дереїана. Курли э весма глупъ, да бы онъ верло злобанъ было; пакъ бы опетъ Курли їошть манѣ злобанъ было нежели што есть, кадбы онъ манѣ глупъ было. „

Желатъ да носитъ тога дяволастога человѣка! повыкао э Шах-Бахамъ. Овде сѣдимо и разбіямо главе, да бысмо изнашли, ели онъ магарацъ или бездѣлникъ каковъ; а наипослѣ видѣћете да э онъ обадвое. — Све э добро промотрено, знатели вы штоћу я чинити? Ћу нѣга пустити нека летитъ! Нѣгова злоба и нѣгова глупость хоћеду една спроћу друге мѣру держати. Онъ неће колико дуго Омрахомъ небудетъ, нити чрезъ ову нити чрезъ о-

ну

ну какову велику штету чнити. Свѣтъ есть пространъ; пустига нека летитъ, Ітїмаддулетъ! али преће тога да имать онъ сѣмо доћи и Султанкини благодарити! Само преће три мїнута небисамъ я нѣму ни едну смокву за нѣговъ вратъ дао био.

За дуго нїесе изобрѣсти могло зашто э Шах-Бахамъ име мудрога у лѣтописамъ и повѣстемъ отъ Индостана водїо. Али послѣ овога извѣта неможетъ никаковъ вопросъ више быти. Сви седамъ мудрихъ изъ Грецїе небису клупче болѣ разрѣшити могли, нежели што э нѣга Шах-Бахамъ— разсѣкао.

Совѣтникъ Трасїллъ имао э нещастїе, еданъ отъ овихъ (на щастїе свѣта) не тако весма обыкновени люди быти, у коихъ сердцу и глави глупость и злоба, по изговору Султана, една другои мѣру держатъ. Нѣгова намѣренїя на имѣнїе Демокритово нису отъ ючеръ была. Онъ э нато хесапїо, да нѣговъ сродникъ, послѣ таковога долгога отсутствїя башъ отнюдъ више натрагъ доћи неће, и на ово напредставлѣнїе трудїосе онъ, планъ начинити, кога э Демокритово натрагъ дошествїе на нѣки весма неугодни начинъ уничтожило. Трасїллъ кога э мечтанїе већь нато привикло

было,

было, наслѣдно добро Демокрита за нѣку часть свога собственнога имѣнїя разсмотравати, нїесе могло лако отучити иначе мыслити. Онъ э дакле Демокрита аки нѣкоего пустаїю разсмотравао, кои нѣму нѣгово отимаетъ. Али нещастнимъ начиномъ имао э оваи пустаїя — законе на нѣговои страни.

Сирома Трасїллъ! промутїо э све бужаке по своеи глави дабы средство противо овога неблагопрїятнога обстоятелства нашао; и тражїо э то за дуго али всуе. Напослѣдокъ мыслїо э онъ у оному живота начину Фїлозофа нѣки темель, на коему э онъ нѣшто зидати могао, наћи. Абдерити есу већь приправни помыслїо э Трасїллъ; ербо да э Демокритъ будала, было э то у Абдери већь расправлѣна вещь.

Садъ э їоштъ само нато дошло, великому Совѣту законно обявити, да э лудость нѣгова онаковаго начина, коя съ таковомъ обтереħенога неспособна чинитъ, своимъ собственнимъ Господаромъ быти. Ово э имало дакле нѣке тягости. Тешко бы Трасїллъ съ нѣговимъ собственнимъ разумомъ овде прошао быо! Али у оваковимъ случаямъ, налазутъ нѣму равни, за свое новце свагда каковога угурсуза, кои ныма

главу

главу свою узаямъ дадетъ; пакъ э онда то полико, како да бы они сами такову имали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТА.

Кратка но доволна извѣстїя о Абдеритскима Сїколанти. Еданъ членъ изъ бесѣде у коей Трасїллъ за управителство свога сродника проситъ.

Было э онда нѣки начинъ люди у Абдери, коису отъ тога вѣжества живили неваляна дѣла тако добро правити, дасу она како годъ добра изгледала. Онису къ тому само два главна маисторїе поступка употреблявали; илису оболстили дѣло (Factum) илису превратили законъ. А будуѣи да э оваи начинъ уживаня верло богатъ и приходанъ быо, то мало помало далосе весма велико множество безпослени люди нато тако, дасу крпежїе напослѣдокъ башъ маисторе изъ тога изтурале. Оваи занатъ изгубыо э съ тимъ много отъ свое славе. Оне коисусе съ тимъ забаляли, называлису ихъ Сїкопантами, ербосу отъ тыхъ многи тако сиромашни были, дасу они само за едну смокву све сказали штосе годъ отъ ныхъ захтевало.

Ме-

Между тимъ, будући дасу Сїкопанти наименъ двадесету часть жителяхъ отъ Абдере чинили, и ови люди нису отъ сами смокава живити могли: то обыкновенни способи, изъ коихсу правична расправлѣнїя произилазити обычествовала, нису выше къ тому доволно досязавати могла. Предцы Сїкопантовъ очекивалису, докле э ткогодъ ны за помощь ныну позвао. Али при овому Меѳоду (уредби) моралибису нови Сїкопанти или гладовати или копати! ербо проситн у Абдери нїе свободно было; кое (мимогредъ говорећи) было э едно, штосу страни у Абдеритскои полицїи за похвалу нашли. Али Сїкопанти былису за копанѣ лѣниви; слѣдователно нїе многимъ никаково друго средство изостало нежели — дѣла коясу они водити хотели, сами правити.

Будући дасу Абдерити люди весма напраснога душевнога нрава и слабога разсужденїя были, то дакле нїе къ таковому чему на способамъ никада фалило. Свака багателa дала э дакле распрю; сваки Абдеритъ имао э свога Сїкопанта; и тако э опетъ нѣки начинъ равномѣрїя воздвигнутъ быо, чимсе занатъ оваи їоштъ выше у чести содержао, ербо э подражанїе велике талентe открило.

Аб-

Абдера э съ тимъ славу задобила, да вѣжество факта оболшавати, и законе превраћати у самои Аѳини ніе тако высоко доведено было; и ова слава была э у слѣдству держави весма приходна. Ербо ткое какову необикновенну злую распрю отъ каковe важности имао, прописао э себи еднога Абдеритского Сїкопанта; и ніе морало сасвимъ наравно иѣи, ако э Сїкопантъ преће отъ еднога оваковога Кліента отступїо, докле годъ ніе више ништа на нѣму сисати изостало.

Но и ово ніе їоштъ наивећа користъ и полза была, коюсу Абдерити отъ своихъ Сїкопантовъ имали. Што э ове люде у очима нынима наиглавніе чинило, было э угодность, свако невалялство произвести моћи, да небы сами себе притомъ трудити морали, или съ судомъ и правицомъ хинатитисе. Само едному Сїкопанту было э потребно вещь предати, ондасе могла обыкновенимъ начиномъ ради окончења мирнимъ быти. Говоримъ обыкновенимъ начиномъ; ербо всячески было э между тимъ такожде случаевъ, гдѣ э Сїкопантъ, послѣ како э онъ себе отъ свога Кліента добро исплатити дао, абїе затимъ таино противнои страни къ нѣзинои вещи помогао; али

ово

ово нїесе такожде никада преће случило, докле нїе оваи наиманѣ две треће части више дао нежели бывшїи Клїентъ нѣговъ.

Проче нїесе могло ништа красніе видѣти, нежели доброе споразумѣніе, у коемусу у Абдери Сїкопанти съ Магїстрата лицами стаяли. Само едни коисусе при овои слоги зло находили былису—Клїенти. Кодъ свїю други предвзятїяхъ колико погиблива и дерзновенна могласу она свагда быти, остаетъ опетъ наиманѣ само една могућность, съ цѣломъ кожомъ отовудъ почистити. Али Абдеритскїй Клїентъ быо э свагда извѣстанъ, даће новце свое добити, могао э онъ свои процесъ добити или изгубити И за то люди ови нитису што више нити манѣ расправляли; али э правица у Абдери у такови гласъ дошла была, противо коесу само Абдерити немарни остати могли. Ербо э она за притчу у Грецїи остала, онаковому комубысе што годъ наигоре на вратъ желити хотело, ништа друго нежели процесъ какови у Абдери желити.

Али скоро бысмо заборавили были за онога Сїкопанта, да э бесѣда о намѣрењямъ Совѣтника Трасїлла, на имѣнїе нашега Фїлозофа и о средствахъ была, чимъ

э онЪ свое намѢраемо граблѢнїе подЪ храненїемЪ законовЪ учинити, и искущати хотео.

Да небысмо благосклонога читателя никаковимЪ дугочаснимЪ описанїемЪ задержавали, удоволствуемо мы насЪ само сЪ тимЪ, сказати, да э ТрасїллЪ вещь своему Сїкопанту наложїо. Овай быо э еданЪ отЪ наиразумнихЪ у цѢлой Абдери; МужЪ, кои э обще маисторїе поступке своихЪ сограђановЪ презирао, многосе о томЪ хвалїо, да э онЪ, отЪ како онЪ свой племеници занатЪ водитЪ, двѢ стотине хрђави процесахЪ добыо, и то да нїе никада нїедну исправну лажЪ сказао. Онсе поносїо сЪ самими неложними фактами, али крѢпость нѢгова лежала э у смутному сложенїю и у чистои темности. ДемокритЪ дакле нїе никада у болѢ руке пасти могао. Мы само сожалуемо, што у состоянїю нисмо, ербосу Акта процеса веђь давно мишевми изядена, младимЪ новонаставщимЪ Сїкопантомъ на ползу, бесѢду полно сообщити, у коеи э оваи майсторЪ у вѢжеству, великому совѢту отЪ Абдере показао: да ДемокритЪ добра и имѢнїя свога лишенЪ быти мора. Све, што э отЪ ове бесѢде изостало, есть една мала описка коясе намЪ примѢчанїя достоина доволно

но чинитъ; да бы за пробу, какосу ова Господа вещь превраћати обычествовала, еданъ паръ листова у повѣсти овой узели.

„ Наивећи, наипогибелни, наинесносни свїю будалахъ (рекао э онъ) есу хината будале. И манѣ будалама небыти нежели други, сакриваю они отъ малоумнога чопора безумїе ныне собствене главе хитростїю свога языка и держатся за мудре, ербо они сходніе бѣснуютъ нежели нына братїя у дому ума лишенихъ. Еданъ научени лупоглавъ есть изгублѣнъ, како э съ нимъ толико далеко дошло, да онъ безумїе говоритъ. Али кодъ наученога будале, видимо мы башъ противо играчку. Нѣгово щастїе есть учинѣно и нѣгова слава утвержденa, како онъ безумїе говорити или писати зачнетъ. Ербо многи коликосу они у сами себи полно извѣщени, да они отъ тога ништа неразумѣваю, есу или отъ више сумнителни спроћу свога собственога разума, да бы примѣтили, да кривица у ныма нележитъ; или отъ више глупи да бы то примѣтили, и дакле весма суетни исповѣдити, да ништа разумѣли нису. И колико више дакле научени будала безумїя говоритъ, толико ясніе вичутъ глупи будале о чуду, толико прилѣжніе

жнѣе они главе ломятъ, да бысу разумъ у высокогласящему безумїю нашли. Онаи, раванъ каковому явномъ похваломъ ободреному у воздухъ играчу, правитъ свагда дерзновенїе членове коликосе нѣму више похвала клепшанѣмъ чинитъ. Ови клепшутъ їоштъ свагда крѣплше, дабису наученога гадателя їоштъ вѣка чудеса чинѣка видѣли. И такосе често случава, да духъ лудости еднога особнога цѣли народъ преузметъ; и да коликогодъ дуго обычай безумїя траетъ таковому истому человѣку олтари воздвижутся, кога бы у кое друго време - нечинѣки много обстоятелства съ нимъ у шпиталъ дали были. Благоцаснимъ начиномъ за нашъ добрый градъ Абдеру, нїе то кодъ насъ їоштъ тако далеко дошло. Мы признаемо и исповѣдамо сви единима устма, да э Демокритъ еданъ отцѣпникъ Фантастъ, баснословацъ. Алисе мы услаждавамо съ нимъ смѣяти; и то э башъ оно исто у чему мы фалимо. Мысе садъ о нѣму смѣемо, али коликоѣе дуго то траяти, тоѣемо мы опетъ започети, што годъ чрезвичайно у нѣговой лудости наѣи? Отъ удивлѣнія до чуда нїе више него еданъ корачай; и есмоли мы вѣкъ еданъ кратъ такови корачай учинили — Бози! ткоѣе нами ска-

сказати моћи, гдѣћемо престати? — Демокритъ есть фантастъ, говоримо мы сада, и смѣемосе. Али каковъ э фантастъ Демокритъ? мечтаеми крѣпки духъ ругателъ нашихъ древнихъ обычаевъ и урежденіяхъ; Еданъ безпослица коего дѣла держави више никакове ползе недоносятъ; како да башъ отнюдъ ништа на свѣту онъ чинїо небы; Человѣкъ кои мачке колѣ и разсѣца наудове, кои говоръ птицахъ разумѣва, и каменъ мудрихъ тражитъ; Некромантъ, лептировъ ловацъ, звѣздочтецъ! — И можемоли далѣ сумняти, незаслужавали онъ едну мрачну еобицу? Штоће наипослѣ изъ Абдере быти, ако лудость нѣгова отровна или прилѣпчива будетъ? Хоћемоли дакле радїе слѣдства оваковога великога зла очекивати, нежели цыгло едно средство употребити, коимъ мы то сохранити можемо? На наше благополучїе даютъ нами закони оваково средство на руку. Оно э просто; оно э правилно; оно э неложно. Една мрачна соба, высокомудрый отцы, една мрачна соба! ондаћемо быти на еданъ кратъ изъ погибели избавлѣни, и Демокритъ некасе бѣснитъ коликому драго.

„ Али, реклису нѣгови пріятели — ербо э већь толико далеко кодъ насъ дошло,

шло, да еданъ человѣкъ кога мы сви за безумна держимо, пріятеля между нами имать — Али скажите вы, гдѣсу та доказателства, да э лудость нѣгова вѣкъ до онога степена дошла, дабы нѣга закони у какову шавну собу позывали? — Воистинну! ако мы, послѣ свега што мы вѣкъ знадемо, іошть доказателства ищемо: тоѣе онъ живо углѣвлѣ (жеравицу) за злато издавати, или жарко солнце у полдне съ фенѣромъ тражити морати, ако мы увѣрени хоѣемо да будемо. Та нїели и по потвердіо, да э любве Богиня у Етіопїи церна? Нїели наше жене наговорити хотео, да бы оне наге голе ходиле како и жене Гїмнософїстовъ? Нїели онъ ономадне у едному великому содружеству увѣріо, солнце стоитъ на едному мѣсту мирно, земля окреѣесе 365. кратн прѣко године крозъ звѣровъ кругъ; и причину зашто мы у празноћу на полѣ не падамо, да э, ербо у среди землѣ велики магнетъ лежитъ, кои насъ равно како толико зубцовъ отъ тестере къ себи навлачитъ колико мы отъ гвожћа нисмо? Можетъ человѣкъ луде вещи говорити, али мудре чинити. Дабы Латона дала да бысе Фїлозофъ у овакову падежу находіо! Али (менїе тешко да я сказати морамъ) нѣгова

ва дѣла ставляю тако необыкновени степень безумія напредъ дабы све на свѣту кіявице коренѣ мало было, мозакъ нѣговъ изчистити гдѣсе оно скупило. Да небы терпѣніе свѣтлога Сената утрудіо, хоћу само изъ неизброенихъ прмѣровъ два довести, коихъ извѣстность судеиски показатисе можетъ; акобисе они невѣроятія ради у сумнѣніе довести имали.

„ Преће нѣколико времена былесу нашему Фїлозофу смокве представлѣне, коесу, како штосе нѣму учинило, нѣки сасвимъ особни медени вкусъ имале. Вещь ова чиниласе нѣму отъ важности быти. Онъ э устао отъ астала, отишао э у башчу, дао э себи дерво указати отъ когасу смокве убране быле, извидѣо э дрво отъ землѣ до верха, дао э нѣга изъ кореня ископати, искушао э землю у коїои э стаяло, и (како што я недвоумимъ) такожде време у коему э оно насаћено было. Кратко, онъ э нѣколико дана съ тимъ главу разбїяо, како, и каковимъ начиномъ Атомни еданъ съ другимъ соединяватисе мораю, кадбы смоква една на медъ ударала. Измисліо э нѣко доказателство (хїпотезу) уничтожїо э што опетъ; изнашао э нѣко друго, пакъ послѣ треће и четверто; и отбацыо э

опетъ

опетъ сва, ербомусе ни едно ніе остроумно и научено доволно быти являло. Ова вещь лежала э нѣму тако верло на сердцу, да э онъ тога ради и сонъ и охоту къ елу изгубіо. Напослѣдокъ милосердовала э нѣгова куварица о нѣму. Господине, рекла э куварица, кадъ Вы тако научени небы били, то бы Вамъ вечь давно на умъ пасти морало, зашто смокве на медъ удараю. — А зашто то? рекао э Демокритъ — Ясамъ нихъ да бы ихъ фришкіе содержати могла у еданъ лонацъ метнула, у коему э медъ быо, рекла э куварица. Ово э дакле цѣлос таинство, и овде далѣ не имасе ништа искушавати, помысліосамъ я — Ты си едно глупо живинче, повикао э мѣсячно болни Філозофъ. Нѣко весма утончано изясненіе, кое ты мени овде даешъ! За созданія теби равна могло бы оно можетъ быти доволно добро быти; али мыслишли ты, да мы други насъ съ тако простими изясненіями у доволствовати даемо? На примѣръ, вещь бысе онако содержавала, како што ты казуешъ; што э теби до тога? Твой медени лонацъ нече мене доиста отъ тога удержати, испитивати, како э оно исто естества приключеніе, такожде и безъ меденога лонца изслѣдовати могло. И тако предна-

чео оваи мудри мужъ далѣ, памети и нѣговой куварицы у перкосъ едну причину, коя ніе дублѣ нежели у едному меденому лонцу лежала, у неизчерпаемымъ источникамъ тражити, гдѣ (по нѣговому преданію) истина сакривена лежитъ; докле э какова друга наравъ, коя э нѣговому мечтанію на ударацъ дошла, нѣга къ другимъ можетъ быти їоштъ горимъ неточностемъ испитаніяхъ развратила.

„ Но, колико э ова приповѣдка смешна, по э она опетъ ништа спрочу пробе мудрости, кою э онъ учиніо, кадъ э у прошедшему лѣту зеитина плодъ у Трацїи и свима окрестъ лежащима предѣли зло произишао, и са свимъ осушїосе. Демокритъ э оно лѣто напредъ (я незнамъ ели онъ то каковомъ точности или магіе вѣжествомъ) произвѣо: дачеду зейтинъ танета, коя су онда весма ефтіна была у слѣдующему лѣту са свимъ пофалити. Едно оваково предзнаніе было бы доволно, щастіе каковога разумнога человѣка, за цѣли животъ нѣговъ учинити.

Такожде имало э ово сѣ почетка изгледъ, аки да Демокритъ способъ оваи нече испустити хтети, ербо э онъ савъ зейтинъ у цѣлой земли прекупіо. Точію едно

лѣто

лѣто затимъ дигласе цѣна зейтина, отъ части неплодія ради, отъ части ербо э савъ имутакъ зейтина у Демокритови руку быо, четири кратъ толико високо нежели что э преће коштовао.

Ето садъ я даемъ свима людма, кои знадутъ, дасу 4: кратъ 4: више нежели еданъ сву загонетку погодити, што э овай мужъ учиніо? — То можете себи представити, да э онъ безуманъ доволно быо, продавателѣмъ своимъ нынъ зейтинъ за ону исту цѣну, како што э отъ ныхъ и купіо, ныма натрагъ дати. *) Мы знадемо також-

N 2 де,

*) Како неравно дается таи исти фактумъ исказаши! О овому истому дѣлу, кое нашь Сікофантъ за полностивно доказателство залуѣнога мозга держитъ, говоритъ Плиній аки о нѣкоему весма племенитому и філозофіи честь правящему дѣлу. Демокритъ э опъ више добросердечанъ быо, нежели дабы себе на трошкови другихъ, кои онолико нису изгубити могли, колико онъ, обогатити хотео. Ныно мучително неспокойство и отчаяніе, овакови велики добитакъ испустити, врећало э нѣга. Онъ э дао ныма ніовъ зейтинъ, или изъ тога већь примлѣни новацъ натрагъ, и удоволствоваосе Абдеритомъ показаши; да то само отъ нѣга зависилъ,

де, колико далеко великодушіе кодъ еднога человѣка, кои своихъ пять чувствь притяжава, доћисе можетъ. Али дѣло ово лежало э далеко изванъ предѣловъ вѣроятности, дасу они люди, коису при томъ добили, сами главама вертили, и пропиво разума онаковога мужа, кои э хрпу злата, за хрпу ораови люсака держао, сумню добили, коя э на несрећи нѣговихъ наслѣдниковъ отъ више основана была.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вещь обѣ ставлясе на врачевно соизволеніе или извѣтъ. Сенатъ отшилѣ посланицу Хїпократу. Врачъ ован дошао у Абдеру и явїосе кодъ сената. Быо э отъ совѣтника Трасилла за госта къ обѣду позванъ, и пишао дуго време. Еданъ Прикладъ да луна кеса Дориковъ кодъ свїю люди нїе прибиточна.

Тако далеко долазитъ описанія вопросъ, и акосе отъ тако мале части на цѣлое заклю-

---

виситъ, богатства собрати, кадбы онъ тое за труда достоино цѣніо. У овому свѣтилу видитъ Плиній вещь добро; и доиста морасе Абдеритомъ, Сїкофантомъ или равно каковимъ бездѣлникомъ быти, дабы овако како нашъ Сїкофантъ о томъ говорїо.

ключити можетъ: то э Сїкофантъ всячески, више нежели едну пуну котарицу смокава кодъ совѣтника Трасилла заслужїо. Наименѣ кривица нѣгова на то была, што высоки совѣтъ отъ Абдере нашего фїлозофа нїе у тавну собу отсудїо. Али Трассилъ имао э у сенату непрїятеля; и маисторъ Фрїме, кои э между тимъ началникомъ занята цеха постао, потверждавао э съ великомъ ревностїю: дабы то противо свободе отъ Абдере ишло, еднога Гражданина за луда изяснити, прѣе нежели што э онъ отъ непристрастнога врача за таковога изобрѣтенъ био. Добро дакле повикао э Трасиллъ, можетсе Хїпократу самому о вещи говорити дати! Ясамъ доиста задоволянъ.

„ Нисмоли мы горе сказали, да э глупость совѣтника Трасилла нѣговои злоби мѣру держала? То э было еданъ луди поступокъ себе у овакои злои вещи на Хїпократа позвати. Али то нїе нѣму на умъ пало, даѣеду нѣга за рѣчь узети.

Хїпократъ, рекао э Архонъ, есть всячески онаи мужъ, кой бы насъ наиболѣ изъ овога погибелнога дѣла избавити могао. Башъ на срѣчу находисе онъ равно садъ у Тасосу; можетъ быти даѣесе онъ склонити,

овамо

овамо къ нами доћи, ако мы нѣга у име Республике позвати дадемо.

Трасилль побледїо малко, кадъ э чуо, даћеду нѣку постояность изъ ове вещи да учине. Али множество вопума припало э Архону. Послалису незакоснѣно посланика съ позивателномъ посланицомъ *) къ врачу, и остатокъ сесіе пробавилису съ тимъ, о чести указаніямъ совѣтоватисе, съ коимасу нѣга примити имали.

„ Ово нїе башъ тако Абдеритски было „ — врачеви хоћеду помыслити, коиће-дусе можетъ быти между нашима читатели наћи. Али гдѣ смо сказали мы, да Абдерити башъ отъ июдъ никада ништа учинили нису, што бы такожде каковому разумному народу пристоино быти могло? Но между тимъ нїе лежала истинна причина, зашпосу они Хїпократу толико много чести указати хтели, никоимъ начиномъ у оному почитанїю, кое бы они за нѣга чув-

ство-

*) Находится іоштъ нѣшто подъ овомъ рубрикомъ у издатку дѣла Хїпократова. Али э безъ сваке сумнѣ подметнуто, и дѣло гдѣгодь каковога лудога Грекула познихъ временъ; онако како и цѣла повѣсть о снитїю овога врача съ Демокритомъ у одной лажливои посланицы, коя име первога водитъ.

ствовали; него башъ изъ саме суете, за люде держимъ быти кои великога мужа цѣнити знаютъ. И кромѣ тога, нисмоли мы већь кодъ другихъ способовъ примѣтили, дасу они свагда чрезвичаини любители торжествъ были?

Посланицы ималису заповѣстъ Хїпократу ништа далѣ сказати, нежели да Сенатъ отъ Абдере нѣговога присутствїя и нѣговога извѣта у нѣкоему весма важномъ дѣлу отъ потребе имать; и Хїпократъ ніе могао себи, съ цѣломъ фїлозофїомъ своїомъ вообразити, какова бы важна већь вещь то быти могла. Ербо къ чему (помислїо э онъ) ималибы они нужду изъ тога таинство чинити? Сенатъ отъ Абдере можетъ тешко вообще каковомъ болестью обтерећенъ бити, коясе радо явно познати не даетъ.

Но между тимъ склоніосе онъ їоштъ охотніе къ овому путу, ербо э онъ већъ одавно желїо нашега фїлозофа лично познати научити. Али колико э велико нѣгово удивленіе было, кадъ э нѣму — послѣ како э онъ съ великимъ торжествомъ примљенъ, и предъ велики совѣтъ доведенъ быо, — отъ владѣющега Архона у нѣкоему красно сочинѣному слову познато учинѣно было, дасу нѣга башъ зато у Абдеру позвали, дабы онъ изъ ума ступлѣніе ны-

нога

нога согражданина Демокрита извидїо, и соизволително извѣстїо, елисе нѣму їоштъ помоћи можетъ, или нїели већь съ нимъ толико далеко дошло, да нѣга безъ размышленїя за граждански мертва изяснити могутъ?„ —

Ово мора какови други Демокритъ быти, помыслїо э съ почетка врачь. Али Господа отъ Абдере нису нѣга дуго у сумни оставили. Добро, добро, рекао э онъ у самъ себи; нисамли я у Абдери? Какосе можетъ што годь таково заборавити!

Хїпократъ нїе ныма ништа отъ свога чуда и удивлѣнїя примѣтити дао. Онсе удоволствовао съ тимъ, Сенатъ и народъ отъ Абдере хвалити, и да они овако велико чувствованїе о вредности единога согражданина, како што э Демокритъ, имутъ, да бы здравїе нѣгово, аки едну вещь, у косй общему существу много лежитъ, разсмотраваю.„ Изъ ума изступленїе (рекао э онъ съ великомъ и дерзновеномъ постоянострю) естъ еданъ пунктъ (точка) у коему наивећи дуси, и наивећи овнови кадкадъ заедно долазутъ. Мыћемо дакле видѣти!„

Трасиллъ позвао э врача на обѣдъ, и имао любезность, нѣму найутончанїю Господу и найкрасніе Госпоже у граду за содружество

жество дати. Али Хїпократъ, кои э кратакъ видъ и наочала *) нїе имао, нїе видѣо дасу Госпоже лепе; и тако э дошло (безъ кривице добрихъ созданїй, коесусе излишно и у окладу никитиле быле) да оне сасвимъ у нѣму возбужденїе учиниле нису, когасу иначе себи обѣщати могле. Бала э доиста шкода, да онъ болѣ видѣти нїе могао. За разумнога мужа есть погледъ какове лепе Госпоже свагда што годь весма увеселително. И кадъ какова лепа Госпожа што годь луд рекнетъ (кое краснима Госпожама кадъ кадъ тако добро случитисе мора, како годьи ружнима) чинитъ то нѣку примѣчаем разлику, ели ню само чуемо, или башъ и видимо. Ербо у послѣднѣму падежу есмо свагда склони, све што она сказати можетъ, разумно или учтиво или наименѣ сносно наћи. Кадсу Абдеритикинѣ ову користь коъ кратковиднога спранога изгубиле; кадъ э онъ принужденъ быо, о нынои красоти онимъ побужденїемъ, коесу оне нѣговимъ ушима учиниле, разсуждавати; то всячески нїе ништа природнїе было, нежели да

оно

*) Онима, конбисе можетъ бити о тому чудили, служитъ за извѣстїе, да наочале іошть онда нису изнашли были.

оно понятïе, кое э онъ отъ ныхъ съ тимъ добïо, оному доста подобно было, кога бы себи еданъ глувакъ средствомъ еданъ паръ здрави очïю, о каковому концерту учинити могао. —

„ Тко э она Госпожа, коя э садъ съ онимъ остроумнимъ Господиномъ говорила?“ запитао э онъ Трасилла полагано. — Казалису нѣму, да э то супруга нѣкоего мат-тодора отъ Республиле. — Онъ э ню опетъ нановo съ позорностïю расмотравао. Очаятелно! (помислïо э онъ у самъ себи) да я ту презрѣну пужевъ Госпожу изъ главе избацати не могу, кою самъ я сномадне предъ моимъ домомъ у Ларïси съ нѣкимъ Молозïскимъ магарцевъ пастиромъ шалиписе чуо,

Трасиллъ имао э таина намѣренïя нашего Ескулапа (врача). Нѣгова трапеза была э славна, нѣгово вïно развратително и ïоштъ за излищество дао э онъ Мïлезïске играчице довести. Али э Хïпократъ мало ео, пïо э воду, и есть у Аспазïному дому у Аѳини далеко красніе играчице видѣ. Ништа дакле нïе преуспѣло. Овога мудрога мужа предсрѣло э штогодъ, штосе нѣму можетъ быти у много година случило нï. Онъ э имао дуго време, нïе се нѣму чинило

да

да то труда заслужава таковое отъ Абдеритовъ сакрити.

Абдериткинѣсу примѣтиле дакле безъ великога трошка о примѣчанія сили, што э онъ ныма доволно ясно видѣти дао; и правнымъ начиномъ нису была толкованія, коясу оне о томъ учиниле, на нѣгову ползу. Онъ мора весма наученъ быти, шапталесу оне между собомъ. Шкода, да онъ више свѣта у себи не имать! — Што я извѣстно знадемъ, есть то, да мени то наумнѣніе никада небы у памет дошло, нѣму за любовъ болесномъ быти, рекла э красна Тріалліа. Трасиллъ э между тимъ разсмотренія другога ничина учиніо. Колико велики мужъ овай Хіпократъ быти можетъ, помыслїо э онъ, то мора опетъ свою слабу страну имати. Изъ онихъ чести указиванїяхъ, съ коима э нѣга Сенатъ предсрѣо, являосе онъ не много чинити. Увеселенія не любитъ онъ такожде. Али я бисе зато ставїо, дабы нѣму една пуна кеса новихъ свѣтлихъ Доріковъ таи кисели образъ растерати могла!

Како э дакле трапеза дигнута была, поступїо э Трасиллъ къ дѣлу. Узео врача на страну и трудїосе (подъ указиванїемъ великога участія, кога э онъ о нещастномъ со-

состоянїю свога сродника примао) нѣга увѣрити, да э смущеніе нѣговога мозга една тако явна и расправлѣна вещь, да ништа, нежели должность свимъ уставомъ законовъ доволно учинити Сенатъ воздвигла, едно явно дѣло о коему нитко не двоумитъ, їоштъ за излишество сентенцїомъ (извѣштомъ) еднога странога врача потвердити дати.„ А будући дасу Васъ баштъ потрудили путешествїе къ нами учинити, кое Вы можетъ быти безъ оваковога повода небысте учинили были; но ништа достоиніе ніе, нежели да онай, когасе вещь найближе дотиче, Ваше дангубе, коесте Вы съ изгубиткомъ Ваши послова при томъ имали у чему годь попунитъ. Примите ову багателу аки залогъ нѣке благодарности, о коеи я Вами їоштъ боля доказателства дати надамсе — „

Доста повелика округла кеса, кою э Трасилъ при овыма рѣчма врачу у руку уписнуо, извела э овога изъ разсѣянія натрагъ, съ коимъ э онъ бесѣду Совѣтника слушао.„ Што хоћете Вы да я съ кесомъ овомъ учинимъ? запитао э Хїпократъ съ онаковомъ флегмомъ, коя э Абдерита сасвимъ изъ содержанія изставила — Безъ сумнѣ Высте ту кесу Вашему домоуправителю дати хтели.

Есу-

Есули Вами овакова разсѣянія обыкновена? Ако э то тако, то я Васъ совѣтуемъ то Вашему врачу явити — Али Высте мене преѣе за причину опоменули заштосамъ овде. Я Вами благодаримъ зато. Мое задержаніе можетъ овде само кратко быти; и нисамъ посѣщеніе дуже отлагати радъ, коесамъ я, како-што Вы знадете, Демокриту дужанъ.„ Съ овима рѣчма учиніо э Ескулапъ свои поклонъ и исчезнуо.

Оваи Совѣтникъ ніе цѣлога живота нѣговога никада овако глупъ изгледао, како што э у овому часу. — И какобы то каковому Абдеритскому Совѣтнику на умъ пасти могло, да бы нѣга тко годь овако предсрѣсти могао? Но ово нису онакови случай, на коесе приправни держимо.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Хіпократъ чинитъ посѣщеніе кодъ Демокрита. Таина извѣстія о древному чину Космополитовъ (мироначалниковъ).

Хіпократъ застао э, како што повѣсть сказуетъ, нашега естества испитателя при разложенію разнихъ звѣровъ, коихъ э внутреннѣе зданіе и душевну икономію онъ извидѣ-

видѣти хотео, да бы можетъ быти на причине нѣкихъ извѣстнихъ разликахъ у нынима своистви и склоностми доћи могао. Ово дѣло дало э ныма богати поводъ къ нѣкоему разговору, кое Демокрита о лицу страннога ніе дуго у неизвѣстности изоставило. Ныно взаимно увеселеніе о оваковому ненаданому снитію было э величини нынихъ обоестранихъ цѣностеи равно, али съ Демокритове стране іошть толико много силніе, колико э дуже онъ у нѣговому отдѣленію и удалѣнію опъ свѣта и отъ обхожденія съ каковимъ сущестномъ нѣгове верстe, есть себе лишити морао.

Имать нѣка верста смертнихъ, о коей э отъ старихъ овде и онде подъ именемъ Космополитовъ упоминаніе учинѣно было, и кои — безъ договора, безъ орденнога или чиннога знаменія, недержећи постоянога конака, и небиваюћи заклетвомъ связани — нѣки начинъ братства чинятъ, кои тверће совокупно зависитъ, нежели гдѣгодь какови други орденъ у свѣту. Два Космополити доћу, еданъ отъ востока, други отъ запада, видятъ единъ другога первi кратъ, и есу абіе пріятели — не средствомъ какове таине Сімпатіе (споразумѣнія) коясе можетъ быти само у Романи находитъ; —

не

Не да бы заклете должности ны къ тому обвязивале — него, ербосу они Космополити. У свакому другому ордену (чину) имать такожде лажливе или наимањ недостоине братіе; али у ордену Космополитовъ есть ово една немогућность, и ово ніе, чинисе намъ, никаково мало преимущество Космополитовъ отъ свію другихъ содружествъ обществъ, союзовъ, орденовъ и братствъ на свѣту. Ербо гдѣ э едно отъ свію овихъ, коебисе похвалити могло, дасе икадъ ніе еданъ честижаждущи, ни еданъ завистни, ни еданъ лакоми, ни еданъ лихоимацъ, ни еданъ оклеветатель, ни еданъ величатель, ни еданъ припворникъ, ни еданъ двоязичникъ, ни еданъ таини оболститель, ни еданъ неблагодарни, ни еданъ сводитель, ни еданъ ласкатель, ни еданъ тунеядецъ, ни еданъ робъ, никакови человѣкъ безъ главе или сердца, никакови Педантъ, ни еданъ мукосисатель, ни еданъ гонитель, ии еданъ ложни пророкъ, ни еданъ лигумирацъ, ни еданъ гадатель, ни еданъ многочинацъ, и ни еданъ дворни будала посредѣ ны нашао? Космополити есу само едни, коисе тимъ хвалити могутъ. Ныно содружество не имать отъ потребе таиности полномъ церемоніомъ и устрашаемими обычаи, као прѣе Египетски

сва-

священицы нещастїя отъ себе исключавати. Овисе сами отъ себе исключаваю, и тако исто мало можется тко годь Космополитомъ являти, ако тко тай нїе, како годь штосе тко годь безъ талента за еднога доброга пѣвца или гудїоца издати можетъ. Превара бысе обявити могла, како бысе кои чути дати морао. Начинъ како Космополити мислятъ, ныне науке и темели, нына мнѣнія, нынъ языкъ, нына флегма, нына теплота и башъ сама нравъ, слабости и погрѣшке не могутся никоимъ начиномъ подражавати, ербосу они за све, кои ордену нынему не принадлежатъ, истино таинство. Нїе онаково таинство, кое бы отъ премолчанїя сочлениковъ, или отъ нынога предвидѣнія небы наблюдаемо было, да зависипъ, него онаково таинство, на кое э естество самое покривачь свои бацило. Ербо Космополити моглибису то безъ размышлѣнія трубнимъ звукомъ цѣлому свѣту обявити дати, и моглибису башъ свободно нато хесапити, да кромѣ нихъ ни еданъ человѣкъ отъ тога ништа постигнуо неби. Кодъ овога спряженія вещеи нїе ништа природнїе, нежели да таина споразумнѣнія, и взаимно повѣренїе, коесе между двима Космополити абїе первы часъ нынога познанства утвердитъ.

Пї-

Пїладъ и Оресть нису были послѣ двадесятъ лѣтнога траянїя нынога свима начинма отъ искушенїяхъ и жертвъ потвержденимъ дружествомъ веѣи друзи, нежели ови отъ первога часа кадсусе познали. Ныно дружество не имать отъ потребе временемъ къ зрѣлости приводитися, оно не требуетъ никаковога искушенїя; оносе основава на найнуждні-ему свїю естественихъ законовъ, на нуждности, себе самога у оному любити, кои э нами наиподобнїи.

Искалобисе што годь отъ насъ ако немогуѣное то извѣстно непристоиное, кадбисе очекивало, дабысмо мы насъ о таинству Космополитовъ їоштъ яснїе изяснили: ербо то принадлежитъ (како штосмо мы доволно ясно разумѣти дали) къ естеству вещи, да э све, штосе о томъ сказати можетъ, само една приповѣдка, къ чему само сочленицы овога ордена ключь имуть. Едно, што мы їоштъ къ тому приложити можемо, есть, да э число ныно у сви времени весма малено было, и да они, несматраюѣи наневидимость нынога содружества, нѣку власть у вещемъ овога свѣта имутъ, коего дѣиствїя їоштъ извѣстнїя и постоянїя есу: ербо она никакове буне не чинятъ, и отъ болѣ части средствомъ получаваюсе,

коего присѣно управленїе очи множества заблуждваю. Кому э ово нова загонетка — онога молимо мы далѣ читати, нежели себи съ едномъ вещїю, коясе нѣга тако мало допиче, безъ нужде главу разбїяти.

Демокритъ и Хїпократъ принадлежалису обадвоица къ овому чудесному и рѣдкому начину людей. Онису дакле ако башъ и непознанимъ начиномъ вѣкъ одавно вѣрни друзи между собомъ были; и ныно снитїе было э много выше пакивидѣнїю послѣ долгога разлученїя равно, нежели каковому новонаставшему союзу. Ныни разговори, за коима э можетъ быти читатель желателанъ, былису безъ сумнѣ доволно интересни, дабы сообщенїя достоини были. Све, што мы отъ тога сказати имадемо, есть: дасу наши Космополїти цѣлый вечеръ и болю часть нощи у нѣкоему разговору провели, при коемъ э ныма време верло кратко было, и дасу они ныне огорчителѣ, Абдерите и нынъ Сенатъ, и причину зашпосу, они Хїпократа довести дали, тако сасвимъ заборавили, како да небы никада нити мѣсто таково нити люди на свѣту было.

Текаръ слѣдующега ютра, кадсу они послѣ лакога сна отъ нѣколико часовъ опетъ састалисе, да бы на нѣкой до башче

Де.

Демокритове досазаемой висини ютрени воздухъ почерпли, опоменуо э взорь между ныма у солнечнои свѣтлости лежащи градь Хипократа, да онь у Абдери дѣла имать. „ Можешь ли ты погодити, рекао э онь своему другу, каковомусу концу мене Абдерити позвали? „ —

Абдеритису тебе позвали? повикао э Демокритъ. Я отъ овога времена чуо нисамъ о каковои болѣзни, кояби между ныма запустѣніе чинила! есть истина, нѣка извѣстна наслѣдственна болѣзнь, съ коіомсу они сви вообще и воособъ, до нѣколико весма мало, отъ древнихъ временъ обтерѣжени; али —

„ Погоѣено э, досягнуто э, добри Демокрите, то э та вещь! „ — Тысе шалишъ, отговоріо э Демокритъ; да бы Абдерити до таковога чувства, гдѣ ныма што годь фалитъ, дошли? Я ны добро познаемъ. У тому испому лежитъ нына болесть, да они то не чувствуютъ. —

„ Между тимъ, рекао э онаи други, ништо извѣстніе ніе, нежели да я нисамъ у Абдери садъ, ако небы Абдерити отъ онога испога зла, о коемъ ты говоришъ, мучими были. Они бѣдни люди! „

Ахъ! Садъ я разумѣвамъ тебе, предачео э фїлозофъ. — Твое позванїе могло э дѣиство ныне болести быши, незнаюћи они шшо э то. Да видимо! — Ха, ето садъ имадемо. Ябысе за све на свѣту ставїо, онису тебе зато позвали, да бы честному Демокриту толико много жила отворили и кїявице кореня уредили, колико бы годь онъ отъ потребе имати могао, дабы нима равенъ быо! Нїели истина? —

Ты преизрядно, како шшо я видимъ, люде твое познаешь, Демокрите; и доиста, морасе человѣкъ нынои будалаштини тако привикнути, како годь и ты, да бы тако кровохладно о томъ говорїо. „

„ Како да неби свудъ Абдеритовъ было, рекао э фїлозофъ. —

„ Али Абдерити у овому степену! опросши мени, ако я о твоему отечеству съ толико много разсмотренїя судити не могу, колико ты. Но между тимъ увѣравамъ тебе, да они мене за бадава позвали нису! „

ГЛАВА СЕДМАЯ.

Хїпохратъ сообщава Абдеритомъ свой соизволителни совѣтъ. Велика и погибелна движенїя, хоясусе о томъ у сенату дигла, и хихо на щастїе Абдеритскога общега существа часовъ гласителъ све олетъ не еданъ кратъ у порядохъ ставля.

Време э дошло, у коему э Ескулапъ сенату отъ Абдере свое извѣстїе отдати имао. Онъ э дошао и стао э посредѣ совокупнихъ отцевъ, и говорїо э съ онаковимъ сладкорѣчїемъ, кое э све присутствующе у чудо и удивленїе ставило:

„ Миръ съ Абдеромъ! Племенити, крѣпки, проницателни и мудри, любима Господо и Абдерити! Ючерь хваліосамъ я васъ ради вашега попеченїя, за мозакъ вашега согражданина Демокрита; а данасъ совѣтуемъ васъ добромислене, ово попеченїе на цѣли вашъ градъ и Респубїку распрострети.

Здраву душомъ и тѣломъ быти, есть наивисочаише благо, кое бисте вы себи сами, вашимъ дѣтемъ и вашимъ сограданомъ приобрѣсти могли; и ово баиь дѣиствителко чинити, есть перва вашихъ

вла-

владѣющихъ должность. Колико э задержаніе мое между вами кратко, то э оно опетъ доволно дуго мене увѣрити, да се Абдерити башъ онако добро не находятъ, како што бы то желити было. Я самъ истина у Косу рожденъ, и обитавамъ часъ у Аѳини, часъ у Ларіси, часъ гдѣгодъ на другомъ мѣсту; садъ у Абдери; сутра можетъ быти на путу у Візанцъ. Али я нитисамъ Коеръ нити Аѳинянинъ, нити Ларісеръ, нити Абдеритъ; ясамъ еданъ врачъ. И колико годъ дуго болестниковъ на свѣту имать, есть должность моя толико здравихъ учинити, колико годъ могу. Наипогибелни болесницы есу они, кои не знадутъ да су болесни; и ово есть, како я налазимъ, случаи Абдеритовъ. Ово зло лежитъ за мое художество весма дубоко; али што я чинити могу, да бы врачевство или цѣленіе приправіо, есть то! Пошлите вы съ первимъ добримъ вѣтромъ 6 великихъ кораблѣвъ у Антіціру. Свободно могутъ они, съ каковимъ еспапомъ Абдерити соизволе, онамо натоварени быти; али у Антіціри дайте вы сви 6-тъ кораблѣвъ съ толико кіявице кореня натоварити, колико годъ оне понети могутъ, да не бы потонуле. Можетсе такожде кіявице кореня изъ

Гала-

Галаціе донести, кое э мало ефтиніе; али оно изъ Антіціре есть наиболѣ. Кадъ вѣнь лаѣе дошле будутъ, то даите вы совокупни народъ на великои пїяцы собрати; учините съ вашимъ цѣлимъ священствомъ на верху торжественну литїю у све храмове у Абдери, и молите Богове, да бы они сенату и народу отъ Абдере даровали, што сенату и народу у Абдери фалитъ. Онда повратитесе на пїяцу опетъ, и раздѣлите совокупни имутакъ кїявїце кореня на общему града трошку по между свима граждани; на сваку главу 7мъ фунтовъ, незаборавляюћи да совѣтникомъ, кои (кромѣ онога што ћеду они за сами себе употребити) їоштъ толико много разума за друге имати мораю, сугуба мѣра дана будетъ! Ове порціе есу яке, то я самъ исповѣдамъ; али укоренѣна зла есу твердоупорна, и могутся само непреривнимъ употребљѣнїемъ врачевства исцѣлити. Кадъ сте вы ово предуготовленія средство по пропису, когаћу я вами дати, къ тому изыскуемимъ временемъ вѣнь употребляваши готовїи, ондаћу я васъ другому врачу предати. Ербо, коко што самъ сказао, болесть Абдеритовъ лежитъ верло дубоко за художество мое. Я у 50 мїляхъ около Абдере познаемъ само еднога единога чело-

вѣка,

вѣка, кои бы вамъ башъ изъ темеля помоћи могао, кадъ бысте се вы терпѣливо и послушно у нѣгово врачевство отдати хотели. Таи мужъ називается Демокритъ Демасипуса сынъ. Не претикаваитесе вы на тому обстоятелству, што э онъ у Абдери рожденъ, онъ зато нїе Абдеритъ, ово можете вы мени на мое слово вѣровати; или ако мени вѣровати нећете, то запитайте Аполлона у Делфу. То э еданъ добросердечни мужъ, коиће себи изъ тога едно увеселенїе учинити, вами услугу свою указати. И съ тымъ, моя Господо и граждани отъ Абдере, препоручуемъ я васъ и градъ вашъ Боговомъ. Немоите совѣтъ мои презрѣти, ербо я нѣга вами туне даемъ; есть доиста найболи, кога самъ я икадъ каковому болеснику, кои се за здрава держитъ, дао.

Кадъ э Хїпократъ ово изговорїо, учинїо э онъ сенату весма учтивый поклонъ, и отишао э своимъ путемъ.

Никада — говоритъ повѣстей писатель Хекатеусъ, еданъ їоштъ више вѣроятнїя достоини свидѣтель, ербо э и онъ самъ Абдеритъ быо *) — Никада нїесе

200:

*) На несрећу есу сва нѣгова списанїя изгублѣна. V. Recherches sur Hecatée de Milet, Tom. IX. des Mém. de Litterat.

200: люди сви на еданъ кратъ у тако особ-
ному окаменѣнїю (Attritude) видѣло, неже-
ли штосу они сената отъ Абдере у овому
магновенїю ока были; тосу морали они 200:
Фенїцїеровъ быти, кое э Персеусъ покази-
ваньемъ или видѣньемъ главе Медузине на
еданъ кратъ равно у толико штатуа пре-
творїо, кадъ э нѣму нынъ вождъ Пїнеасъ
нѣгову любезну и скупо задобїену Андроме-
ду съ силомъ опетъ отяти хотео. *) Доис-
та ималису они все могуѣне причине отъ
свѣта на нѣколико мїнутовъ окаменѣ-
нимъ быти. Описати хтети што э крозъ
душе ныне прошло, былобы суетни трудъ.
Ништа нїе крозъ ни прошло; ныне душе
былесу тако окаменѣне, како годь и нына
тѣлеса. Съ глупимъ говора лишенимъ уди-
вленїемъ, гледалису они сви на врата,
крозъ коя э Ескулапъ на полѣ отишао; и на
свакому лицу изобразїосе равно усилѣни
трудъ и совершена немогуѣность што
годь о овому приключенїю понятн. Наипо-
слѣ являлисусе они мало по мало, нѣкои ра-
нїе, нѣкои каснїе опетъ къ себи долазити.
Гледалису еданъ другога съ извалѣнима
очима; пятьдесятъ устъ отвориласусе
равно

*) Ovid. Metamorph. L. V. v. 218.

равно къ тому истому вопросу, и затвориласусе опетъ, ербосусе и отворила была, прѣе нежели штосу знала, штаѣду запитати. До дïавола, моя Господо! повикао э наипослѣ цехмаистеръ Фриме, я мислимъ башъ таи врачъ держитъ насъ съ нѣговомъ сугубомъ порцïомъ кïявице кореня за будале! — Я ïоштъ съ почетка себи ништа доброга отъ нѣга обѣщао нисамъ, рекао э Трасиллъ. — Моей Госпои нïе хтео ючеръ ни явитисе, ракао э Совѣтникъ Смïлаксъ. — Ясамъ помислïо абïе, даѣе то зло произиѣи, кадъ э онъ о онихъ 6. кораблѣхъ говорïо, коебисмо мы у Антïцïру послати морали, рекао э еданъ другуги. — И она проклета постояность и дерзновенïе, съ коïомъ э онъ нами то све обявïо, рекао э трети; я исповѣдамъ, да я себи то никако представити нисамъ могао, какоѣе и кудаѣе то произиѣи. — Ха! Ха! Ха! То э еданъ весели случай, тако я честанъ быо, рекао э мали дебели Совѣтникъ, держеѣисе опъ смѣха за трбухъ: да исповѣдимо, дасмо мы весма у тончано преварени! Отчаятелни ударацъ! То ніе насъ предсрѣсти морало! Ха, Ха, Ха! Али ткоби се могао такожде отъ таковога мужа што годь таково надати? повикао э Номофïлаксъ — Башъ то э са-

свимъ

свимъ извѣстно да э и онъ еданъ отъ вашихъ фїлозофовъ, рекао э майсторъ Фрїме; доиста священикъ Штробилъ не имать тако неправо; кадъ то небы противо наше свободе было, то бы я перви было, коиби настаявао, дасе све ове островерляте главе изъ землѣ на полѣ истерати имуть.

„ Моя Господо, започео э сада Архонъ; честь града Абдере есть увреждена; и намѣсто што мы овде сѣдимо и чудимосе, или толкованїя чинимо, болѣ да мы съ постоянстїю о томъ мислимо, што нами у оваковой шкиклявои вещи чинити пристоитъ. Прѣже свїю други вещи валя видѣти, куда э Хїпократъ отишао?

Нѣки совѣтни служитель, кои э на таи конацъ послатъ было, дошао э послѣ доволнихъ часовъ съ тимъ извѣстїемъ на трагъ, да онъ нѣга нигдѣ више стигнути нїе могао.

Проклети ударацъ, повикалису совѣтницы сви изъ еднихъ уста; ако намъ онъ умакао буде! — та онъ опетъ не можетъ волшебникъ быти, рекао э цехъ маисторъ Фрїме погледавши у нѣку иконицу (Amulet), кою э онъ обыкновено ради безопасности свое противо нечистихъ духовъ и злихъ очїю ссобомъ носити обычествовао.

Абїе

Абїе затимъ было э обявлѣно, дасу овога страннога Господина на нѣговои мази, сасвимъ тихо исподъ храма Дїоскуровъ управо добру Демокритову, яшећи видѣли.

„ Шта э чинити садъ моя Господо? рекао э Арохонъ.

Естъ — всячески! — шта э садъ чинити — шта э садъ творити? — то э башъ таи исти вопросъ! повикалису совѣтницы, гледаюћи еданъ на другога. Послѣ долгога молчанїя видѣлосе, да Господа ова нису знала, што садъ чинити валя.

Таи мужъ стоитъ у великои чести кодъ Краля отъ Македоніе, предначео э Архонъ далѣ; онъ се у цѣлой Грецїи како годь втори Ескулапъ прославля! Мы бисмо могли лако себе у какови зли процесъ сплести, кадбисмо мы еднои, ако башъ и праведнои чувствителности слухъ дати хтели. При свему тому лежитъ мени слава отъ Абдере —

Безъ преторгнутїя, Господи Архоне! умешаосе у то цехъ маисторъ Фрїме; честь и свобода отъ Абдере не можетъ никому ближе, нежели мени самому на сердцу лежати. Али све добро разсуждаваюћи не видимъ я доиста ништа, шта бы честь града съ овимъ приключеніемъ дѣла имати могла.

могла. Оваи Харпократъ или Хїпокритъ, каколисе зоветъ, есть врачь; и ясамъ мога живота доволно чуо, да еданъ врачь цѣли свѣтъ за едну велику болницу, и све люде за свое болеснике разсмотрава. Сваки говоритъ и творитъ, како разумѣва, и што кои желитъ, то и вѣруетъ радо. Хїпокритъ могао бы то, мислимъ я, радо терпѣти, кадбисмо мы сви болесни были, дабы онъ їоштъ више лечити имао. Дакле мислитъ онъ, кадбы я ны наипре до тога довести могао, да они врачевство мое примутъ, ондаћеду они мени доволно болесни быти; и я некасе не зовемъ више маистора Фрїме, ако ово башъ цѣлое таинство нїе.

Душеми! погоћено, повикао э мали дебели совѣтникъ; ни манѣ ни выше! Онай человѣкъ нїе тако лудъ! — дабисе зато ставїо; кадбы онъ могао, то бы онъ нами све мбгућне гноеве и грознице на вратъ обѣсїо, само да бы съ тимъ шалу водїо насъ за наше новце опетъ здрэвимъ чинити: Ха, Ха, Ха!

„ Али 14 фунти кїявице кореня на еднога совѣтника! повикао э нѣки отъ старѣйшина, кога э мозакъ изъ лица нѣговога судећи, већь давно сасвимъ изсушенъ быти могао. Такоми свїю жаба Латоне, то э зло!

зло! Морасе скоро на подозрѣнїе доћи, да їоштъ што годь выше у тому лежитъ.

Четиринадесятъ фунтовъ кїявице кореня на свакога совѣтника! повторїо э маисторъ Фрїме и смѣяосе изъ свега грла —

И за свакога цехъ маистора, рекао э Смїлаксъ съ нѣкимъ силнимъ гласомъ къ тому.

Молимъ, опростите зато, повикао э маисторъ Фрїме, онъ о цехмаистори нїе ни едне рѣчи рекао.

Али тосе добро само отъ себе разумѣва, предначео э онай; совѣтницы и цехмаистори, цехмаистори и совѣтницы, я невидимъ, зашто бы Господа цехмаистори у тому што годь особно имали.

Како што? повикао э маисторъ Фрїме съ великомъ ревностїю; Вы не видите, што цехмаистори особное отъ совѣтниковъ имуть? моя Господо! виспе то сви чули. — Господине градски писару! я молимъ то у протоколъ узети.

Цехмаисторису сви устали съ великимъ роптањемъ съ нынихъ столицахъ.

„ Нисамли я рекао, повикао э стари Хїпохондристъ судїя, да їоштъ што годь выше у вещи лежитъ? Нѣко тайно намѣреніе про-

противо Арїстокраціе — Али сусе та Господа нѣшто мало раніе издала. „

Противо Арїстокраціе? повикао э Фрїме сѣ сугубимѣ гласомѣ; противо кое Арїстокраціе? Къ дїаволу, Господине Бировe, отѣ када э Абдера Арїстокрація? Вала дасмо мы цехмайстори само на стѣни изображени? Не представлямоли мы цѣли народѣ? Не имамоли мы права и свободу у то вступити? Господине градски писару! кѣ протоколу, да я противо свега противнога протестирамѣ у имя славнога цехмайсторства, како годь и общества града Абдере. —

Протестирамо! протестирамо! повикалису цехмайстори сви заедно.

Протестирамо! протестирамо! викалису сви совѣтницы.

Вика и буна преузела э све. „ Моя Господо, повикао э владѣюци Архонѣ, колико э годь већма могао, какова э несвестица васѣ напала? Молимѣ васѣ, помислите, ткосте вы, и гдѣсте вы! Штаћеду пилярице доле о нами мислити кадѣ оне насѣ како зубовалце викаюће чуютѣ? „

Али овай гласѣ мудрости изгубіосе, нечуюћи у смущеной буни. Нитко свое собствене рѣчи ніе чуо.

На

На срећу было э отъ древнихъ временъ у Абдери обыкновено, башъ точно у 12. сати у цѣлому граду на обѣдъ ићи, и силою совѣталнаго уређенія морао э, како э кои сатъ прошао био, нѣки начинъ херолдовъ предъ совѣталну собу доћи, и прошедши сатъ извикати.

Милостива Господо, повикао э херолдъ гласомъ хомеровога штентора, дванаестъ сати есть прошло!

„ Молчите, часовъ гласитель? „ — што э выкао онъ? — „ дванаестъ, моя Господо, дванаестъ прошло! „ — већь э 12? већь э 12 прошло? — есть дакле време право? —

Боля часть ове милостиве Господе была э на обѣдъ позвана. Благощастная рѣчъ 12тъ ставила э ны дакле свію на еданъ кратъ у нѣки начинъ угоднога представлѣнія, кое съ предмѣтомъ ныне распрѣ ніе ни у наиманѣму союзу стаяло. Хитріе нежели штосе фігуре у каковому прозорному орману премѣне, стаяла э велика трапеза, съ множествомъ прекрасныхъ чанковъ покривена, предъ нынима очима, ныни носови паслисусе іоштъ напредъ на парамъ отъ найлучшега преуготовлѣнія, ныне уши слушалесу звукъ танировъ, нынъ языкъ кош-

товао

товао э вѣћь угодне чорбе, у коихъ су изобрѣтенїю Абдеритски кувари еданъ спроћу другога у обкладу ревновали: кратко, неважни обѣдъ забаляо э све крѣпости нињихъ душъ; и на еданъ кратъ быо э миръ Абдеритске државе опетъ утемелѣнъ.

„ Гдѣ ћете вы данасъ ручати? „ Кодъ Полїпонта — „ Тамо самъ и я такожде позванъ. „ — Я се радуемъ о чести вашега содружества — „ Весма много чести за мене! — Какову ћемо комедїю на вечеръ имати? —

„ Андромеду Еурїпїдову. „ —

Дакле жалостну игру! —

„ О! мою любиму часть! — Я музїку! между нами, Номофїлаксъ э самъ нѣколико ликовъ сочинїо: виђете чудеса чути! „

Помежду овако тихими разговори дигли-сусе отцы отъ Абдере, у спѣшному али мирному чопору, изъ градскога дома; за велико чудо и удивлѣнїе свїю пилярицахъ, кое су воће и яя продавале, кое су кратко предъ тымъ стѣне совѣталне саале отъ праве Ѳрацыческе вике разлегаюћесе слушале.

За све ово валя теби благодѣтелни часовъ гласителю благодарити! Безъ твога благощастнога междудошествїя бы-

Аа бы вѣроятнимъ начиномъ распря совѣтниковъ и цехмайсторовъ равна гнѣву Ахїлеса (хотя э такожде посмѣятеленъ поводъ нѣзинъ быо) у такову ватру проторгла, коя бы страшно нарушеніе, ако небы башъ конечну пропасть Републике Абдере проузроковати могла. —

Ако э икада Абдеритъ кои съ явномъ чести штатуомъ награжденъ быти заслужїо, то э быо доиста овай часовъ гласитель! Доиста испов'Ѣстисе мора, да найважнія служба, кою э онъ у овому магновенїю ока своему отечества граду отдао, губитъ цѣлое обвязателство свое само тимъ еднимъ обстоятелствомъ, да э онъ само случайнимъ начиномъ полезанъ быо. Ербо овай честни мужъ нїе мислїо, кадъ э онъ у уречено време весма гласно 12тъ викао, ни нашто манѣ, нежели на неизброена зла, коя э онъ съ тимъ отъ общега существа отвратїо. Али спрећу тога валя такожде помислити, да отъ неопоменутихъ временъ никакови Абдеритъ себе другимъ начиномъ за отечество свое услужна учинїо нїе. Акосе што годь таково случило, дасу они што годь учинили или совершили, да э то гдѣ годь каковимъ щастнимъ случаемъ граду полезно было, тосу они зато Боговомъ бла-

года-

годарили, ербосу они добро чувствовали, дасу они као сами халатъ или случайне причине дѣйствовали. Между тимъ давалису они опетъ себи заслугу случая тако добро плаћати, башъ како да бы то ныно собствено дѣло было; или правилнїе говорити: башъ зато, ербосу знали, да они при томъ никакове собственне заслуге не имутъ, давалису они себи то добро, кое э случай подъ нынимъ именемъ содѣйствовао, онаковимъ истимъ начиномъ плаћати, како годь што э магарцевъ кирайжїя повседневну заслугу свога магарца вукао.

Разумѣвасе, да э овде бесѣда о Архонти, совѣтницы и цехмайстори. Ербо честни часовъ гласитель, могао э онъ себы заслуге о Республїки манѣ или више или колико э годъ хтео учинити, онъ э свагда своихъ повседневнихъ шестъ пфенїговъ у доброи Абдеритскои монети добывао, и — сотимъ съ Богомъ остай!

АБДЕРИТИ.

КНИГА ТРЕТАЯ,

или

ЕУРІПІДЪ МЕЖДУ АБДЕРИТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Абдериты оправляюсе у Комедїу поћи.

Быо э кодъ совѣтниковъ отъ Абдере нѣки древно уведени обычай и благонравїе, оне у совѣту расправлѣне матерїе абїе непосредствено затимъ кодъ обѣда (было бы то гдѣсу они содружество имали, или съ нынномъ фамїлїомъ сами ручали) прорешетавати и къ нѣкоему богатому извору или о остроумныхъ наумнѣнїяхъ, или смѣшныхъ примѣчанїяхъ, или о патрїотїческихъ воздиханїяхъ, тужбахъ, желанїяхъ, снови и будуществи и: ш: д: чинити онда, кадъ э што годъ у сочинѣному совѣта заключенїю молчанїе явно и остро препоручено было. Али садашни кратъ — хотя э ово чудовище

Абде-

Абдеритовъ съ князомъ врачевъ доволно особно было, да бы оно мѣсто у повѣсти ныне Республике заслужило — было э кодъ свїю обѣдовъ, гдѣ э совѣтникъ или кои цехмайсторъ у зачелю сѣдїо, о Хїпократу и Демокриту толико мало спомена, како да не бы башъ отнюдъ людїй овога имена на свѣту было. У овой часши ималису Абдериши нѣки са свимъ особный Public Spirit и нѣкое утончаное чувство, нежели што бы се ныма у разсмотренїю нынога обыкновенога самоумїя повѣрити морало. Доиста нїе могла нына повѣсть съ Хїпократомъ, хотя бы се она превратила и описала какому драго, никоимъ начиномъ, кои бы ныма честь учинїо, исказана быти. Дакле э наилучше и наибезопаснїе было вещь у себы мирну оставити и молчати.

Данашня комедїя учинила э дакле за садъ, како што э обыкновено, главни предмѣтъ забаве. Ербо отъ како су себе Абдерити, по примѣру нынога великога приклада Аѳинянова, съ своимъ собственымъ Ѳеатромъ снабдѣли, было э у содружествахъ, како су проча обща мѣста, стрѣле, кицошлукъ, градске новине и соблазни почерплѣно, и необходимо или о комедїи, коя э ючеръ произведена была, или о комедїи,

коя

коя ћесе данасъ представити, говорено — и Господа отъ Абдере знала су себе, особито спроћу страныхъ, не мало сь тымъ величати, да су они своимъ сограђаномъ и сограђанкиняма оваковы красни способъ ко утончанію нынога разума и вкусса, еданъ такови неизчерпаеми темељъ кь невинымъ равговорамъ у содружествахъ, а особыто красному полу, едно тако славно средство противъ оне душу и тѣло развращающе дугочаскости прибавили.

Мы не говоримо, да бы смо то кудили, нежели за заслужену похвалу Абдеритовъ, да су они ныно Θеатра существо за доволно важно держали, назирателство о такомъ особной совѣта депутаціи или изметку предали, коего э старѣишина свагда Номофїлаксъ, слѣдователно еданъ верховныхъ отцевъ отечества быо. Ово э безъ сумнѣ весма славно было. Све, што бысе сь правамъ изъ овога уређенія изяти могло, было э, да зато башъ ни за едну длаку сь нынимъ Θеатра существомъ болѣ стаяло ніе. Равно ніе то више было, нежели чега бысе у Абдери надати могло. Будући да э избраніе частеи отъ овога совѣталнога изметка зависило, и изобрѣтеніе комедіе цедуляхъ подъ знаменито мно-

жество

жество отъ изобрѣтенїяхъ принадлежало; коесу преимущество новыхъ предъ старима, кромѣ свакога долшега противорѣчїя, изставляле: общество э — кромѣ ако э какова нова Абдеритска оріґінална игра на Θеатеръ донесена была — рѣдко напредъ знало, шта ћесе представити. Ербо колико ова Господа отъ Депутаціе никаково таинство изъ вещи чинила нису; то морала э она опетъ преће нежели што э обще познана была, крозъ многа крива уста, и крозъ толико многа дебела ушеса проћи, да э скоро свагда Quid pro quo произишло, и слищатели, кадъ су н: п: Антїгону Софоклеса ожидавали, Ерїгону Фізїгната за благо и добро примити морали — на чему они такожде рѣдко или никада недостатка имали нису.

Какову ћете намъ часть данасъ предложити? было э дакле садъ общи вопросъ у Абдери — вопросъ, кои э у самъ себи найневини вопросъ отъ свѣта, али нѣкимъ само еднимъ малимъ обстоятелствомъ весма Абдеритски было; а наимено што отвѣтъ всячески отъ никакове практїческе ползе быти нїе могао. Ербосу люди у комедїю ишли, хотя э нова или стара, добра или хрђава часть представлѣна была.

Сво-

Свойственно говорећи нїе за за Абдерите никакове хрђаве части было: онису све за добро примали, и неравно слѣдство ове безпредѣлне добросердечности было э, да за ны такожде никаковыхъ добрыхъ частей нїе было. Хрђаво или добро, што э ны амузїрало (забаляло) было э ныма право, и све што э аки какова позорна игра изгледало, забаляло э ны. — Свака часть дакле, хотя бы она неволна, и весма худо и хрђаво народу предложена была, окончаласе съ общимъ клепшанѣмъ, кое отнюдъ престати нїе хтело. Затимъ э прозвечао крозъ цѣли ѳеатеръ общи вопросъ „ каковамсе данашня часть допала? „ и быо э башъ управо съ таковимъ истимъ общимъ отвѣтомъ „

„ Весма добро „ отговоренъ.

Колико бы наши драгоцѣни читатели такожде благоеклони быти могли, не тако лако о чему годъ чудитисе, што мы ныма о невѣжеству (Idiotismus) наше Ѳрацическе Аѳине сказати можемо: то есть опетъ овай башъ упоменути потезъ што годъ тако сасвимъ особенъ, дасе мы бринути морамо никакову вѣру у тому наћи, ако мы ныма небисмо понятно учинили, како э то ишло, дасу се Абдерити съ едномъ тако вели-

комъ

комъ склоностїю къ позорнимъ играмъ (комедїямъ) равно съ тимъ къ тако высоко безпредѣлной драматической Апатїи или много выше Хїдїпатїи довестти могли, да ныма какова хрѣава часть, не само што нїе никаковога соболѣзнованїя проузроковала, него башъ равно тако — (или башъ скоро толиико) како годь лепа, добра чинила. Намиѣесе, ако мы загонетку разрѣшити морамо, нѣка мала невоздержностъ о цѣлому Абдеритскому Θеатра существу допустити морати. Мы себе обаче принуждене видимо, себи отъ благосклонога и благомыслящега читателя напредъ едну малу милостъ испросити; на коемуѣе великодушному позволенїю нѣму самому на концу їоштъ выше на сердцу лежати, нежели нами. И то э ово, себи, сва противная устремленїя свога лукавога демона несматраюѣи — не воображати, аки да э овде подъ покривенимъ именомъ бесѣда о Θеатра стїхотворцы, комедїанти и партеромъ нѣговога любимога отечествена града слово. Мы доиста не отричемо, да цѣла Абдеритовъ повѣстъ у извѣстному разсмотренїю сугуби разумъ имать, али безъ ключа ко отворенїю тайнога разума, когаѣеду читатели наши отъ насъ самихъ добити,

дошли-

дошлибису они у погибель, свакога часа ложна означенїя чинити. Донде просимо мы ны дакле

Per genium dextramque Deosque Penates

себе отъ свїю непрїятни и непрїятелски доводовъ содержавати, и све што слѣдуетъ, како и ово цѣлу книгу, ни у каковомъ другому душевному содержанїю читати, нежели съ коимсу они кадъ кадъ каково друго старо или ново непристрастно повѣстей исказиванїе читали.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ближа извѣстїя о Абдеритскому народнѣму Театру. Вкусъ Абдеритовъ. Карактеръ Номофїлакса Грилуса.

Кадсу Абдерити вечь заключили свой сталнi Театеръ имати, было э равно изъ патрїотическихъ призрѣнїи твердо установлѣно, да онъ народны зватисе имать. А будуѣи да э народъ по болѣй части изъ самихъ Абдеритовъ состояо; то э и Театеръ нынъ нуждним слѣдствомъ. Абдеритски быти морао. Ово э наравнимъ начиномъ

чиномъ перви и неизцѣлими изворъ свега зла быо.

Честь, коюсу Абдерипи о ныному свя-тому граду Мінерве аки о ныной мнимой матери имали, донесла э такожде ссобомъ, дасу позорне игре совокупнихъ Аѳинскихъ стїхотворцевъ, не зато што бы оне добре быле: (ербо то нїе свагда случай быо,) него што су оне изъ Аѳине дошле, у найвећой чести кодъ ны стаяле. Изъ почешка нїе могло ради недостатка доволнога числа домаћихъ частей скоро иначе представляно быти. Но башъ тога ради держалосе како за честь града и Республике Абдере, тако ради другихъ користей за нуждно, едну Комедїяхъ и Трагедїахъ Фабрику у ныному собственому средству установити, и ово ново стїхотворно рукудѣлїе — у коему да се Абдеритско остроумїе Абдеритско сѣме — Абдеритска благонравїя и будалаштине, како годъ и толико суровихъ народныхъ продуктовъ, къ собственому употребљѣнію драматїчески испословати мораю — како што добримъ мудримъ владѣтелѣмъ и патрїотомъ пристоитъ, на сваки возможни начинъ возбуждавати. Ово на трошкови обще кесе содѣйствовати нїе изъ двїю причина добро пошло; Перво ербо нїе много у таковой было:

было; а друго, ербо їоштъ онда обичай нїе быо, слишателѣмъ плаћати дати, него Ерарїумъ морао э трошкове Ѳеатра снабдѣвати, кои э и безъ тога, кодъ овога новога Артїкула веħь доволно издавати имао. Ербо какови новый данакъ гражданству наложити, доклесе добро знало нїе, коликоħеду вкуса они при овому новому увеселенїю добыти, нїе ни помислити было. Нїе дакле никаково средство изостало далѣ нежели Абдеритске стїхотворце, на общему градскому трошку вкусь возбудити; т: е: савъ хеспапъ, коиħеду они за бадава издавати, за добро примати — по старой притчи: поклонѣному коню негледится у зубе; или како штосу Абдерити сказивали: гдѣсе за бадава руча, есть свагда добро приуготовлѣно (скувано) што Хорацъ у времену своему у Риму говоритъ:

Scribimus indocti, doctique poemata paſsim,

стаяло э у Абдери у найвишему степену. А будуħи да э свакому у заслугу броено было, ако э онъ какову позорну игру написао, и їоштъ всячески нїе притомъ ништа изгубити было, то э дакле правїо Трагедїе тко э само паре доволно имао, едно два

тесте-

тестета собрани мысли у равно толико скрплѣнихъ и испреденихъ Перїодовъ надувати;

и сваки гладки шаливацъ пробирао э то, кожне кецелѣ Абдеритовъ, на коима э онъ иначе у содружествахъ или у корчмахъ добовао, садъ такожде еданъ кратъ за Θеатеръ што годь испословати.

Ово патрїотїческо призрѣнїе спроћу народнихъ продуктовъ имало э нравное слѣдство, кое э ово зло равно умножило и постояно учинило. Колико э ово за ума праздни, вѣтровити, надувени, невоспитани, глупи, и свакога усилѣнїя неспособни народъ а такожде за младе Патрїцїе и дѣвице Абдеритовъ невозможно было, то дао э опетъ себе еданъ отъ ныхъ весма скоро, не знадемо ели онъ отъ нѣгове дѣвице, или отъ нѣговихъ тунеядцевъ, такожде отъ нѣговога собственога природнога мнѣнїя, мудримъ учинити и разгласути, да то само на нѣму стоитъ себи драматїческе фїнїка вѣнце задобити тако добро, како годь и други. Ово перво искушенїе было э съ тако свѣтлимъ слѣдствомъ увѣнчано, да э Блемїасъ (унукъ Архона Онолауса) Юноша отъ 17тъ лѣта, и (што у фамїлїи Онолауса нїе необикновено было) еданъ явныи вѣтрогоня,

гушчїя

гушчія глава, кои э едно непреодолѣно несносио игранѣ подъ своима перстми чувствовао, усудiосе такожде едну ярчію игру начинити, како штосе онда та вещь називала, кою мы садъ жалосномъ игромъ именуемо. Никада отъ како Абдера на Θрацiческому атару стоитъ, нiесе глупли народни продуктъ видѣо: али сочинитель таковога быо э унукъ Архоновъ, слѣдователно нiе нѣму ништа фалити могло. Θеатеръ быо э тако полнъ, дасу млада Госпда краснимъ Абдериткинями на крилу сѣдити морала, а прости люди еданъ другому на раменахъ стояти. Слушалису сви пять Актовъ у неизмѣной глубочаюшей тихости, зѣвалису, уздисалису, брисалису чела, протиралису очи,ималису дуго време, и слушалису све; а кадъ э вечь найпослѣ долго дозываеми конацъ дошао, было э тако гнусно клепшано, дасу нѣкои нѣжнонервни матерни синчићи слухъ тога ради изгубили.

Садъ э вечь ясно было, да то никаково велико вѣжество быти мора, какову Трагедiу начинити, кадъ э вечь башъ и млади Блемiасъ едну начинiо. Свадко дакле могао э себи безъ велике мудрости равно толико повѣрити. То с постало фамилiарномъ чести точкомъ, дасе сваки добри домъ най-

манѣ

манѣ съ еднимъ синомъ, синовцемъ, шогоромъ или стрицемъ, могао величати, кои э народни Θеатеръ съ едномъ Комедїомъ или съ едномъ ярчїомъ игромъ, или найманѣ съ едномъ пѣвающомъ игрицомъ обдарїо. Колико э велика ова заслуга по нѣзиной внутренѣй цѣни была, о томъ нїе ништко помислїо; доброе, среднѣе и хрђаво пролазило э све у едному чопору едно съ другимъ. Нїе отъ потребе было какову хрђаву часть бранити, никакове кабале. Една любезность была э друге достойна. И будући дасу Господа на све стране магарчеве уши имале: то нїе ни едному на умъ пасти могло, другому Auriculas asini Mida rex habet пришаптати.

Лакосе представити можетъ, да худобство ово при овой Толеранцїи (свободи) неће много добити моћи. Али што сусе Абдерити за интересъ художества бриниули? Доволно, да э то за миръ нынога града и све обще увеселенїе интересантовъ сносно было такове вещи мирно и мудро совершити. Овдесе видѣти можетъ, обичествовао э Архонъ Онолаусъ рећи, колико нъ томъ стоитъ, да се вещь кодъ правога края узима. Θеатра существо, кое у Аθини свакога часа наигоре распрѣ проузрокуетъ,

етъ: есть у Абдери союзъ общега доброга споразумѣнія, найневиніа забава отъ свѣта. Идесе у Комедію и забалясе на еданъ или други начинъ, или слушаніемъ или съ своіомъ сосѣдницомъ, или сниванѣмъ или спаванѣмъ, онако како штосе свакому произволева; послѣ быва клепшанѣ, сватко удоволянъ дома отидетъ, и благу нощь?„

Сказалисмо предъ тимъ, Абдеритису себи съ нынимъ Θеатромъ толико много посла учинили, да они у содружествахъ ни очему другому говорили нису, нежели све о комедіяхъ, и такосе баш дѣиствително содержавало. Али кадсу они о Θеатралнимъ частма и представлѣнію и позорнимъ играмъ говорили, то се ніе за то случило, да бы што годь извидѣно было, што бы доиста у тому похвале достойно быти могло или не. Ербо есули они себи какову вещь благоизволѣти или не благоизволѣти дати хтели, то э зависило, по ныному мнѣнію, баш управо отъ ныне свободне волѣ; и како э већь сказано, онису већь еданъ кратъ нѣки начинъ молчаемаго уговора међу собомъ уредили, нына домаћа драматическа рукодѣлія возбуждавати.

„ Ето се право очевидно видитъ (реклису они) што то у себи имать, кадсе худо-

художества на коемъ мѣсту побуждаваю. Иошть прѣе 2отъ година едва што смо мы два или три Поете имали, отъ коихъ, кромѣ рожденія днехъ или веселяхъ, (свадбъ) никто ништа знао нïе: садъ обаче отъ 10тъ или 12тъ лѣта, отъ како мы нашъ собствени Θеатеръ имадемо, можемо мы вѣкъ преко боо части, мали и велики за едно хесапеѣи, показати, коесу све на Абдеритскому атару израсле.„

Кадсу они дакле о нынима позорнима играма благословили, то э само зато было, дабису еданъ другога питали, ели на: пр: ючерашня часть лепа была? и еданъ другому отговарали, да э она весма лепа была — и какове э Актрица, коя э Iфïгенïю Андромеду представляла (ербо у Абдери былаеу женска лица дѣйствителнима женами представляна, и то нïе башъ сасвимъ Абдеритски было) лепе нове халине на себи имала? И то э послѣ способъ дало за тысящу малихъ полезнихъ примѣчанïяхъ, разговорамъ и спроѣу говорамъ, о кицошлуку, гласу, пристойности, входу, ношенïю главе и рукахъ, и двадесетъ други вещей овога начина, о Актори и Актрицама. Между тимъ говорено э такожде и о части самой, и како годъ о музïки тако и о бесѣ.

дамъ самимъ (како штосу они то стїхотвореніемъ називали) т: е: сваки э сказао, штосе нѣму найболѣ или найманѣ допало; дизалису особно возбудителна и узвишена мѣста; кудилису такожде овде и онде каково изображеніе, весма унижену рѣчь, или какови членъ мыслей, коисе излишанъ или претикаемъ нашао. Али свагдасе критика окончала съ вѣчнимъ Абдеритскимъ Refrein: то свагда остаетъ една прекрасна частъ — и иматъ много морала у себи, краснога морала! обичествовао э онай кратки дебели совѣтникъ къ тому приложити — и свагдасе случило, дасу части, кое э онъ ради нынога краснога морала блажено хвалїо, башъ управо найлошїе быле.

Можетъ быти, дашесе мыслити, да особне причине, коесу у Абдери имали све домаће предмѣте безъ призрѣнїя заслугъ и достоинства возбуждавати, кодъ странихъ мѣста нашле нису, то э баремъ найманѣ велика разлика Аѳинскихъ позорнихъ игръ стїхотворцевъ, и разстояніе Астїдомаса отъ Софоклеса што годь къ тому придати морало нынъ вкусъ изобразити, и ныма разлику между добримъ и лошимъ, изряднимъ и средственнимъ — особито крѣпку разлику между естественнимъ званїемъ и нагомъ Претензїомъ и подражателствомъ

меж-

между бодримъ, равнимъ, и строгимъ входомъ правога учителя и онимъ на штулахъ корачайомъ или поскакиванѣмъ, повлаченѣмъ и пузенѣмъ подражателѣвъ — примѣчаему учинити. Али перво, есть вкусъ вещь какову, коясе безъ естествене способности, безъ, нѣкога извѣстнога упончанія душевнога органа, съ коимсе обоняваши мора, никаковомъ майсторїомъ и изображеніемъ получити даетъ; и мысмо абїе їошть у почетку ове повѣсти вѣкъ назначили, дасе естество Абдеритомъ ову способность сасвимъ украшити являло. Нима э све вкусно было. Налазилосе на нынима астали художества частей Генїуса и остроумїя съ продукти (плоди) найлуѣихъ главахъ, надничарскихъ дѣлъ, найхрѣавихъ крпежїяхъ едно съ другимъ помешанно лежеѣе. Моглосе ныма у оваковима вещма поняшно чинити, шшосе хшело; и нїе нишша лакше было, нежели едному Абдериту превозвишену пѣснь (оду) Пїндара за перву пробу каковога начинашеля, и извраѣено найбезумнїе замазанѣ, ако э оно само крой какове пѣсне строфе и Антїстрофе имало, за дѣло Пїндара продашти. Декле было э кодъ сваке нове часши или предмѣта, кои э ныма предъ очи дошао, свагда нынъ перви во-

просѣ: Отѣ кога э? —— и было э тысяща примѣровѣ, дасу они спроћу преизрядныхѣ дѣлѣ равносилни остали, докле годѣ искусили нису, да то дѣло нѣкоему славному имену принадлежитѣ.

Ктому дошло э їоштѣ и то обстоятелство, да э Номофїлаксѣ Грїлусѣ, Ціникуса синѣ, кои э о стаїномѣ воздвиженлю Абдеритскога народнѣга Θеатра найвеће участїе имао, и верховни назирателѣ сверху цѣлога нынога Θеатралнога существа быо, право себи учинїо, найвећи музїке художнихѣ и перви компонистѣ нѣговога времена быти — таково право, спроћу когасу поволни Абдерити тѣмѣ манѣ што довести имали, што э онѣ весма плодни Господинѣ быо, и што э нѣгово цѣло сочиненїя художество у нѣкоему малому числу Мелодїческихѣ образовѣ или калуповѣ состояло, коису кѣ свима начинамѣ текстовѣ умѣрени быти морали, и дакле ништа лакше ніе было, нежели Мелодїе (пѣсне) нѣгове пѣвати и наизустѣ научити.

Свойство, у коему э себи Господинѣ Грілусѣ найвише ползе чинїо, было э нѣгова хитростѣ у сочиненїю. „ Дакле каковамсе допада моя Іфегенїа, Хебука, Алцестїсѣ, или што э иначе было, Хе? „ — о! сасвимѣ

пре-

преизрядно, Господине Номофїлаксе! — „ Ели! овде э башъ чисти составъ! текуща мелодїа! Хе, Хе, Хе! и што мыслите коликосамъ дуго о томъ пословао? — Бройте замномъ! — Данасъ имадемо 13ти — — четвертога у ютру у 5тъ сати — Вы знадете, да я свагда рано устанемъ — сѣосамъ кодъ мога астала и започеосамъ — и ючеръ башъ пунктумъ у 10тъ сати прѣе полъ дне учинїосамъ послѣдну потезу! — садъ бройте замномъ, 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. — не чинитъ како што видите, ни пуни 9 дана, и между тимъ 2: отъ почивања дана, и два или три кадсамъ на обѣдъ званъ быо, и друга дѣла не хесапећи. — Небо! шта говорите? Нїе ли то на еданъ кратъ испословано? Я башъ зато не говоримъ, да бы себе съ тимъ величао: али то бысе усудїо, кадбы у обкладу было, да мени никакови сочинитель у цѣлой Европи и Азїатической Грецїи съ еднимъ предмѣтомъ скорїе готовъ быо не бы, нежели я! То э ништа! Али э то опетъ тако собствени даръ, кога я имамъ, Хе, Хе, Хе!„ — Мысе надамо, да наши читатели већь овога мужа предъ собомъ имуть, и ако они какову способность къ музїки имуть, то ныма тако быти мора, дасу они себи већь

нѣ-

нѣгову цѣлу Іфїгенїу, Хебуку, и Алцїста изсвиране чули.

Иошть э имао овай велики мужь по край тога нѣку малу слабость, да онь никакову музїку нїе за добру наћи могао, неже-ли — свою собствену. Ни еданъ отъ найлучшихъ Компонистовъ у Аѳини, Ѳиви, Корїнту и т: д: нїе нѣму то за благодарность учинити могао. Самога Дамона славнога, коего э поволни духобогати и свагда къ сердцу горящи начинъ Компонирати (сочиняваши) кромѣ Абдере, све што э душу имало, обчинявало, именовао э онъ, али само между своима прїятели, глупоглавога пѣснеи компонисту. При овому начину мыслећи, и средствомъ неисказане лакости, съ коїомъ э онъ свое музїкалное сѣме отъ себе давао, есть онъ већь у мало година къ выше нежели бо-тъ частма славнихъ и лошихъ Аѳинскихъ Ѳеатра стїхотворцевъ музїку начинїо — ербо э онъ Абдеритске народнѣ плодове ове по болшей части своимъ ученикомъ и подражателѣмъ предао, и себе само съ тимъ удоволствовао нына дѣла прегледати. Всячески нїе свагда избранїе нѣгово, како што се мыслити можетъ, на найболѣ части пало, половица найманѣ былесу слу-

пана

пана и наопако извраћена подражанія Ешїлуса, или невкусне чемерне игре вашарне части, коесу отъ сочинителей самихъ само за увесленіе найпростїега народа опредѣлене быле. Али э доволно то, Номофїлаксъ, старѣйшина и началникъ града, есть ны сочиніо; онесу быле дакле безконечно клепшане, и акосу оне при честократномъ повторенію по между тимъ зѣваня и развлаченя чиниле, дасусе вилице разглавити могле, то э опетъ еданъ другога при исходу наполѣ весма утѣшително увѣравао; да э то отъ выше лепа часть и весма лепа музіка была!

И тако не само штосе све спроћу начиновъ и степеновъ свега краснога соединило, но и спроћу внутренѣ разлике, преизряднога и хрћавога вкуса, кодъ овихъ Грећескихъ Ѳрацїеровъ, оно Механическо студоумїе произвести, коима су они себе аки нѣкомъ постояномъ народномъ Карактера потегомъ, отъ свію другїи утончанихъ народовъ цѣлога свѣта отликовали; онаково студоумїе, кое э съ тимъ їоштъ особніе постало, ербо э оно ныма несматраюћи на то, способность дало, кадъ кадъ отъ дѣиствителнога краснога, на нѣки крайнѣ рѣдки начинъ преузетимъ быти — како што-

ћесе

ѣесе у кратко изъ нѣкоего примѣчанїя достойнога примѣра видѣти.

ГЛАВА ТРЕТАЯ.

Прилози къ Абдеритской Лїтералной повѣсти. Извѣстїя о нынимъ первимъ Θеатралнимъ стїхотворцемъ; Хїперболу; Параспасму, Антїпїлусу Тлалсу.

При свой овой обсѣненой равновносителности, Толеранцїи, Апатїи, Хїдїпатїи или какосе то наименовати можетъ, неваля да мы Абдерите аки люде безъ свакога вкуса себи предсшавлямо. Ербосу они ныни пять чувствъ правилно и полно числили; и колико э ныма измежду сказанихъ обстоятелствъ све добро и доволно вкусно было: тосе ныма опетъ кадъ кадъ чинило, ово или оно допадатисе болѣ нежели кое друго; и такосу они дакле имали свое любиме предмѣте и любиме стїхотворце, тако исто добро како и други люди.

Онда, кадсе нима она мала досада съ врачемъ Хїпократомъ случила, было э между доволнимъ числомъ отъ Θеатралнихъ стїхотворцевъ, коису занатъ изъ тога чинили — своеволнихъ неброећи — главно

двои-

двоица у притяжанїю найвеће склоности Абдеритскога народа. Еданъ э правїо нѣки начинъ предмѣтовъ, кое мы садъ комїше оперу называмо; други, именемъ Тлапсъ, нѣки начинъ средствеени вещей, кое нитису кому мило ниши жао чиниле, отъ коихъ э онъ изобрѣтель быо, и коесу тога ради именемъ нѣговимъ Тлапсодїе Тлапсове пѣсне звале.

Перви быо э онай исти Хїперболъ, о коемусмо їоштъ у почетку ове тако равно истине као и вѣроятне повѣсти, аки найславнїега между Абдеритскими стїхотворцы опоменули. Онъ э себе доиста такожде и у другима дѣли отмѣнна показао; чрезвычайио пристрастїе нѣговихъ земляковъ за нѣга естъ нѣму у свему тому похвалу отдавало; и башъ ово преимущество задобыло э нѣму высоконосимо прозвище Хепербола: ербо отъ дома свога зваосе онъ Хегесїасъ. Темель, зашто э овай мужъ овако особно щастїе кодъ Абдеритовъ учинїо, быо э найприродни отъ свѣта — а наимено башъ тай, чегабы ради онъ и нѣгова дѣла на свакому другому мѣсту у свѣту кромѣ Абдере изсмѣяна или изсвирана была. Онъ э изъ между свїю нынихъ стїхотворцевъ онай быо, у коему

э

э свойственни духъ отъ Абдере, съ свима своима невѣжама и отступлѣнiяма отъ красншихъ видовъ, умѣренiяхъ и правилностехъ человѣчества, найживлѣ обиштавао — онай, съ коимсу се сви прочи найвыше соглашавали — кои э свагда тако исто творiо, како штобису и они сами учинили были, ныма свагда бесѣду изъ устахъ узимао — свагда свойствену точку погодiо, гдѣсу они прочачкани быти хотѣли — еднимъ словомъ, стiхотвораць по ныному чувству и сердцу; и то не у сили чрезвычайнога остроумiя, или дабы онъ себи изъ тога какову особну науку учинiо био, него башъ зато, ербо э онъ измежду свiю нѣгове братiе у Марсiусу найвећи Абдеритъ био. Кодъ нѣгасе свободно нато ослонити могло, да э вида точка, изъ кое э онъ вещь какову мотрiо, свагда наихрѣавiя была, изъ коебисе она видѣти могла; да э онъ между двима вещма свагда башъ подобность нашао, гдѣ э нѣзина главна разлика лежала; да бы свагда онде торжествено изгледао, гдѣ бы се какови разумни мужъ смѣяо, и гдѣ каковому Абдериту на умъ пасти небы могло смѣятисе, и. т: д: Онакови мужъ, кои э Абдеритскога духа тако полнъ био, могао э наравнимъ начиномъ у

Аб-

Абдери све быти, што э годь хтео. Такожде быо э онь нынь Анакреонь, нынь Алцеïусь, нынь Пïндарь, нынь Ешилусь, нынь Арïстофань, и отъ нѣкоего времене пословао э онь о нѣкоему великому народнѣму Херойческому стïхословïю у 48мь пѣсней — на велику радость цѣлога Абдеритскога народа! „ Ербо, реклису они, Омïрь само есть їошть едно, што нами недостаетъ: и кадь Хïпербольъ съ свойомь Абдерïадомь готовь будетъ, онда имадемо мы Илïаду и Одïсею у едной части заедно: пакь послѣ дай, нека доћу други Грецы, да насъ їошть преко рамена гледаю, ако сердца и їоначства имуть! Нека они онда нама каковога мужа представе, коему мы не бысмо изъ нашихъ средствъ еднога на противь ставити могли! „ —

Но между тымъ была э опетъ трагедïа своиствено дѣло Хïпербола. Онъ э таковыхъ 120 (безъ сумнѣ мало и велико за едно броећи) сочинїо — таково состоятелство, морало э нѣму кодъ онаковога народа, кои э у свима вещма само на число и тѣлесну величину гледао, едно чрезвичаино преимущество дати. Ербо нитко отъ свїю нѣговыхъ соревнителей нïе ни еданъ ны само на трећу часть овога чи-

сла

сла довести могао. Не смапраюћи штосу нѣга Абдерити ради хрћавога нѣговога списанія начина своимъ Ешилусомъ називати обычествовали, то се онъ опетъ самъ съ своимъ оріїналомъ весма мало познавао. Нека мени покажетъ тко годъ, рекао э онъ, какови карактеръ, какови помисль, какови потезъ, каково изображеніе у свима моима дѣли; кога бы самъ я изъ каковога другога узео быо! — или изъ естества, приложіо э Демокритъ къ тому „ о! (повикао э Хіперболъ) што се тога дотиче, то я вамъ допустыти могу, да не бы при томъ много изгубіо. Естество! Естество! ова Господа говорятъ свагда о ныному естеству, пакъ найпослѣ не знаютъ шта ћеду съ тимъ. Обще естество — и то мыслите вы опетъ — принадлежитъ у Комедіу, у смешну игру у Тлапсодіу, ако хоћете! Али трагедіа мора сверху естества прећи, или я ни еданъ шупялъ орахъ за ню недамъ. „ О нѣговыхъ вредило э ово у полнои мѣри. Како што и нѣгова лица нїе їоштъ никада нитко изабрао, никада нитко чувствовао, помисліо, говоріо нити куповао. Али су Абдерити то исто и хтели — и отъ туду э произишло, да су они изъ между свїю страныхъ спїхотворцевъ, а наименѣ

што

што годѣ изъ Софоклеса чинили. „ Ако я башъ искренно рећи морамъ, како што мыслимъ, „ рекао э единъ кратъ Хїперболъ у нѣкоему славному содружеству, гдѣ э о овой матерїи башъ правы Абдеритски хинатъ быо — „ я никада постићи нисамъ могао, што бы у Едїпу или у Електру Софоклеса, а особыто у нѣговому Фїлоктиту тако чрезвичаино быти морало? За наслѣдника оваковога еднога славнога Стїхотворца, како што э Ешилусъ, спада онъ доиста весма силно доле! Есть дакле Аѳински граждански обычаи ови, не могу я нѣму отяти; граждански обычаи колико хоћете! Али огнѣна рѣка мунь блистателнихъ мыслеи, громовни ударцы, онамо досязаеми вихоръ „ — кратко, Рисова крѣпостъ, орловы узвисъ, лвова яростъ, буря и утѣсненїе кое истинога трагїческога стїхотворца чинятъ, гдѣ э таи? „ — то називамъ я, како што маисторъ овещи говоритъ, рекао э еданъ изъ содружества — о! у оваковима вещма ослоните се вы на извѣтъ (изреченїе) Хїпербола (повикао э други;) кадъ онъ то неби разумѣвао! Онъ э 120: трагедїахъ начинїо, пришаптала э една Абдериткиня нѣкоему сїпранному у ухо; то э

пер-

первы Θеатрални стїхотворацъ отъ Абдере!

Но между тымъ есть изъ между свїю нѣговыхъ сохрвателей ученикова и соблядателевъ само двоицы срећа послужила, нѣга на трагїческому Θрону, на кога э нѣга обща похвала воздвигла, гибляема учинити — едному отъ овихъ чрезъ еданъ предмѣтъ, у коему херой абїе у первои сцени, первога дѣиствїя свога отца убїетъ, у второму свою рождену сестру за жену узиматъ, у трећему обявлюетъ, да э онъ ову исту сестру съ матеромъ своїомъ родїо, у четвертомъ самъ себи уши и носъ отсеца, и у пятому, послѣ како э онъ матеръ отровао и сестру издробїо, отъ онихъ пятъ Фурїахъ (Адскихъ духовъ) подъ молнїомъ грома у Адъ отнешенъ быва — оному другому чрезъ тако називаему Нїобїу, у коеи кромѣ множеспїва Ω! Ω! αι, αι φεῦ, φεῦ, φεῦ και λελε λεῦ и нѣкоихъ блядословїй, при коимъ э слишателѣмъ кика узъбердо стаяла, цѣла часть све у самима акцїама и пантомїми сочинѣна была. Обадве ове части есу чрезвичаино чудесну страсть учиниле — Никада нїе было у времену отъ 3: часа толико много марама пуно изплакани, отъ како Абдера на свѣту стоитъ. Не, нїе

можно

можно одержати, ецалесу красне Абдеритскиѣ — Бѣдни прінцъ! како э якао! како се валяо! И слово, кое э онъ держао, кадъ э самъ себи носъ отсѣкао, повикала э друга — и фуріе, дуси пакленски, повикала э трећа — Я за 4: Недѣлѣ дана нисамъ могла отъ никога страха очи затворити — было э доиста весма страшно, то я исповѣсти морамъ, рекла э четверта; Али, о! Ніобіа! како она помежду своима разбачени дѣтми онде стоитъ, себи власи истерзаетъ, и ны на мертва тѣлеса разсипаетъ, пакъ онда и сама на ны паднетъ, ны опетъ оживити э рада, пакъ у отчаянію опетъ устанетъ, очи како ватрене точкове у глави превраћа, пакъ съ своима собствениима ногтима себи перси расчупаетъ, и руке полне крви подъ ужаснимъ клетвомъ къ Небу дигнетъ — Не! овако штогодъ жалосно ніе никада видѣно быти могло! Каковъ то человѣкъ быти мора, таи Параспасмусъ, кои э крѣпости доволно имао, едну овакову сцену на Θеатеръ донести. — Дакле, што се крѣпости дотиче, рекла э красна Салабанда, натосе не можетъ свагда тако стално заключити. Я сумнямъ, хоћели Параспасмусъ све держати, што онъ обећати овля; велики величатели, хрћави юнацы. — Познавали-

валису красну Салабанду за такову Госпожу, коя што годѣ таково безъ доброга темеля небы рекла — само ово едно обстоятелство довело э толико далеко, да Ніобїа Параспасмова при второмъ представлѣнію нїе више ни полакъ пређашнѣга дѣиства учинила; и стїхотворацъ самъ нїе се могао у слѣдству отъ овога ударца опетъ окрѣпити, кога э нѣму Салабанда само съ еднымъ словомъ у мечтанія сили Абдериткинахъ учинила.

Но между тимъ остаетъ опетъ нѣму и нѣговому другу Антїфїлу свагда слава, трагедїамъ у Абдери новы измахъ и напредакъ дати; и изобрѣтителѣмъ двїю нови версти гризграмске и пантомїмске быти, у коима э Абдеритскима стїхотворцемъ путь теченія отворенъ быо, гдѣ э їоштъ и толико много стално было лорберъ пожати, гдѣ истино ништа лакше нїе неже-ли — дѣцу заплашити, и своимъ юнакомъ отъ самога дѣиства и страсти — ништа рећи не дати.

Какосе обаче человѣческа непостоянность такожде о ономy, што э у нѣговои новости їоштъ угодно, верло скоро насититъ, тосу већь дакле и Абдерити започели неудоволни бывати, свагда и сваки

данъ

данъ све красно налазити, што э ныма већь давно и преће тога доиста весма мало услажденія чинило: кадъ э нѣки млади стїхотворацъ именемъ Тлапсъ на таи помисль дошао, онакове предмѣте на Θеатеръ доносити, кои нитису Комедїе нити Трагедїе, нити смешне игре, него нѣки начинъ живихъ Абдеритскихъ фамилїарнихъ описанїяхъ были; гдѣ нити ћедусе херои нити будале, него добри честни кодъ дома испечени Абдерити представляти, нына повседневна торжища, домы и фамилїарна дѣла строити, и послѣ предъ славнимъ позорищемъ башъ управо тако творити и говорити учитисе, како годъ даби на позорищу кодъ дома были, и другоячїи никакови людїй на свѣту неби было нежели они. Видитсе, да э ово отъ прилике она иста верста была, коиомъ э себи Менандеръ у слѣдству толико много славе задобіо. Разлика э само у томъ состояла: да э онъ Аθиняне а онаи Абдерите на позорище донео; и да э онъ Менандеръ а онаи Тлапсъ быо. Али да ова разлика кодъ Абдеритовъ нїе ништа преуспѣла, или много више башъ управо на Тлапсову ползу доспѣла, то э дакле перва нѣгова часть бы-

ла. *) И ова э верста съ онаковомъ радостїю примлѣна, отъ какове се їошть ни еданъ примѣръ видѣо нїе. Честни Абдерити видѣлису себе саме перви кратъ на Θеатру in puris Naturalibus у чистои нарави, безъ коекакви кривлѣнихъ, безъ штулахъ, безъ Лавови кожахъ, батинахъ, сцептрахъ и Дїадемъ, у нынима домаћима обикновенима халинама, нынъ обикновени языкъ говорећи, нынимъ природнимъ своиственимъ образомъ и начиномъ дружитисе и живѣти, ясти и пити, развеселяваги и себе развеселяваги дати, и: т: д: и то э оно исто было, што э ныма толико много увеселенїя чинило. То э ныма такожде онако исто было, као каковой младои дѣвицы, коя бы себе перви кратъ у огледалу видѣла была; и нису веће могли таковихъ доволно добити. Четверовидна невѣста была э 14тъ краги едно за другимъ произведена, и за

дуго

---

*) Ова се називала Евгенїя или четверостављна невѣста. Евгенїя была э отъ нѣзинога отца за едногa, отъ матере за другога, а отъ нѣзине сестричне, за коея наслѣдствомъ она се бринула, за трећега мужа испрошена. А при концу на то э изишло, да э ова нагла дѣвица сама себе у полноћ тихости већь четвертому обѣщала была.

дуго времена нису Абдерити ништа друго нежели Тлапсодïе гледати хтели. Тлапсъ, коему дѣло тако скоро изъ руку нïе ишло, као што э великому Хïперболу и Номофлаксу Грилусу, нïе могао вѣчь доволно Тлапеодïахъ настачити.

Али да э онъ собратïямъ своимъ вѣчь еданъ кратъ таи гласъ дао, то дакле на подражателми нïе недостатка было. Свесе дало на ову нову версту, и у манѣ нежели три лѣта былису сви возможни надписи и тïтули отъ Тлапсодïяхъ вѣчь тако почерплѣни, да э доита жалость была, нужду бѣдныхъ стïхотворцевъ видѣти, какосу се они стискивали и измождавали, дабыеу изъ онога сунѣера, изъ когасу преѣны толико многи све изтягнули, iоштъ едну каплицу мутне воде исписнути могли.

Наравно э слѣдство тога было, дасу непримѣчаемо све вещи опетъ у пристоино равномѣрïе дошле. Абдерити, коису по доста общему человѣческому начину, съ почетка за сваку версту нѣку исключителну склоность имали, нашлису найпослѣ, да э iоштъ болѣ, ако бы они излишеству чрезъ премѣне и многоставности воспятствовати могли. Трагедïе, обще Грïзграмске и Пантомïмске Комедïе, Опе-

ре и смѣшне игре дошлесу опетъ у свое теченїе. Номофїлаксъ э сочинявао Трагедїе Евріпїдове; Хїперболъ (онда кадму э планъ Абдеритскимъ Омїромъ постати у глави стаяо) дао э себи, ербо то нїе премѣнити было, на концу радо позволѣти, високу склоностъ Абдерїтскога Θеатра съ Тлапсодїами дѣлити, и то онда, кадъ э овай женидбомъ съ синовицомъ нѣкоего верховнаго началника заната у кратко важно лице постао.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Примѣчанїя достоини примѣръ о добромъ державномъ строенїю Абдеритовъ. Заключенїе о напредку нынога Θеатралнога существа.

Преће него штоћемо отъ овога описанїя, къ предначинанїю наше повѣсти натрагъ повратитися, бытиће отъ потребе благосклоному читателю нѣку малу сумню отяти, коябы нѣму у траянїю овога краткога описанїя Абдеритскога Θеатралнога„ существа на сусретъ доћи могла.

Не-

Не можемсе добро постиħи, реħиħеду, како э Ераріумъ отъ Абдере, кога приходи башъ нису могли весма знатни быти, еданъ овако знатни особни расходъ, као што э една повседневна позорна игра са свима нѣзинима потребностми, тако дуго снабдѣвати могао; да метнемо и то, да су стїхотворцы безъ плаħе и награжденїя, изъ чистога Патрїотїчества, или за саму честь служили. Ако э дакле ово послѣднѣ было, едваħесе вѣроятно наħи, да э много таковихъ стїхотворцевъ отъ заната у Абдери было, и да э велики Хїперболъ, са свимъ своимъ патрїотїчествомъ и самоползованіемъ, то на 120тъ драматїческихъ частей довести могао.

Да небисмо благосклонога читателя безъ нужде задержавали, намислилисмо нѣму абїе несакриваюħи исказати — да ныни Θеатра стїхотворцы никоимъ начиномъ забадава радили нису (ербо велики законъ: „волу кои оретъ, да не имашъ уста свезати! „ есть еданъ естественни законъ, коегосу общи союзъ такожде и Абдерити чувствовали,) а и силою нѣкога особнога державногъ добростроителства запрещавалосе, да градски Ераріумъ за Θеатеръ свойственно никакови нови расходовъ снабѣвати неимать

имать, него э овай трошакъ отъ болѣ части за друге нужднше и полезнше потребности ущадѣнъ быо.

Та вещь овакосе содержавала. Какосу благодѣтели Θеатра видѣли, дасу Абдеритн ватру добили, и позорне игре за нуждность ныну постале, нису они изоставили народу преко началниковъ цеховъ предложити дати: да Ерарїумъ у овако великому приращаю расходовъ безъ новаго извора помоћи, или дигнутїемъ другихъ расходовъ нїе нарастао. Ово э поводъ дало, да э една Коммісїа изставлѣна и уреждена была, коя э, послѣ више нежели полнихъ ботъ засѣданіяхъ, еданъ кратакъ начинъ нѣкога уреждения, общега Абдеритскога Θеатралнога существа ради сенату предложила, коисе тако темелянъ и добро измишлѣнъ нашао, да э онъ абїе у едному общему собранію Грађанства за постояни законъ града Абдере соуствержденъ быо.

Мыћемо себи радостъ изъ тога учинити, ову Абдеритску художества частъ, такожде предъ наше читателѣ ставити, ако мы ныма терпѣнія доволоно повѣрити смѣмо, то читати. Ако бы дакле гдѣ годь каково обще существо, унутра или изванъ С. Римскога Імперїума сообщеніе

ма-

таковаго желило, то обѣщается таковое на учинѣно обявлѣнїе за само положенїя писаня трошковъ безъ плаћаня сообщавати. Све, што мы овде о томъ сказати можемо, есть: дасу они средствомъ овога уређенїя sine aggravio publici, доволне фундусе установили были, Абдерите четири кратъ преко недѣлѣ съ Комедїама угостявати; како годь стїхотворце, Актере и ликъ музїкантовъ, тако Господу Депутирце и Номофїлакса condigne обдарити; и преко тога їоштъ обадве ниже классе слишателѣвъ позорникова при свакомъ представлѣнїи Комедїе съ еднимъ фенїнгомъ хлѣба и двима сувима смоквама пожаловати. Една едина погрѣшка овога краснога уређенїя была э, дасусе Господа отъ Коммїсїе у есапу прихода и расхода (ради коегосусе Правилности на ныну познату честность ослониле) 28000 драхмовъ (отъ прилике полъ трећу тысящу талїровъ наши новаца) заброили, кое э Ерарїумъ выше платити морао неже-ли што э назначени фундусъ износїо. Ово ніе быо всячески какови сасвимъ немарни хесапа ударацъ! Но между тимъ быласу Господа отъ Абдере навикла, тако управнимъ путемъ и bona fide съ нынимъ Ера-

Ерарїумомъ къ дѣлу поступати, дасу нѣколико лѣта прошли, доклесе примѣтило, у чему то лежитъ, да э сваке годнне 2500 талїровъ у ныной градскои кеси манѣ было. А кадсе найпослѣ съ великимъ трудомъ то произнашло, нашлису старѣйшине за нужно ову вещь предъ совокупни народъ представити и — pro forma на дигнутїе Θеатра настояти. Али Абдерити намергодилисусе на овай предлогъ, као да бы ныма воду и ватру отяти хтели. Кратко, было э нѣко попунѣнїе уреждено, да онай годишнѣ недостаеми полъ трећи талентъ изъ общега сокровища, кое э у храму Латоне положено было, узетисе имать; и онай коибисе у напредакъ усудїо на опроверженїе Θеатра настаяваги, дасе имать за непрїятеля града Абдере разсмотраваги.

Садсу Абдерити већь мыслили, дасу вещь свою весма мудро уредили, и обичествовалису спроћу странихъ себе съ шимъ верло величати, да нынъ Θеатеръ годишнихъ 80: талентовъ (800000 талїра) а пакъ граждапство отъ Абдере ни еднога хелера не стоитъ. Све зависи отъ доброга уређенїя, говорилису они. Али зато имадемо мы такожде онакови народни Θеатеръ, како што никаковога другога у

свѣ-

свѣту быти не мора! „ — То э бшь права истинна, рекао э Демокритъ; оваковихъ стїхотворцевъ, оваковихъ Актеровъ, овакове музїке, и преко недѣлѣ 4 кратъ за 80: талентовъ! Я найманѣ ни на каковому мѣсту у свѣту нашао нисамъ.

Штосе нима допустити морало, было э, да э нынъ Θеатеръ за еданъ отъ найвелелѣпнїихъ у цѣлой Грецїи почитованъ быти могао. Истина, дасу они Кралю отъ Македонїе ныно найболѣ добро заложили, дабису такови начинити могли. Али будући да э ныма Краль позволїо, да управитель добра, писаръ добра и хесапѣїя, свагда Абдерити остати мораю, то дакле нїе имао нитко ништа противо тога говорити.

Мы читателѣ за опрощенїе молимо, акосу они съ овимъ общимъ извѣстїемъ Абдеритскога Θеатралнога существа дуго задержани были. Већь э бтъ часовъ ударило, и мы дакле безъ далшега отложенїя сѣдамо у Θеатерь ове хвали достойне Республике, гдѣ благосклони читатели, по произволенїю, или близу священика Штробила, или кодъ блядословца Антїстрепсїада, или гдѣ годь кодъ кое красне Абдеритскинѣ, съ коимасмо мы ны у прешедшой гла-

глави познане учинили, мѣсто узети соизволели будутъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Андромеда Еврїпїдова бываетъ произведена. Велики успѣхъ Номофїлакса и што э лѣвачица Еѵколлїя къ тому принела. Едно два примѣчанія о другима Актери, музїка и премѣне Θеатра (декорацїе).

Часть, коя э ову вечерь представлѣна была, была э Андромеда Еврїпїдова; една отъ бо или 70тъ дѣлъ овога стїхопворца, отъ коесу само нѣко мало иверице и трунцы полному уничтоженїю избѣгли. Абдерити ималису, башъ управо незнаюћи за што, велико почитанїе за ово име Еврїпїда, и све што э име ово водило. Разне нѣговихъ прагедїахъ и пѣваеме игре (како мы ны своиствено именовати морамо) быле су већь често воведене, и свагда сусе за весма преизрядне нашле. Андромеда, една отъ наиновихъ была э садъ перви кратъ у Абдеритскому Θеатру произведена. Номофїлаксъ э къ тому музїку начиніо, и (како э онъ своимъ пріятелѣмъ доста ясно у ухо сказивао) оваи кратъ себе самога превозишао;

шао; то есть, оваи мужь есть наумїо быо, сву цѣлу способность свою на еданъ кратъ показати, и у коеи э нѣму добри Евріпидъ са свимъ непримѣчаемо изъ очїю испао быо. Кратко, Господинъ э Грїллусъ башъ самъ себи компонирао; нестараюћи, ели нѣгова музїка текстъ, или текстъ нѣгову музїку за безумїе чинитъ — кое э башъ управо онаи пунктъ быо, кои э такожде и Абдерите наиманѣ печалїо.

Доволно, она э учинила велику буну, имала э (како што су нѣгова братїя, сродницы, шогори, клїенти и домаћи служители, аки совокупни познаватели увѣравали) весма возвишена и возбуждаема мѣста, и была э съ ясномъ и совершеномъ похвалоwъ примлѣна. Не као да небы башъ отнюдъ у Абдери овде и онде люди сакривени было, коису, — ербо су они нѣшто мало танша ушеса на свѣтъ донели, нежели ныни сограждани, или ербо су они гдѣ на другомъ мѣсту штогодъ болѣ чути могли, — еданъ другому между четирма очима исповѣдили, да э Номофїлаксъ съ цѣлимъ своимъ усилѣнїемъ или уплетанѣмъ Орфеомъ быти, само еданъ гайдашъ, и наилепше нѣговихъ рукодѣлїи само една тлапсодїа безъ свакога вкуса, и наивыше такожде безъ

разу-

разума. Ово мало число познавателя есть себе пређе баш усудило нѣшто отъ овога свога безчестія у обществу разгласити дати, али су они свагда отъ прославителеи Грїллусове науке тако зло примлѣни были, дасу они, да бы су съ цѣломъ кожомъ отъ овудъ избѣгли, за добро нашли, себе за благовремено старїимъ подложити, и свагда су ова Господа они были, кои су кодъ наихрѣавїихъ мѣстъ наипре и найясніе клепшали.

Музїка учинила э оваи кратъ свое наикраинѣе, да бы себе свога началника достоину показала. „ Я самъ вами свима пуне руке посла дао, „ рекао э Грїллусъ, и являосе съ шимъ весма поносити, да ови бѣдни люди їошшъ у второму акту ни еднога сувога кончића на цѣлому тѣлу имали нису.

Мимогредъ речено, музїка (или коръ) была э една отъ онихъ уреженіяхъ, у коему су Абдерити са свима градови на свѣту хрвалисе, перво што су они каковому страному отъ тога сказивали, было э: да э она 120 лицъ яка. „ Аѳинска, обичествовалису они съ нѣкимъ високимъ произношенїемъ къ тому приложити, да неима више нежели 80, али всячески съ 120. люди даетсе што годъ расправити! „ — Доиста

ніе

нïе фалило између оволикога числа на способнима людма, наимањ на таковима, изъ коихъ э началникъ, као — у Абдери што нïе ни каковъ быо, нитïе быти могао, што годъ учинити могао. Али што э помогло то ныному музïкалному существу? Већь э еданъ кратъ у совѣту Боговъ заключено было, да у Θрацïческои Аѳини ништо на своему мѣсту, ништа своему намѣренїю соотвѣтствуемо, ништа право и сасвимъ цѣло быти не иматъ. А будући да су ови люди за нынъ трудъ слабо награждени были, то се мыслило отъ ны такожде много и не изискавати, и будући да су съ свакимъ удоволни были, кои э наиболѣ свое учинїо (како што су они то називали) то нïе ни еданъ учинїо свое наиболѣ. Способни были су немарни, и тко э їоштъ на полакъ пута быо, изгубыо э бодрость и наипослѣ такожде могућство далѣ поћи. Зашто бы су они себи на концу такожде трудъ чинити морали, гдѣ су они само за Абдеритска ушеса пословали? — Истинна, имали су такожде и терпѣливи страни ушеса; али они нису имали што вотумъ дати; ни су можетъ быти то ни за труда достоино нашли, или были су любезни,

безни, или полїтїчни, противо вкуса отъ Абдере на юришъ терчати.

Номофїлаксъ, колико э глупъ онъ быо, примѣчавао э доиста и самъ тако добро како годъ и ткогодъ други, да то не идетъ онако добро како што бы валяло да будетъ. Али и кромѣ тога, да онъ никаковога вкуса имао нїе, или (кое э све едно) да нѣму ништа вкусно нїе было, што онъ самъ готовїо нїе, и дакле свагда права средства, коима бы то болѣ быти могло мимоишао — быо э онъ такожде лѣнивъ и непригнутъ съ другима пристоинимъ начиномъ о томъ разговоритисе. Можетъ быти, да э онъ такожде наипослѣ и то терпѣти могао, да э онъ, кадъ нѣгово гайдашко дѣло (колико се то кадъ кадъ случило) башъ ни Абдеритомъ у уши управо ићи хтело нїе, кривицу на музїку бацїо, и Господу и Госпоже, кои су нѣму за честь свои поклонъ (компліментъ) учинили „ увѣрити могао: да нїе она нота, кою э онъ мислїо и написао погоћена была. Но овосу свагда само една вапрена врапаоца за Номофїлакса у нуждномъ случаю была. Ербо изъ онога носъ „ часкаюћега гласа, у коему э онъ о свима другима корови или ликовъ говорити обичествовао, и изъ заслугъ, кое э онъ себи о

Аб-

Абдеритскому Θатру прилагао, морало се заключити, да э онъ тако добро съ тимъ удоволянъ быо, како што едному патрïотическому Номофїлаксу отъ Абдере прïстоитъ.

Како э обаче съ музïкомъ ове Андромеде и нѣзинимъ произведенïемъ устроено быти могло: извѣстно есть, да вѣкъ отъ давно никакова частъ тако обще поволна нïе была. Пѣвцу, кои э Перзеуса представляо, было э тако силно клепшано, да э онъ башъ у среди наилепше сцене гласъ изгубïо, и у нѣкое мѣсто изъ Кïклопïе зашао. Андромеда — у сцени, гдѣ э она за каменъ прикована, отъ свïю свои прïятеля изоставлѣна, и гнѣву Нереидовъ предана, ужаса полна сокрушенïя чудовища очекива — морала э свое дѣиство при кратъ повторити. Номофїлаксъ нïе могао вѣкъ свою радость о оваковому сïятелному напредку укротити. Ишао э отъ реда до реда свудъ на около данакъ о хвали собирати, кои э нѣму изъ свïю успа на сусретъ звечао; и башъ у среди увѣренïя, да се нѣму отъ више много чести чинитъ, исповѣдïо э онъ, да онъ самъ ни съ едномъ нѣговихъ играчки (како што э онъ свое опере съ великомъ учтивостïю именовати соизволявао) тако

удо-

удоволянъ ніе было, као што э съ овомъ Андромедомъ.

Но между тимъ э онъ опетъ, да бы себи Абдеритомъ правду указао, наманъ половицу благощастнога слѣдства на есапъ пѣвачице Еvколпіе ставити морао, коя э доиста и безъ тога већь у притяжанію была допастисе, али у образу Андромеде способъ нашла, себе у тако полезному свѣту показати, да млада и стара Господа отъ Абдере на нїози нисусе доволно — нагледати могла. Ербо э овде толико видѣти было, да на слушанѣ предмѣта ни помислити ніе было. Еvколпія была э высока доброиспредена фїгура — истинна и много знаменитїе тежа, нежели што э у Аѳини къ едной красоти изискавано было — али у овои части Абдерити, како и у многима другима, совершени Ѳрацїери; и една дѣвица, изъ коебы какови ваятелъ у Сіцїи две левчу начиніо было, была э по нынои примлѣной мѣри едно чудо отъ женске фїгуре. А будући да э Андромеда весма танко обучено быти морала, то э дакле Еvколпіа, коя э верло добро у себи знала, гдѣ свойствено сила нѣзинога волшебства лежитъ, нѣку матерію отъ ружичне бое Коискога цаига изнашла, подъ коимъ, да небы се благо-

при-

пристойность весма увреждена нѣи могла, отъ онихъ лепихъ ствари, коесу на нїози люде удивлявале, мало или ништа за позоретвователѣ нїе изгубльно было. Она э красно пѣвала; Композіція могла э, ако э можно было, їоштъ чемернїя и нѣзинъ предлогъ їоштъ десятъ кратъ несложнїи быти, свагда э она свое дѣиствїе повторити морала: ербо э то свагда изрядни покривачъ быо, ню їоштъ дуже съ любовними погледи — мотрити моѣи. Доста, такоми Іюпїтера, една прекрасна часть, говорилису еданъ другому съ полакъ затворенима очима; несравнено отмѣнна часть! Али не налазители вы такожде, да Евколпїа данасъ како една Богиня пѣва? — „ О сверху свега воображенїя! Нїе иначе такоми Анувїа! него башъ као даби Евріпїдъ овай цѣли предмѣтъ само нѣ ради начинїо быо!„ — Онай млади Господинъ, кои э ово изговорїо, обичествовао э свагда Анувїемъ клетисе, да бы съ тимъ показао, да э онъ у Егупту быо. Госпоже, како што се лако знати можетъ, нису Андромеду тако сасвимъ чуда полну, како мужеска лица нашле. — „ Нїе злочесто! сасвимъ учтиво! реклесу оне! Али отъ куда э то дошло, дасу предмѣти игре

садашни кратъ тако нещастно подѣлени были? Часть э много чрезъ то изгубила. Валялобы было роле премѣнити, и матери дебеле Евколпіе дати. За Касіопіу онаби прекрасна была! „

— Противо нѣзинога одѣянія, главе украшенія и : т: д: было э такожде много упоменути — она ніе на свою користь уређена была — појасъ био э высоко и весма затегнутъ — и особито нашлосе украшеніе весма соблазнително, свагда ногу нѣзину указивати, на коея неумѣренну малоћу она э себи немало и много мечтавала „ — реклесу Госпоже, коесу изъ противо ставлѣне причине свое сакривати обычествовале. Но между тимъ согласиласусе совокупна Господа и Госпоже у томъ, да она весма красно пѣва, и да ништа нѣжнѣе быти не можетъ, нежели она арія, у коей э она нѣзину судбину оплакала. Евколпіа, хотя э нѣзинъ предлогъ мало вредіо, имала э нѣки лепи, звечащи и превіяеми гласъ, али што э ню свойствено за любиму пѣвачицу Абдеритовъ учинило, био э онай трудъ, кога э она себи съ доста добримъ слѣдствомъ дала, отъ славуя нѣка извѣстна извіяня и гласа спущанѣ научити, у коима се э она сама себи, и своимъ

имъ слишателѣмъ тако добро допала, да э она такове у право време и у невреме умешавала и свагда съ тимъ добро дошла была — Она э чинити могла, што э ей драго было, смѣятисе или плакати, тужити или гнѣватисе, надатисе или страшити: свагда э нашла она способъ свое славуе употребити, и была э извѣстна оклепшаномъ быти, ако э она съ тимъ башъ и найлепша мѣста покварила.

О прочихъ лицахъ, коясу Персеуса аки первога любовника, Агенора преће бывшега любовника Андромеде, оца, матеръ и еднога жреца Нептунова представляла, не налазимо мы много више сказати, него дасе воособъ на ныма доиста много изставляло, али вообще или у цѣлому весма добро съ нима удоволно было. Персеусъ быо э красно возрастни человѣкъ, и имао э велики Талентъ (даръ) за едну — Абдеритску херінгу. Преће упоменути ціклопсъ, у Сатіровъ игри овога имена отъ Еѵріпіда, была э нѣгова майсторска рола (игра). Онъ представля Персеуса весма красно, реклесу Абдериткинѣ; Само шкода, што нѣму ціклопсъ кадъ кадъ между то доће. Касіопіа нѣка мала кицошлива вещь, полна мнимихъ Граціевъ (красотъ) ніе имала ни-

каковога природнога гласа; али є она све кодъ супруге второга Архона вредила, имала э нѣки дерзновени образъ мале пѣсмице пѣвати и — учинила э свое найболѣ. Свящєникъ Нептуна, рекао э нѣки страшни Матрозскїй басъ; (гласъ) и Агеноръ пѣвао э тако неволно, како што второму любовнику надлежитъ, онъ истина нїе лепше пѣвао и кадъ э первимъ быо; али будући да э веєма лепо играо, то э онъ дакле нѣки видъ свободе добїо, много лошїе пѣвати смѣти. Онъ игра преизрядно, быо э свагда отговоръ Абдеритовъ, кадъ э ткогодъ примѣтїо, да э нѣгово урликанѣ несносно; но между тимъ играо э Агеноръ весма рѣдко, и пѣвао э спроћу тога у свима операма и пѣваемимъ играма.

Дабисмо красоту ове Андромеде сасвимъ прегледали, морамо себи їоштъ два хора (лика) еднога отъ Нереидовъ, и еднога отъ играчицахъ Андромеде представити, обадва изъ преобученихъ школскихъ ученикова состояща, дасу Абдерити (на ныну велику радость) доволно за смѣхъ добили. Особито учинїо э хоръ Нереїдовъ изобретенїями, коя э Номофїлаксъ при томъ учинїо, наихрђавїе дѣйство отъ свѣта. Нереїде предсталесу сѣ полакъ тѣла

изъ

изъ воде видећисе съ ложными жутуми власми, и съ великими ложними грудми, кое су изъ далека башъ право и равно како — испунѣне лопте и дакле саме себи совершено равно изгледале. Гласъ пѣсней, подъ коимасу ова морска чудеса пливаюћа дошла, было э нѣко подражанїе славнога врекекекъ коаксъ коаксъ у жабама Арїстофана; и да бы сцену їоштъ совершенїю учинили, есть Господинъ Грїллусъ разне кравїе рогове начинїо и уредїо, коисусе отъ времена до времена спущали, да бы онимъ на нынима пужевимъ школкама свираюћимъ Трїтономъ подражавали.

О премѣнамъ Ѳеатра (декорацїамъ) нећемо мы овде ради соизволѣне краткости далѣ ништа сказати, нежели дасусе оне — отъ Абдеритовъ за весма добре нашле. Особито было э за удивлѣнїе нѣкое солнца захожденїе, коесу они средствомъ еднога съ дугачкими сумпорними дрветми начичканомъ вѣтреняче точка у состоянїе довели, кои э, како штосу они сказали, доброе дѣйство учинїо, кадбысе онъ само скорїе окретао быо.

При оному начину, како э Персеусъ съ своима Меркуровима сапози у Ѳеатеръ летећи дошао, билибису познаватели башъ же-

желили, дабису ужета, на коима э онъ висѣо, воздушномъ боїомъ намазана была, да небису она башъ онако ясно у очи падала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Особна послѣ игра, коюсу Абдерити съ нѣкимъ непознанимъ странимъ играли, и тахового сасвимъ неожидаемо обявлѣнїе.

Како э ова часть окончана была и мятежно клепшанѣ малко попустило, питали су сданъ другога, како што э обикновено; дакле, каковамсе ова чатъ допала? и добїосе свуда обикновени отговоръ. Еданъ отъ младе Господе, кои э за изряднога познавателя почитаемъ био, управїо э овай велики вопросъ такожде на еднога нѣчто мало застарѣлога страннога, кои э у едному отъ среднихъ редовъ сѣдїо и по лицу гледећи нїесе никакови прости человѣкъ быти являо. Спрани, кои э можетъ быти у себи већь примѣтїо био, што се у Абдери на овакови вопросъ отговорити мора, био э доста хитро са своимъ весма добро на полю; али будући да э нѣговъ образъ ову похвалу нѣшто мало подозрителну учинїо, и башъ нѣколико своеволно

волно, хотя слабо раменахъ движенїе, съ коимъ э она оправлѣна была, башъ за право сажиманѣ раменахъ изяснѣна э быти могла: то нѣга млади Абдеритски Господинъ нїе тако ефтино пропустити хотнео.„ Являсе, рекао э онъ, аки да се Вами ова частъ нїе допала? Она пролазитъ опетъ за едно найболихъ Евріпїдовихъ списанїяхъ!„

Частъ можетъ прилична быпи, отговорїо э страни. —

„ То Вы дакле имате што годъ на музїки изставити? „ —

У музїки? — о! што се музїке дотиче, она э една музїка — како само што се у Абдери чуетъ. —

„ Вы сте весма учтиви! Доиста нашъ э Номофїлаксъ велики мужъ у своему начину. „ —

„ Са свимъ истино!

„ То сте Вы безъ сумнѣ съ Актери неудоволни! „ —

„ Я самъ съ цѣлимъ свѣтомъ удоволянъ. —

„ Я мыслимъ опетъ, Андромеда э свою Ролу преизрядно дѣиствовала? „ —

О! весма красно! —

„ Она велико дѣиство чинитъ: ни ели истина? „ —

То

То ћете Вы наиболѣ знати; я зато више нисамъ младъ. —

„ Али наинанѣ Вы ћете исповѣсти, да э Персеусъ еданъ велики Актеръ? „ —

Доиспа, еданъ весма благовозрастни мужъ! —

„ И хорови (ликови)? то э била музїка, коя э учителю честь учинила? Не налазители Вы н: п: оно наумнѣнїе, кадсу Нереїде уведене быле за весма щастно? „

Страни являосе већь Абдерити сытъ быти: Я налазимъ, рекао э онъ съ нѣкимъ несперпѣнїемъ, да су Абдерити щастни о свима овима вещма толико радости имати.

„ Мои Господине, рекао э оваи шакламанъ съ нѣкимъ поругаемимъ гласомъ, исповѣдите само то, да ова часть честь и щастїе нїе имала Вашу похвалу задобити.

А што э Вами до мое похвале? старѣишинство расправлятъ то.

„ Овде већь имадете право. Али бы я баремъ отъ чуда радъ чути, што Вы противо наше музїке или противо нашихъ Акперовъ доказати можете? „

Моћи? рекао э страни нѣшто поскоро, али се опетъ и скоро задержао у себи — Опростите Вы мени, я не могу никому нѣ-

гово

гово услажденїе огадити. Ова часть, како што э овде произведена, есть у Абдери обще поволна была; а што захтеваше више? —

„ Нїе тако обще, ербо се она Вамѣ нїе допала! „

Я самъ еданъ страни —

„ Странъ или не, Ваша доказателства радсамъ я чути! Хї! Хї! Хї! Ваше причине, мои Господине, Ваше доводе! ови баремъ нећеду наименѣ никакови страни быти! Хї! Хї! Хї! „

Страному започело э терпѣнїе већь исчезвати. Млади Господине, рекао э онъ, я самъ за Комедїу мою платїо; ербо самъ я клепшао како и други. Оканите се Вы нога! Я самъ у намѣренїю опетъ путовати. Я дѣла моя имадемъ.

„ Хей, Хей, рекао э нѣки други Абдеритски млади человѣкъ, кои э разговоръ оваи слушао, па Вы нећете насъ іоштъ тако скоро изоставити? Вы се являте еданъ велики познаватель быти; Вы сте нашу любопитность, нашу науке желю (онъ э ово съ нѣкиимъ глупо носомудримъ поруганїя смѣхомъ рекао) раздражили; мы Васъ доиста нѣи не пущамо, докле годъ Вы намъ не искажете, што Вы у данашнѣй пѣваемои

игри

игри кудити налазите. Я отъ ови речи ништа сказати нећу; я нисамъ никаковъ познаватель: Али э музїка опетъ мыслимъ я безприкладна была? „

То опетъ на концу мораду речи расправити, како што Вы именуете, рекао э страни.

„ Како мыслите Вы то? я мыслимъ да э музїка, и потребно э само уши имати, оно слушати што э красно. „

То я Вамъ дозволявамъ, ако хоћете, отговоріо э онаи, да су у овои музїки красна мѣста; хотя э то вообще една научена, по свима правили художествахъ срезана, школноправилна, членоумѣренна музїка: я на противъ тога не имамъ ништа; я само то бесѣдимъ, да то башъ никакова музїка за Андромеду Еурїпїдову ніе!

„ Вы мислите, да бы ове рѣчи болѣ произносиме быти морале? „

О! рѣчи есу кадъ кадъ весма добро произнешене; али у цѣлому, моя Господо, у цѣлому есть гласъ стїхотворца пофалѣнъ. Карактеръ лицъ, истина страстей и чувствованїяхъ, своиственна способность изгледовъ — то э, што музїка быти можетъ и быти мора, дабы говоръ естества, говоръ страстеи была — што она быти

мора,

мора, да спїхотвораць у нїози како у своєму Елементу пливаемь и по висини носимь небы се упопїо — ово све есть вообще погрѣшено — кратко, цѣлое ништа неваля! ето садь имадете мою исповѣсть у три слова!

„ Цѣлое, повикалису обадвоица Абдерити, цѣлое неваля ништа? Но, то э много речено! мы бы смо опетъ ради чути, како ћете Вы то да докажете? „

Жестокость, съ коїомсу обадвоица защитители нынога отечественога вкуса на сѣдобрадога странога навалили, есть абїе разне друге Абдерите кь тому привукла; сватко э быо позоранъ на распрю, коя се чести нынога народнѣга Θеатра допицати являла, све се сбило и скупило онамо; и страни, колико э онъ високъ и славанъ мужь быо, нашао э за нуждно себе кь нѣкоему стубу натрагъ прикучити, да бы баремъ наименѣ леђа свободна сачувао.

Како самъ я то показати хтео? отговорїо э онъ са свимъ тихо; я нећу дакле то ни показати! Кадсте вы часть чишали, произведенїе видѣли, музїку чули, и їоштъ захтеваши можете, да я вами мои извѣтъ о томъ сказати морамъ: то бы я време и

пару

пару изгубїо, кадѣ бы я себе сѣ вама їошть далѣ упустїо.

Господина есть, како што я чуемѣ, нѣшто мало тешко удоволити, рекао э нѣки совѣтникѣ, кои се у разговорѣ помешати хтео, и коему су обадвоица млада Абдерити изѣ почитанїя мѣсто учинили. Мы имадемо овде у Абдери такожде ушеса! дозволявасе истина свакому нѣгова свобода, али и равно — „

„ Како? што? шта э овде? повикао э онаи кратки дебели совѣтникѣ, кои се такодже довалио; имали таи Господинѣ можетѣ быти што годѣ противо части ове доказати? тобисамѣ я радѣ чути! Ха, Ха, Ха! една отѣ найболи частей, такоми вѣрности! коя одавно на Θеатерѣ доведена нїе была! много акцїа много! — Хе, — Хе, — што я бесѣдимѣ! една прекрасна частъ! и красни моралѣ! „

Моя Господо, рекао э страни, я имамѣ моя дѣла. Ясамѣ овамо дошао, да бы малко отпочинуо; ясамѣ клепшао, како што земни обычай ссобомѣ доноситѣ, и быо бысамѣ опетѣ мирно и тихо путемѣ моимѣ отишао, кадѣ небису мене ова млада Господа овде усиляемимѣ начиномѣ принудила была, ныма мнѣнїе мое сказати.

„ Они

„ Они имутъ такожде совершено право къ тому, отговоріо э други совѣтникъ, кои у темелю нїе никакови велики почитатель Номофїлакса быо, и изъ полїтїчни узроковъ отъ нѣкоего времена на способъ вребао, нѣму каковимъ лепимъ начиномъ зло учинити. Высте майсторъ и познаватель музїке, како што се видитъ, и — „

Я по моему увѣренїю говоримъ, рекао э страни.

Абдерити окрестъ нѣга бывалису све гласнїи.

На послѣдокъ дошао э Господинъ Гриллусъ, кои э їоштъ изъ далека чуо быо, да э бесѣда о нѣговой музїки была, у собственому лицу къ тому. Онъ э имао нѣки сасвимъ своисапвенни начинъ очи скупити, носъ чачкати, и рамени сажимати, хункати и ракати, кадъ э онъ кому годь, съ коимсе у бесѣду упустїо, свое омерзѣнїе. їоштъ напредъ ощупити дати хтео. —

„ Тако? рекао э онъ, неима моя Композїцїа то щастїе Господину допастисе? Онъ э дакле майсторъ? Хе, Хе, Хе! разумѣва безъ сумнѣ сочиненїя вѣжество? Ха! „ —

То э Номофїлаксъ, „ рекао э нѣкто страному у ухо — да бы нѣга обявленїемъ високога достоинства овога мужа, о коего э дѣлу онъ тако неблагосклоно разсуждавао, на еданъ кратъ къ земли поразїо.

Страни учинїо э Номофїлаксу свои поклонъ, како што э у Абдери благонравїе било, пакъ э молчао.

Деде, ябисамъ радъ чути, штоГосподинъ противо Композїцїе довести имать? за погрѣшке музїкантовъ не дамъ ни едну добру рѣчь; али 100: драхмовъ за едну погрѣшку у цѣлой композїцїи! Хе, Хе, Хе! деде дай чути! „

Я не знамъ што Вы погрѣшками називате, рекао э страни; по моему мнѣнїю имать цѣла музїка, о коей э слово, само едну погрѣшку.

„ Истина есть? „ роптао э Номофїлаксъ носъ чачкаюћи —

Да э разумъ и духъ стїхотворца свудъ погрѣшителанъ, отговорїо э страни.

„ Тако? ништа далѣ? Хе, Хе, Хе, Хе! Я дакле стїхотворца нисамъ разумѣо? И то Вы знадете? мислите Вы, да мы овде такожде Гречески не разумѣвамо? Илисте можетъ быти стїхотворцу башъ у глави сѣдили? Хї, Хї, Хї! „

Я

Я знамъ, што я бесѣдимъ, рекао э страни; и ако то дакле башъ быти мора, евосе я нудимъ дакле, отъ стїха до стїха чрезъ цѣлу часть мои ивзѣтъ у Олїмпу предъ цѣломъ Грецїомъ показти.

„ То бы много обстоятелствъ чинило, „ рекао э политїчни совѣтникъ.

„ То нїе ни отъ потребе, рекао э Номофїлаксъ. Сутра полазитъ една лаћа у Аѳину; яћу писати на Еѵрїпїда, на самаго стїхотворца! послаћуму цѣлу композїцїу музїке! Я мислимъ, да Господинъ неће опетъ часть болѣ разумѣвати, нежели стихотворацъ самъ? Вы сви овде подписаћетесе аки свидѣтели. Еѵрїпїдъ самъ нека полно изреченїе учинитъ! „

Овай трудъ можете Вы заштедити, рекао э страни смѣюћисе; ербо, дабы той распри съ еднимъ словомъ конацъ учинили, Еѵрїпїдъ, на кога вы хоћете да пишете, — есамъ я самъ.

Измежду свїю возможнихъ хрћавихъ поступковъ, коихъ э Еѵрїпїдъ Номофїлаксу отъ Абдере задати могао, быо э безъ распрѣ овай найгори, да э онъ — у оному истому часу, кадсе на нѣга аки на еднога отсутствующега Апелїрало — у собственомъ лицу овде стаяо. Али тко бисе такожде

ед-

еднога оваковога ударца надати могао? Шта бы онь — Анувïе! у Абдери посла имао? и башь управо у оному часу, гдѣ бису радïе куряка видѣли были, нежели нѣга? Кадь бы онь, како штоби се нравнимь начиномь мыслити морало, у Аѳини быо, гдѣ онь и принадлежитъ — дакле бы све своимь порядочнимь путемь прошло было. Номофïлаксь бы свою Композïцïу съ краснимь писмомь снабдѣну, и нѣговому имену све нѣгове тïтуле и достоинства приложïо. То бы дакле што годь дѣиствовати морало! Еврïпïдь бы полни Атïчески отговорь дао было, Грïллусь бы нѣга по цѣлой Абдери читати дао: и тко бы нѣму онда побѣду о страному расприпелному учинити могао? — Али да э страни, носомудрый крïтïчни странный, кои э нѣму тако быстро башь у очи сказао — што у Абдери Номофïлаксу нитко у очи рекао небы, сказати смѣо — Еврïпïдь самь быо: ово э едань оваковихь случаевь быо, на кои едань мужь, како што э онь, себе приправна держао нïе, и коибы силань быо свакога другугога нежели — еднога Абдерита поругана учинити.

Номофïлаксь знао э себи помоћи; но между тимь э нѣга опетъ перви ударацъ на еданъ часъ забунïо быо. Еврïпïдъ! повикао

з онѣ, и отскочїо з три коракляя натрагѣ; и „ Евріпїдѣ! „ повикалису у тому истому часу полїтїчни совѣтникѣ, дебелый краткїй совѣтникѣ, обадвоица млада Господа, и сви окрестъ стоящи, гледаюћи сасвимѣ удивителне окрестъ, како да бы видѣти хтели, изѣ кога з облака тако на еданѣ кратѣ Евріпідѣ у среду между ны пао.

Человѣкѣ нїе никада несклони вѣровати, нежели кадѣ онѣ отѣ каковога приключенїя изненада посѣщенѣ будетѣ, на кое онѣ аки на неможну вещь никада помислїо нїе. — Како? то да будетѣ Евріпїдѣ? онай исти Евріпїдѣ, о коему з бесѣда бы. ла, кои з Андромеду сочинїо? на кога з Номофїлаксѣ писати претїо? — какосе то случити могло?

Полїтїчни совѣтникѣ быо з перви, кои се отѣ общега чуда опетѣ укрѣпїо. Щастно приключенїе доиста, повикао з онѣ, такоми Кастора! срећни случай, Господине Номофїлаксе; то не требуете дакле Вашу музїку преписати дати, и уцадиће те едну посланицу.

Номофїлаксѣ з цѣлу расправляему важность часа чувствовао; и ако з онай велики мужѣ, кои у оваковому расправляемому часу абїе на мѣсту ту едну страну уз-

 метѣ,

метъ, коя нѣга изъ тягости извуħи можетъ, тосе сказти мора, да э Грїллусъ велики способъ имао, великимъ мужемъ быти. „ Еѵрїпїдъ! повикао э онъ — Како? да э Господинъ на еданъ кратъ Еѵрїпїдомъ постао? Х, Хе, Х! Ово наумнѣнїе есть добро! Али мы насъ овде у Абдери не дадемо тако лагко церне за беле издати. „

То бы было смешно, ракао э страни, кадъ бы я себи у Абдери право о моему имену отети дати морао.

„ Опростите, мои Господине, умешаосе Сїкофантъ Трасилловъ у то, нїе право о Вашему имену, него право себе за Еѵрїпїда издавати, на когасе Номофїлаксъ позвао. Вы се можете Еѵрїпїдъ звати, али есте ли Вы онай истый Еѵрїпїдъ стїхотворецъ, кой э Андромеду сочинїо, то э опетъ други вопросъ. „

Моя Господо, бесѣдїо э страни, яħу све быти, штосе годь вами соизволѣва, ако вы мене само мирно отпустити хоħете. Я вами обѣщавамъ съ овимъ поступкомъ управо онимъ путемъ поħи, когаħу наħи, на ваша врата на полѣ, и Номофїлаксъ можетъ мене — контонирати, ако я икада мога живота опетъ овамо натрагъ доħемъ!

„ Не,

„ Не, не, не, повикао э Номофїлаксъ, то не идетъ тако фрїшко, Господинъ э себе за Евріпіда издао, а садъ кадъ већъ видитъ, да то башъ ніе шала, отустаетъ онъ натрагъ — Не! тако се мы ниемо ставили! Нека онъ покажетъ, да э онъ башъ Евріпідъ, или — тако се я Грїллусъ звао — „

„ Не моитесе едити Господине Колле-га, рекао э полїтїчни Совѣтникъ. Я истина нисамъ никаковихъ лицахъ познавателъ: али страни видитсе мени по свему совершено, да бы онъ Евріпідъ быти могао, и я башъ неизмѣнно совѣтуемъ полагано къ дѣлу ићи. „

„ Я се чудимъ, започео э еданъ изъ окрестъ стоящихъ, да се овде толико бесѣда изгубити можетъ, гдѣ цѣла распря у естъ, или ніе расправлѣна быти можетъ. Ето овде горе више вратахъ стоитъ образъ Евріпїда нрави сходанъ. Не требуете далѣ ништа гледати, неже ли ели странный овому образу равань? „

„ Право, право, повикао э мали дебели совѣтникъ; то э већъ еданъ кратъ бесѣда отъ еднога разумнога мужа! Ха, Ха, Ха! образъ! овде ніе никакови вопросъ, образъ мора полно изреченіе учинити — колико онъ говорити не можетъ Ха, Ха, Ха!

Окрестъ стоящи Абдерити смѣяли усе изъ свега грла о остроумномъ наумнѣнїю краткога округлога мужића, и полетило э све, што э ноге имало, къ вратма. Страни предао э себе добримъ начиномъ у свою судбину, дао э себе и съ предъ и съ остраг расмотравати, и часть по часть съ нѣговимъ образомъ сравнявати, колико су годъ они хтели. Али всуе! ово сравненїе нїе могло на нѣгову ползу произићи; ербо речени образъ изгледао э свакому другому человѣку или звѣру подобнїе нежели нѣму.

„ Но, повикао э Номофїлаксъ побѣдително — што можетъ Господинъ за свою обрану сказати? „

Я могу їошт нѣшто сказати (предначео э страни, кога э Комедїа ова башъ увеселявати започела) о чему отъ васъ ни еданъ мислити не являсе: колико э башъ права истина, да сте вы — Абдерити, а я Еврїпїдъ. „

„ Сказати, сказати! роптао э Номофїлаксъ; истина, можесе много говорити, Хе, Хе, Хе! и што можетъ Господинъ сказати? „

Я говоримъ, да овай образъ башъ са свимъ и отнюдъ Еврїпїду подобанъ нїе.

„ Не,

„ Не, мои Господине, то неваля да Вы говорите! Образъ есть еданъ лепъ образъ; онъ э отъ бѣлога мармора, како шшо видите, марморъ изъ Фароса такоми Юпїтера! и стоитъ насъ 100 готовихъ шпеціесъ Доріковъ, то Вы мени можете свободно вѣровати. Есть едно лепо рукодѣліе нашего градскога Ваятеля. — Еданъ разумни славни мужъ! зовемсе Мошїонъ — можетъ быти, да сте чули за нѣга? — Еданъ славни мужъ! И како шшо э реченно, сви страни, кои су годъ къ нами долазили, есу се о образу овому чудили! онъ э истинъ, то ми можете вѣровати! то Вы и сами видите, стоитъ подъ нимъ съ великима златнима писмени написано ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ. „

Моя Господо, рекао э страни, кои э сву свою природну постояность скупити морао, да небы изнемогао : смемли я само еданъ едини вопросъ учинити?

„ Съ драге волѣ, повикалису Абдерити.

На примѣръ, предначао э онаи, дигла бысе между мною и моимъ образомъ какова распря о томъ, тко мени наиподобніе изгледа — кому ћете вы радїе вѣровати, образу или мени?

„ То

„ То э нѣки смешни вопросъ: „ рекао э еданъ Абдеритовъ чешући себе изаушїю —, смешни вопросъ, такоми Юпїтера! повикао э други; узмитесе у паметъ, штаћете Вы отговорити, высокопочитаемый Господине Совѣтниче! „

Ели тай дебели Господинъ Совѣтникъ ове славне Републике? — запитао э страни съ поклоненїемъ — то молимъ за опрощенїе; я исповѣдамъ, образъ есть едно лепо углаћено рукодѣлїе отъ бѣлога Фарскога мармора — и ако онъ мени подобанъ не изгледа, то само отъ туду происходитъ, ербо э вашъ славни градски Ваятель образъ лепши начинїо, нежели што э естество само — мене. И то есть свагда доказателство нѣгове добре волѣ, и онъ свагда благодарность мою заслужава.

Овай Комплїментъ учинїо э велико дѣйство; ербосу то Абдерити отъ свѣта радо имали, кадсе съ нима фїно и любезно говорило „ Доиста мора то башъ Еврїпїдъ самъ быти, „ мумлалису еданъ другому у ухо, и дебелый э совѣтникъ самъ примѣтїо при їоштъ едномъ послѣ сравненїю образа съ странимъ, дасу браде една другой совершено подобно изгледале.

На

На щастіе дошао э Архонъ Онолай и нѣговъ синовацъ Онобулъ къ тому, кои э Еѵріпіда у Аѳини сто крати видѣо, и често съ нимъ говоріо. Радость младога Онобула о оваковому ненаданому снитію, и нѣгово постояно потвержденіе, да э страни башъ дѣиствително онай славни Еѵріпідъ, пресѣкло э на еданъ кратъ замершенно клубче, и Абдерити увѣрилису садъ еданъ другога: дасу они то башъ у первому взору ясно видѣли.

Номофілаксъ, кадъ э већь видѣо, да э Еѵріпідъ спроћу свога образа право задобіо, уклоніосе на страну отовуду. — Проклети ударацъ! роптао э онъ между зубамъ самъ за себе: къ чему э было отъ потребе то сакривати? Кадъ э онъ знао, да э онъ Еѵріпідъ быо, за што се онъ мени ніе обявити дао? то бы онда све са свимъ другіи измахъ добило!

Архонъ Онолай, кои э у оваковимъ случаямъ наимено честь града Абдере чинити обычествовао, позвао э странога стіхотворца съ великомъ любезностію гостолюбія право кодъ нѣга примити, и испросіо э равно отъ політічнога и дебелога Совѣтниковъ честь на вече кодъ нѣга доћи, кое су обадва съ великимъ увеселеніемъ примили.

Ни-

Нисамли я абїе помислїо? (рекао э дебели Совѣтникъ едному отъ окрестъ столящихъ) башъ тѣлесни Евріпїдъ! брада, носъ, чело, ушеса, и обрве, све на едну длаку! ништо се подобнїе видѣти можетъ! Гдѣ э за Бога Номофїлаксъ своя чувства имао? Али — естъ — естъ — онъ э чинимисе малко — Небо! Вы мене разумѣваше? — Cantores amant humores — Ха, Ха, Ха, Ха! — доиста! Іоштъ болѣ што мы Евріпїда кодъ насъ имадемо! што говоримъ я, еданъ славни мужъ такоми Іупїтера! Онъ нами много шале учинити будетъ! Ха, Ха, Ха! „

ГЛАВА СЕДМАЯ.

Како э Евріпїдъ у Америїку дошао, съ нѣколико тайныхъ извѣстїяхъ о двору царскому у Пеллу.

Колико э можно у само себи было, дасе Евріпїдъ у Абдери наћи нїе могао, и то башъ онако добро у таковому часу, кадсе Номофїлаксъ Грїллусъ на нѣга позвао; како годъ и на коему другому мѣсту — и колико э обикновенно таковимъ неожидаемымъ

мымъ появлѣнїямъ у Θеатру надаписе: то мы опетъ добро постижемо, кадсе таково появлѣнїе у Θеатру случитъ; да то сасвимъ другоячїи путь имать, кадсе едно оваково появленїе у Партеру случитъ и есть равно величеству повѣсти *) сходно, читателя споразумѣти, како э съ тимъ было. Мы ћемо све, што о томъ знадемо, вѣрно обявити, и ако бы остроумному читателю, несматраюћи на то, іошть какова сумня остала: тоби се морало само общега вопроса дотицати, коисе кодъ свакога приключенїя подъ и више мѣсяца учинити можетъ, наимено, за што на примѣръ башъ отъ едне мущице, и башъ отъ ове нераздѣлиме мушице, башъ у овому секунду — овому десетому мїнуту — овога шестога послѣ полдне часа, овога 10-го Августа — овога 1778 лѣта общега броя, башъ ова иста Госпожа или Господична отъ *** нїе у образъ, нити у леђа, лакатъ, груди,

*) Изреченїе, кое э не давно отъ еднога французскога писателя кодъ еднога оваковога способа употреблѣно было, да се оно већь за невозвращаемо срушено расмотрети можетъ, пакъ іошть у едной емѣшной игри претерпѣти есть.

ди, ніе у руку, нити у пяту, и: т: д: него башъ четири палца дубоко верху прегиби колѣна у бодена была, и: т: д: — и овде мы безъ страха исповѣдамо, да мы на ову рѣчь за што отговорити не знамо. Питаите Богове? моглибисмо мы всячески съ еднимъ великимъ мужемъ сказати: али будуѣи, да бы ово еданъ явни херои-чески отговоръ было, то мы за пристоиние держимо, вещъ ову своеволно у миру оставити.

Дакле — што мы знадемо. Краль Архелай у Мекдоніи велики любитель красних художестъ и красних — духовъ (како што су онда извѣстна унѣжнена чада естества именовали, и како што и данъ данашни свакога именуютъ, о коему се сказати не можетъ, што э онъ) — Овай Краль Архелай было э на тай помысль дошао, свой собственни Θеатеръ имати; и средствомъ нѣкоего скопчанія отъ обстоятелствъ, причинъ, средствъ и намѣреній, до коихъ више никому ништа быти не можетъ, есть Еврїпїда подъ весма предущаспнима уговори преволео съ еднимъ чопоромъ све избранихъ Актеровъ, Вїртуозовъ, зиждителей, иконописцевъ и Махїнистовъ, кратко сасвимъ што къ едному совершеному Θеатру при-

принадлежитъ, у Пеллу къ нѣговому двору доћи и правленіе верху новога дворнога Θеатра примити. На овому путешествію быо э садъ Еврїпїдъ сь своимъ цѣлимъ содружествомъ путующъ; и колико путъ преко Абдере нити э еданъ нити э най краћи быо, то э онъ нѣга опетъ предузео, ербо э волю имао, едну ради остроумія нѣзинихъ житель тако славну Республику собственима очима видѣти. Како се то случити могло, да э онъ у онай исти данъ онамо стигао, кадъ э Номофїлаксъ свою Андромеду перви кратъ дао; о тому не можемо мы, како што э реченно, никакови хесапъ дати. Такова приключенія случаваюсе више нежели што мы мыслимо, и нїе то найманѣ никаково веће чудо, нежели кадъ э и: п: млади Господинъ отъ * * * башъ у намѣренію быо чакшире навући на ноге, кадъ э изъ ненада нѣгова шивачица или прачка у собу ушла, свилене чоропе, кое э онъ нїози заплести послао быо, донести — кое э, како што и вы знадете, повода къ нѣкоему случайному приключенію было, кое э у нѣговой високой фамїлїи (сродству) найманѣ онолико велико движенїе проузроковало, како годъ и неожидаемо пришествїе Еврїпида у Абдеритскому Θеатру.

атру. Тко се о таковому чему чудити можетъ, неваля да се много на ΔAIMONIA разумѣва, како што овай исти Евріпидъ сказуетъ.

Прочее, кадсмо већь сказали, да э Краль Архелай велики любитель красныхъ художестъ и красныхъ духовъ быо, то опетъ неваля башъ тако описано и у точному разуму слова узети; ербо э то свойственно само еданъ начинъ тако говорити, и овай Господинъ нїе быо у темелю ништо манѣ нежели еданъ любитель красныхъ художествъ и красныхъ духовъ. Истина была э то: да э речени Краль Архелай отъ нѣкоего времена често дуго време имао — ербо нѣга све нѣгове прешашне забаве како што су ове — Ф * *, Г * *, Х * *, І * *, К * *, Л * *, М * *, и: т: д: нису далѣ забаляти могле. И преко тога быо э онъ еданъ Господинъ отъ великога честолюбїя (ambition) кои э себи отъ свога верховнога горнице дворянина сказати дао, да всячески подъ благопристойность еднога великога владѣтеля принадлежитъ, художества и науке подъ свое храненїе узети. Ербо, рекао э верховни дворянинъ, валя да э Ваше Величество примѣтило, дасе никада никакова штатуа, или

образъ

образъ каковога великога Господина на едной воспоминанїя монети (пѣнязю) и: т: д: не видитъ, на коего десной руцы неби Мінерва стаяла съ побѣдоносними знацы отъ оклоповъ, баряковъ, копїяхъ и ютренних звѣздъ — съ лѣва клечатъ свагда нѣколико крилати младихъ или до полакъ голихъ дѣвицахъ, съ кистью и палетомъ (иконописца перо и таблица) уголномъ мѣромъ, шестаромъ, свираломъ, цїтеромъ и съ еднимъ комадомъ савїена папура у рукахъ художества представляюще, кое себе у хранимость великога Господина равнѣ препоручуютъ: отъ озгоръ више ны трептитъ трубящи Ангелъ, (фама) съ трубою у устахъ, провозвѣстящъ, дасу кралѣви и князи себи чрезъ хранимость и покровителство, кое су они художествомъ способствовати дали, безсмертну славу задобили. и: т: д:

Краль э Архелай дакле художества у свою хранимость примїо: и къ слѣдству тога знадутъ наши повѣсти писатели и дуго и пространо о томъ исказати; колико э онъ правїо, и колико э онъ на иконописиство, ваятелство, на красне ћилиме (покровце) покућства потрошїо; и како э ово до саме угодности; кодъ нѣга Хетруріче-

рїчески бытн морало, и како э онъ славне художнике музїканте (вїртуозе) и красне духове къ двору своему позвао. и т: д: кое э све, говорятъ они, онъ найвише зато учинїо, ербо э нѣга то тиштало знакъ злочинства загладити, коимъ э онъ себи путь къ престолу, за кои онъ рожденъ нїе быо, раскрчїо — како што се изъ нынога баила више видѣти можетъ.

Послѣ овога малога заметка повраћамосе мы къ нашему Аѳинскому стїхотворцу натрагъ, когаћемо мы между сїятелнимъ кругомъ, Абдеритовъ и Абдеритскинахъ опъ первога достоинства, под еднимъ зеленимъ пафїлономъ или сѣницомъ у башчи Архона Онолауса застати.

ГЛАВА ОСМАЯ.

Какосе Еврїпїдъ съ Абдерити обходитъ. Они съ нимъ нѣко намѣреніе имутъ, при чемусе нынo полїтїчно усилѣніе у крѣлкои свѣтлости локазуетъ, и коеће нима їоштъ извѣстніе преуспѣти морати, ербо су све тяготе, кое они при томъ видятъ, само мечтаеме.

Естъ їоштъ горе сказано, да э Еврїпїдъ већъ одавно, колико непознанимъ начиномъ

код

кодъ Абдеритовъ у великои чести стаяо. А садъ, како э вѣкъ разглашео было, да э онъ башъ лично присутствующъ, было э савъ цѣли градъ у движенїю. Ни о чему нїе се говорило нежели о Еврїпїду. — „ Естели вѣкъ Еврїпїда видѣли? Како онъ изгледа? Имали велики носъ; Како носитъ главу? Какове очи имать? Онъ валя да све у сами стїхови говоритъ? Ели поноситъ? „ —

И стотину таковихъ вопросовъ чинилису еданъ другому хитрїе, нежели што э на само еданъ отговорити можно было, Либопытство, Еврїпїда видѣти, привукло э їошть и кромѣ онихъ, кое э Архонъ къ бы доћи молити дао, и друге разне кои нису звани были. Свесе збило — окрестъ доброга ћелавога стїхотворца, да бы су видѣли, едали онъ башъ онако изгледа, како штосу они нѣга себи представляли, да онъ быти мора. Красне особито изъ между Госпожахъ являлесусе весма удивляваши, да э онъ найпослѣ башъ онако исто, како годь и други человѣкъ изгледао. Друге су примѣтиле, да онъ много ватре у очима имать; и красна Трїалліа пришаптала э до себе стоящей у ухо, видитсе много на нѣму, да э онъ совершени

жен-

женски непріятель *) она э ово примѣчаніе учинила сѣ нѣкимѣ произношеніемѣ, отѣ напредѣ добїенога увеселенія, о побѣди, коюи э она себи о томѣ обѣцала, ако еданѣ овакови явни непріятелѣ нынога поколенїя силу нѣзинихѣ раздраженіяхѣ будетѣ признати морао.

Глупостѣ иматѣ свое слабости тако испо добро, како годѣ и разумѣ, и тко у томѣ до самога излишнога безобразїя иѣи можетѣ, естѣ што годѣ славно у овому начину досегнуо, кое э свагда за разумне люде еданѣ изговорѣ увеселенія. Абдерити ималису щастїе у притяжанію овога совершенства быти. Нына лудостѣ учинила э странога сѣ почетка кадѣ кадѣ нестерпѣлива; али како се видѣло, да э она тако сасвимѣ изѣ едне части была, и (равно зато) толико много повѣренія и добросердечности у себи имала, тосе абїе и примирило сѣ ныма опетѣ, и увеселило честократно болѣ сѣ нииомѣ простотомѣ нежели сѣ другихѣ людей остроумїемѣ.

Еврїпїдѣ нїе цѣлога свога живота у овакому доброму нраву и воли было, како што

*) Есть познато, да э овай гнусни порокѣ Еврїпїду, хотя незаслуженимѣ начиномѣ, нѣму ову кривицу дао.

што э при овому Абдеритскому обѣду. Онъ э на свс ныне вопросе съ великомъ любезностїю отговарао, смѣяосе о свима нынима гладкима наумнѣнїяма, достойно э свакога толико высока быти, како годъ што э и самъ себе, удостоявао, и изясніосе о ныному Θеатру и музїкалному существу тако праведно и достойно, да э сватко съ нымъ совершенно удоволянъ быо. —

„ Еданъ славный гость! пришаптао э полїтїчни совѣтникъ Госпожи Салабанди, коя э выше нѣга сѣдила, у ухо; тай поступаетъ полагано! „ — „ И тако любезно, тако кротко, како да онъ нсби разумна глава быо, „ отговорила э Салабанда. — Смѣли мужъ отъ свѣта, такоми Юпїтера! рекао э кратки дебели совѣтникъ при устаяню отъ астала; весма кратковасни мужъ! я небы нѣму вѣровао, такоми душе! „ — Госпоже, кое э онъ за красне и лепе нашао, быле су зато отъ више любезне, и чиниле су тако, како да оне нѣга у 20-тъ година млаѣега налазе, нежели што есть; кратко, были су сасвимъ отъ нѣга обчинѣни, и сожиловалису само, да честь и радость нѣга у Абдери видѣти неѣду дуже имати. Ербо э Еврїпїдъ при томъ остао, да се онъ задержавати не можетъ.

Напослѣдокъ узела э Госпожа Салабанда полїтїчнога совѣтника и младога Онобула на страну. „ Што мыслите, рекла э она, кадъ бысмо мы нѣга на то склонити могли, да онъ нами свою Андромеду представитъ? Онъ имать свое собственно содружество съ собомъ. То мораю сасвимъ чрезвичаини Актери быти. „ — Онобулъ нашао э ово наумнѣнїе божественно — „ Ясамга башъ самъ у памети имао, рекао э полїтїчни совѣтникъ и быосамъ у намѣренїю вами предложити. Алиће овде тяготе быти. Номофїлаксъ — “ „ О зато э моя брига, рекла э Салабанда; яћу нѣму дати ватре! „

„ За мога стрица стоимъ я добарь, рекао э Онобулъ, и їошћу я ову нощь между нашими младими людми еданъ чопоръ задобавити, коиђеду ларме доволно по граду чинити.

Само не тако нагло, мумлао э полїтїчни совѣтникъ главомъ машући; мы нећемо отъ тога ништа примѣтити дати! Наипре валя мѣсто добити, и полагано на нѣга ступити! то э оно, што я свагда говоримъ. „

„ Али,

„ Али мы не имамо времена изгубити, Господине Жабару *) Евріпидъ хоће да отлазитъ.

„ Мы ћемо нѣга удержати, рекла э Салабанда. Онъ сутра кодъ мене быти имать — една взаимность и сви наши красни младићи къ тому позвани — пустите вы само мени пословати; пакће то доиста све щастно поћи.

Госпожа Салабанда была э держанна у Абдери за весма мудру Госпожу. Она э весма у полїтїки яка была, и имала э велику власть на Архона Онолаа. Священноначалникъ быо э нѣзинъ стрицъ, и 5: или бтъ Совѣтниковъ, кое э она у своему сродству броила, давалису рѣдко каково друго мнѣнїе у совѣту отъ себе, нежели оно, кое э она ныма у вече предъ тимъ уточила. И преко тога стоялису нїози милотницы лепе Трїаллїе, съ коїомъ э она у весма скопчаному повѣренїю живила, сасвимъ на службы; не говорећи ништа о нѣзини соб-

 ствен-

*) Овай совѣтникъ быо э еданъ отъ надзирателей освященнога Жабняка, кое э у Абдери велико мѣсто достоинства было. Нихъ су Ватрахотрофанти називали, кое се Славенски весма лепо чрезъ Жабъ Хранителя издати можетъ.

ственни, коихъ э она свагда нѣколико имала, коису у надежди служили и тако прегибаеми были, како годь рукавице. Домъ нѣзинъ, кои э между нийболѣ у граду принадлежао, быо э оно мѣсто, гдѣ су сва дѣла приуготовляна, сва дѣла совершавана, и сва избранія у чистоту довождена была; еднимъ словомъ, Госпожа Салабанда чинила э у Абдери, све што э хтела.

Еуріпідъ, безъ найманѣга намѣренія употребленіе отъ важности ове Госпоже учинити, умиляваосе ову вечерь кодъ нѣ тако добро, башъ како да бы онъ найманѣ жабохранителства чинъ кодъ жабняка имао. Ели она какову политічну притчу, аки помисль представила, то э онъ нашао, да э то нѣко весма остроумно примѣчаніе; ели она Сімоіда или Омира позвала, то се онъ чудіо о нѣзиному дару спіхове читати. Она э нѣга изъ нѣколико мѣста нѣговога списанія послужила, коя су нѣга у Аѳини у зли гласъ женскога непріятеля ставила; и онъ э между коимсе онъ спроћу нѣ и лепе Тріалліе поклоніо, увѣріо, да э то само нѣгово нещастіе, што онъ преће у Абдеру дошао ніе. Кратко онсе тако обходіо, да э Госпожа Салабанда готова была буну дигнути, ако небы нѣзино съ

полі-

полїтїчнимъ Ссвѣтникомъ сплетено намѣреніе каковимъ мягкимъ средствомъ произведенно быти могло.

Нису дакле пренебрегавали прѣе свїю вещи Архона дочепатисе, кои э, како обикновенно, и скоро предобїенъ быо, кадъ э нѣму само сказанно, дасе вещь какова Республики Абдери на велику славу относитъ, и народу весма угодна быти хоѣе. Али будуѣи да э онъ еданъ Господинъ быо, кои э свой покой любїо, то э онъ себе изясніо: да онъ то ныма предаетъ све у пристойне путове довести, онъ отъ свое стране нїесе радъ ни съ кимъ тога ради вадити, а найманѣ съ Номофїлаксомъ, кои э само еданъ гробїянъ и между народомъ много помогача (прилѣпниковъ) имать — „ Ради народа Ваша честность да не имать никакове бриге, пришаптао э нѣму Совѣтникъ; тоѣу я преко трѣе руке вѣкъ согласити дати онако, како мы икадъ желити можемо. „ —

„ А я, рекла э Салабанда, примамъ све Совѣтнике на себе„ — видиѣемо, рекао э Архонъ повратившисе у содружество на трагъ „ Будите само мирни, рекла э ова Госпожа Совѣтнику, узимаюѣи нѣга на страну: я познаемъ добро Архона. Кадъ

нѣга

нѣга имати валя, то валя съ нимъ само у вече о каковой вещи говорити, и ако э онъ сказао: не, уютру опетъ къ нѣму доћи, и уста много искривећи, тако говорити, како да э онъ башъ естъ сказао, и нѣму притомъ показати, дасмо доброга слѣдства већъ извѣстни: ондасе можетъ на нѣга ослонити, како годъ на само злато- То нїе перви кратъ, дасамъ я нѣга на овай начинъ добила. „

„ Высте една дерзновенна Госпожа, предначео э Господинъ жабаръ, куцаюћи ню полагано по округлой мишицы — што Вы полагано поступате! — али ћесе примѣтити, да мы штогодъ у намѣренїю имадемо — и то бы могло убиточно быти — мы морамо полагано поступати „

У овому часу дошлесу едно две Абдериткинѣ на то, коимасу скоро све проче изъ содружества слѣдовале, да бысу чуле, о чему э бесѣда. Полїтїчни Совѣтникъ уклонїосе абїе отъ овудъ.

„ Но, каковамсе допада Еврїпїдъ? рекла э Госпожа Салабанда; нїели истина, то э еданъ мужъ? „

О! преизрядни мужъ, повикалесу Абдериткинѣ.

Само

Само шкода, што э тако ѣлавъ — додала э една къ тому; и да нѣму еданъ паръ зобовъ фали, рекла э друга.

Лудо, та съ тимъ їоштъ манѣ можетъ онъ тебе угристи, рекла э трећа; и будући да э ово остроумно наумнѣнїе было, то смѣялесусе оне све сердечно о томъ.

Ели онъ већь оженѣнъ, запитала э една млада вещь, коя э тако изгледала, како да бы она само за едну нощь као печурка изъ землѣ израсла была.

Тибисига, можетъ быти, радо имала? отговорила э друга Господична поругателнѣ; я мислимъ, да онъ већь праунуковъ за женидбу иматъ.

О! таковећу я теби препоручити, рекла она угризаемо, и овай удараџъ быо э їоштъ благообразни, ербо э реченна Господична, коликосе она тако млада као дѣвица отъ 18тъ лѣта учинила, найманѣ своихъ пунихъ 35. у репу носила.

„ Дѣцо, пресѣкла э ны Госпожа Салабанда, отъ свега тога нїе садъ бесѣда. Есть што годь сасвимъ друго на поняви. Какобисе вами допало, кадъ бы я овога страннога Господина преволѣла нѣколико дана овде остати, и нами съ дружствомъ,

кое

кое онъ съ собомъ имать, едну своихъ Комедіяхъ представити.

О то э славно, повикалесу Абдериткинѣ све играюћи отъ радости, о есть, кадбысте Вы то учинити могли!

„ Тоћу я учинити моћи, рекла э Салабанда; али и вы еве мораше къ шому по моћи! „

О хоћемо, о хоћемо зборилесу Абдериткинѣ; и полетилесу у полному чопору на Еврїпїда онамо, и повикалесу све на еданъ кратъ: О есть Господине Еврїпїде, Вы мораше намъ едну ваших Комедіяхъ представити! мы не дамо Вамъ отићи, докле Вы намъ едну Комедїу не играше. Ели истина? Вы намъ већъ обѣщавате?

Овай сирома человѣкъ, коему э ова бѣда на вратъ дошла, башъ како сосудъ пунъ воде преко главе, уступїо э едно два корачая напрагъ, и увѣрїо э ны, да то нѣму у паметъ нїе никада дошло у Абдери Комедїу чинити, онъ мора путешествїе свое ускорити и: т: д: али то све нїе ништа помогло — О Вы мораше, повикалесу Абдериткинѣ, мы Вамъ мира не дамо; Высте отъ више учтиви, нежели да бы Вы намъ шпогодъ украшити хтели. Мы ћемо Васъ шако лепо молити. —

„ Доп-

„ Доиста, рекла э Госпожа Салабанда, мысмо нѣко намѣреніе на Васъ учинили — и оно неваля дасе учини, рекао э Онобулъ на то, илисе я нећу Онобулъ звати.

Шта э то? шта э то? запитао э політїчни совѣтникъ, кои э незнающега чинїо, между коимъ э онъ полагано и нетренућимъ взоромъ онамо се привукао, шта имадете съ овимъ Господиномъ у намѣренію? — Кратки дебели совѣтникъ пришуњюсе такожде овамо. „ Я мыслимъ, башъ дабы тако наказанъ быо! Вы хоћете све на еданъ кратъ нѣгово сердце съ арестомъ да покриете, Ха, Ха, Ха! „ — викао э онъ и смѣяосе тако, да э обадве стране тербуха держати морао. Нѣга су споразумѣли, отъ чега э овде бесѣда. — „ Ха, Ха, Ха, Ха! Еданъ прекрасни помисль! такоми Юпїтера! туђу и я башъ извѣстно доћи; то вамъ обѣщавамъ! Учитель самъ! то мора труда достоино быти, Господине Еѵрїпїде велика честь! можемо насъ свободно за благощастне цѣнити, да ћеду наши люди отъ тако разумнога мужа шгодъ ползоватисе! — Іошшъ едно двоица знатне Господе учинилису нѣму отъ прилике оваковый исти компліментъ.

Eu-

Еврїпїдъ, хотя онъ ово наумнѣнїе нїе башъ за хрѣаво нашао себи ово увесељенїе съ Абдерити учинити, чинїо э їошть свагда чудящега и съ тымъ себе извињавао, да э онъ Кралю Архелау обѣщао путешествїе свое ускорити.

„ Хе, шта? рекао э Онобулъ, Вы сте Републиканъ, и Республика имать ближе право на Васъ. „

„ Скажите Вы Кралю само, говоркала э лепа Мїрїсъ, дасмо мы Васъ тако лепо молиле. Онъ мора славни Господинъ быти. Онъ Вамъ неће то за зло примити, да Вы шестми женами на еданъ кратъ то украшити нисте могли. „

О ты, Твране боговъ и человѣковъ, Аморе! повикао э Еврїпїдъ у гласу Трагедїе гледаюћи равнѣ на красную Трїаллїу.

„ Ако э то Ваше постоянство, рекла э Трїаллїа съ указиванїемъ онаковога лица, кое навикло нїе нити отбїяти, нити отбїенимъ быти; ако э то башъ ваша постояность, то покажите Вы ню съ тимъ, дасе Вы отъ мене умолити дате. „

Ова рѣчь отъ ове разсердила э друге Абдеитскинѣ. Мы нећемо тако неразумне быти, рекла э една, коя э скупила устне и на страну гледала — неваля отъ тога Господина

дина отимати оно, што нїе могуће, рекла э нѣка другa.

Да бысамъ Вамъ увеселенїе учїнїо, мое красне Госпоже! рекао э стїхотворацъ, могло бы мени неможное можно быти.

А будући да э ово славно наумнѣнїе было, то се ово дакле обще допало. Онобулъ быо э скоро съ своїомъ запискомъ на полю, да бы себи овай помисль забележїо. Жене и дѣвице бацилесу нѣки погледъ на Трїаллїу, башъ како да бы сказати хтеле: Ето! онъ намъ э вѣчь лепо обѣщао! Госпожи не требуется толико много на нѣзину красну фїгуру ни мечтавати; онъ намъ за любовъ тако исто добро, како годь и нїози остаетъ овде.

Салабанда учинила э на послѣдокъ цѣлому дѣлу конацъ, испросивши себи само ту поволность, да бы онъ ноїози и нѣзинимъ прїятелѣмъ, коису сви вообще нѣгови велики почитатели, за любовь, само їоштъ сутрашни данъ поклонити изволѣо. Будући да Еврїпидъ бащъ темелно спѣшити имао нїе, то се онъ дуго ни молити дао нїе таково понудѣнїе примити, кое э нѣму красне прикладе кь — смешнима играма за дворъ у Пеллу обѣщавало. И тако разишлосе содружество на честь уютру кодъ

Го-

Госпоже Салабанде опетъ видѣтисе, около полнощи у свестрастнному удоволствїю, сви во своя.

ГЛАВА ДЕВЕТАЯ.

Еврїпїдъ разгледа градъ, чинитъ себе съ священикомъ Штробиломъ познана, и разумѣва отъ нѣга повѣсть Латонинихъ жабахъ. Примѣчанїя достойный разговоръ, коисе при овому словосу между Демокритомъ, священикомъ и стїхотворцемъ случїо.

Между шимъ повео э Онобулъ, у содружеству нѣколико младе Господе, нѣговога нрава и возраста, свога госта свуда по граду, да бы нѣму све оно, шшо э у нѣму примѣчанїя достойно, показао. На путу сусрѣо э ны Демокритъ, съ коимъ э Еврїпїдъ вечь одавно познанъ быо. Пошлису дакле сви заедно: и будући да э градъ Абдера доволно пространъ быо, тосу дакле обадвоица старцы доволно способа имали отъ ове младе Господе шпогодь ползоватисе, коису свагда уста отворена держали на све отговорити и растравити, свесу знали, и помислити себи нису дали, да э

имъ

имЪ подобніе у присутствію оваковихЪ мужевЪ и пристойніе слушати, нежели говорити.

ЕврїпїдЪ имао э дакле овога ютра доволно слушати и гледати. Млади Абдерити, кои нису никада далѢ, нежели до крайнѢга забране дребета нынога отечественога града дошли были, бесѢдилису о свему, што су они нѢму показивали, аки о чудесѢхЪ, коя башЪ себи равности не имѢютЪ. ОнобулЪ спроћу тога, кои э велико путествіе учиніо, сравнявао э све сЪ онимЪ, што э онЬ у овому истому виду у Аѳини, Корінту и Сїракузи видѢо, и довео э у нѢкоему лудому гласу извиненія множество смешнихЪ причинЪ, за што ове вещи у Аѳини, Корінту и Сїракузи красніе и велелѢпніе бываютЪ нежели у Абдери.

Млади Господине! рекао э ДемокритЪ, есть лепо, да Вы ВашЪ отечественни и матерни градЪ у чести имате, али ако Вы намЪ о томЪ доказателство дати хоћете, то оставите Вы Аѳину, КорінтЪ и Сїракузу изЪ игре. Да узмемо сваку вещь онако, како што э она, и никакова сравненія, то онда не требуемо такожде ни извиненія.

ЕврїпїдЪ нашао э све, шпосе годЪ нѢму показало, за весма примѢчанія достоино,

а тако э башъ и было! Ербо су нѣму показали бїблїоѳеку, у коеи э много неполезни и нечитани книга, еданъ новацахъ Кабїнетъ, у коему э много олупаней пѣнязыхъ, едну богату болницу, у коеи су много зло снабдѣвани сиромаха: еданъ оружїя домъ, у коему э мало оружїя, и еданъ бунаръ, у коему э їоштъ манѣ воде было. Показалису нѣму такожде и домъ градскога совѣта, гдѣ э добри градъ Абдера тако добро совѣтованъ быо, храмъ Ясоновъ и позлащену овнову кожу, кою су они, хотя э веѣь злата мало на ноьйзи видѣти было, за оно славно златое руно издавали. Узелису такожде и стародревни тавни храмъ Латоне у очи, и надгробное знаменїе Абдеруса, кои э, како штосе сказуетъ, наипре градъ оваи создао, и Галлерїу, гдѣ су сви Архонти отъ Абдере у тѣлеснои величини изображени стояли, и сви еданъ другому тако подобно изгледали, башъ како дабы наслѣдни свагда равни образъ предидущега быо. На послѣдокъ, кадсу веѣь све видѣли, отвелису ны такожде на освященни жабнякъ, гдѣсу на общему градскому трошку наивеѣе и наитолстїе жабе кормлѣне быле, кое сусе икадъ видѣти могле; и кое су, како што э священникъ Штробилъ башъ

по-

постояно увѣравао, у правои лїнїи отъ Лїкїйскихъ земледѣлцевъ происходиле, кои заблужденнои, нигдѣ покоя обрѣтаемои, и отъ жажде скоро исчезаемои Латони нису дозволѣти хтели изъ нѣкоего нимъ принадлежащаго бокола воде напитисе, и за то отъ Юпїтера за наказанїе у жабе претворени были.

О Господине священоначалниче! бесѣдїо э Демокритъ, искажите опетъ овому страному Господину повѣсть овихъ жабахъ, и како се то случило, да э освященни Жабнякъ изъ Лїкїе преко Іонскога моря овамо у Абдеру пренешенъ быо, кое э, како што Вы знадете, еданъ велики протегъ пута преко сувихъ земель и моряхъ чинїо, и ако се тако рећи смѣе, скоро їошть едно веће чудо, нежели башъ само Жабовоплощенїе Лїкїйскихъ земледѣлцовъ.

Штробилъ э Демокриту и страному съ нѣкимъ замишлѣнимъ взоромъ у очи погледао. А будући да онъ у таковима нїе ништа видѣо, што бы нѣга извѣстило было, ны за поругателѣ изяснити, кои небы заслужавали къ оваковима чести доспойнима таинствамъ припущени быти: то э замолїо онъ ны, да бы они подъ едномъ великомъ дивїомъ смоковницомъ сѣли, коя э

едну

едну страну малога Латоне храма засѣнявала, и исказао э ныма за тимъ съ онаковомъ истомъ простосердечностїю, съ коиомсе повседневна приключенїя исказапи могутъ, све што э онъ о овои вещи знати вѣровао.

Повѣсть Латонине службе у Абдери, рекао э онъ, губится у темности сѣдыя древности. Наши предцы, сирѣчъ старїи Ѳивїане, кои сусе отъ прилике преѣе 140 лѣта Господаромъ отъ Абдере учинили, нашлису ню вещь отъ неизчислимихъ временъ уведену; и овай овде стоящи храмъ есть можетъ быти еданъ отъ наидревнихъ у свѣту, како што и Вы сами изъ нѣговога вида и начина и другихъ знаменїяхъ високе древности заключити можете. Ние, како што Вы знадете, дозволѣно съ казни достойнимъ предостроумїемъ святи покривачь дигнути, кога э време начало и происходъ боговъ и ныне служе бацило. Свесе губитъ у временамъ, гдѣ вѣжество писати їоштъ ние изобрѣтено было. Али усиѣменно преданїе, кое э отъ отца на сына чрезъ толико много вѣкова пресаѣивано и сохраняемо было, попунява недостатокъ писменихъ извѣстїяхъ выше, нежели обилно и чинитъ, тако да рекнемъ, едно живо

извѣ-

извѣстїе, кое се мертвому писмену їошть праведно предпочитуетъ. Ово преданїе говоритъ: Кедсе предупоменуто премѣненіе Лікійскихъ земледѣлцовъ случило, нїесу окрестни жители, и нѣкои башъ отъ реченнихъ земледѣлцевъ самихъ на беззаконїю прочихъ никаковога участїя примили аки свидѣтели бывшега чуда, коису Латону съ нѣзинима їошть на сиси бывшими близнецы Аполломъ и Дїаномъ за Божество признали, на потоку гдѣ се претворенїе случило, еданъ олтаръ воздвигли, такожде предѣлъ и шушицу, коя э потокъ окружавала, за едну сѣницу посвятили. Земля звалассе їошть онда Мілліа, и у жабе претворени земледѣлцы былису дакле — свойственно говореѣи Мілліани; кадъ э обаче дуго времена за тимъ Лікусъ, Пандіона второга сынъ, съ нѣкомъ Атіческомъ колонїомъ ове землѣ дочепаосе, добила э она име отъ нѣга Ликія и старїе име изгубилосе съ тимъ сасвимъ. При овому способу изосставилису жители предѣле, гдѣ э олтарь и сѣница Латоне стаяла, ербо се они Господарсшву речене Лікіе нису подложити хтели, свое отечество, сѣлису на лађе, блудилису за нѣко време по Егейскому морю, и окуѣили сусе на по.

слѣдокъ у Абдери, коя э у кратко предъ тимъ скоро сасвимъ отъ куге опустѣна была. При ныномъ отходу нїе печалило ны, како што преданїе говоритъ, ништа тако силно, нежели штосу они освящену сѣницу и жабнякъ изасебе оставити морали. Мыслилису сѣмо и овамо, и нашлису найпослѣ, да найболѣ бы было, нѣка млада дрвета изъ реченне сѣнице съ кореннѣмъ и землїомъ, и едно число жабахъ изъ сказанога святога жабняка у едному полному свяше воде буретту съ собомъ узети. Абїе како су они у Абдеру достигли, было э ныно перво попеченїе еданъ нови жабнякъ ископати, кои э овай исти, кога Вы овде предъ очима видите.

„ Они су увели еданъ потезъ (отокъ на страну) рѣке Нестуса у нѣга, и учредилису нѣга съ потомцы у Жабе претворенихъ Лїкїянъ или Мїллїянъ, кое су они у освященней води съ собомъ донесли. Около новога жабняка, коемусу они прилѣжно совершени видъ и величину старога дали, насадили су они она съ собомъ донешена свята дрвета, посвятилису ны на ново за Латоне сѣницу, создалису нѣойзи оваи храмъ, и уредилису еднога священника, кои службу у таковому снабдѣвати и сѣни-

цы

цы и жабняку служити имать, кои сусе на оваи начинъ безъ таковога великога чуда, како што э Господинъ Демокритъ за нужно держао, изъ Ликіе у Абдеру пренешене нашле. Оваи храмъ, лѣсъ и жабнякъ содержаваосе средствомъ страхопочитанія, когасу башъ и окрестни диви Θракіери за такови имали, чрезъ сва премѣненія и нещастія, коима э Абдера у слѣдству подлежала, докле градъ ніе послѣ отъ Θивіанъ нашихъ предковъ у време великога Кира опетъ воздвиженъ, и како штосе безъ величанія рећи можетъ, къ онаковои слави опетъ воздвигао, да онъ никакове причине не имать нигдѣ какови други на свѣту ненавидѣти. „

Вы бесѣдите како еданъ истини патріотъ (любитель отечества) Господине верховни священниче, рекао э Еврипідъ, али ако бы дозволѣно было еданъ разумни вопросъ учинити —

„ Вопрошаваите — што годъ хоћете, отговоріо э Штробилъ; я благодареніе Богу нећу никада забунѣнъ быти опивѣтъ нато дати. „

Съ Ваше Честности дозволеніемъ дакле! — предначео э Еврипідъ далѣ — цѣли евѣтъ познаетъ племенити мнѣнія начинъ,

и любовь къ велелѣпїю и краснимъ художествамъ, кои э Θивїанскимъ Абдеритомъ своиственъ, и отъ чега нынъ градъ свуда примѣчанїя достоинѣйша доказателства представляетъ. Како дакле то быва, да онда Θивїяне вечь отъ древнихъ временъ у гласу особнога страхопочитанїя за Латону стоятъ, да Абдерити на таи помисль дошли ни су нїози какови лепши и знатни храмъ создати?

„ Я самсе ове укоризни надао, “ рекао э Штробилъ съ онаковимъ осмѣяньемъ, при коему э онъ обрве узвилошїо, и силно мудръ явитисе хтео —

То нече никакови прекоръ быти, оттоворїо э Еврїпїдъ, него само еданъ разумни вопросъ.

„ Я чу нега Вамъ отговорити, рекао э священикъ. Безъ сумнѣ было бы Республїки весма лако Латони, аки Богини первога достоинства, еданъ тако велелѣпни храмъ создати, како што э она и Язону, кои э само Херои быо воздвигла. Али э она съ правомъ вѣровала, да э страхопочитанїю, кое смо мы Матери Аполлона и Дїане дужни, умѣренїе нѣзинъ древни храмъ тако оставити, како што су га и нашли; и онъ остаетъ несматраюћи на све то, верховнѣйши

нѣиши и святѣиши храмъ отъ Абдере, башъ да бы священникъ Язона што му драго на противъ тога довести могао. „

Штробилъ э изговорїо ово послѣднѣ съ такомъ ревностїю и нѣкимъ Creſcendo il forte, да э Демокритъ за нужно нашао нѣга увѣрити, да э ово найманѣ кодъ свїю здравомислящихъ една расправлѣна вещь.

„ Но между тимъ предначео э Священ-ноначалникъ далѣ, есть Республїка равно такова доказателства свога особнога почитанїя за храмъ Латоне и нѣгово достоянїе учинила, да противо ясности нѣзинихъ намѣренїяхъ ни наименя сумня остати не можетъ. Она нїе само за совершиванѣ службе соборъ отъ 6-тъ священниковъ, коихъ началникъ быти я недостоинимъ образомъ честь имамъ, него їошпъ изъ среди сената три назирателя освященнога жабняка уредила, отъ коихъ э перви свагда еданъ отъ старѣишинъ града. Есть, она э їошпъ изъ подвизателнихъ причинъ, коихъ правилность распрителну учинити нїе више свободно, урежденїе жабахъ Латонина жабняка, на сву зверчадъ ове версте у цѣлои своеи держави простерла; и къ овому намѣренїя концу, цѣло поколенѣ родахъ, жаралхъ

лахъ и свію другихъ жабїйхъ непрїятелеи, изъ своихъ предѣловъ исперала. „

Кадъ увѣренїе, да то нїе дуже свободно о правилности овога поступка сумняти, мени языкъ неби везало, рекао е Демокритъ, то бы я себи свободу узео опоменути, да таковое выше у едной, истина у само себи славной, али опетъ до краинѣга дотераной Диисїдемонїи *) нежели у естеству вещи или страхопочитанїи, коесмо Латони дужни, основано быти является. Ербо доиста ништа извѣстиїе нїе, нежели даѣдусе жабе у Абдери и у окрестному предѣлу, кое су жителѣмъ вечъ на тяготу временемъ подъ оваковимъ храненїемъ тако излишно умножити, да я башъ не постижемъ, како ѣдусе наши потомцы съ нима слагати моћи. Я овде само человѣческимъ начиномъ говоримъ а мнѣнїе мое извѣту старѣйшинахъ подлажемъ, како што свакому правомыслящему Абдериту пристоитъ.

У

---

*) Павелъ Апостолъ послужавасе онога отъ ове рѣчи производимога прилагателнога имене: ербо онъ Аѳиняне, Іронски или наймане двоезначнимъ образомъ ради нынога безпредѣлнога законолюбїя хвалити является. Дѣянїй Апост: ! XVII. 22. можется боговъ или демоновъ страхъ превести.

„ У тому Вы добро чините, рекао э Штробилъ, можетъ то Ваша постояность быти или не, и Вы ћете, немоитеми за зло примити, їоштъ болѣ чинити, ако Вы такова мнѣнїя башъ отнюдъ и не разгласити дадете. А проче ништо посмѣятелнїе быти не можетъ, нежели отъ жабахъ боятися; и подъ покривателствомъ Латоне можемо мы, мыслимъ я, погибленїе непрїятелѣ злобити, нежели што бы ова добра невина зверчадъ быти могла, ако они башъ и наши непрїятели будутъ.

То бы я такожде мыслити имао, рекао э Еѵрїпїдъ. Я се чудимъ, како едному овакому великому естества испитателю, као што э Демокритъ, непознано быти можетъ, да су жабе, кое се съ цервми и пужићи кормятъ, человѣку много полезнїе нежели убиточнїе.

Священикъ Штробилъ примїо э ово примѣчанїе тако добро, да э онъ отъ овога часа еданъ високи благодѣтель и снискатель нашега стїхотворца постао. Едва што сусе Господа съ нимъ опростила, то отишао э онъ у нѣкои найболихъ домовъ, и увѣрїо э, да э Еурїпїдъ еданъ мужъ отъ великихъ заслугъ. „ Я самъ весма добро примѣтїо, рекао э онъ, да онъ съ Демо-

кри-

критомъ башъ наиболѣ у любови не стоитъ; онъ э нѣга еданъ или два кратъ здраво ћушїо, онъ э доиста еданъ красни разумни мужъ — за еднога стїхотворца. „

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сенатъ отъ Абдере даетъ Еврїпїду нелитаюћи зато, дозволенїе едну своихъ Комедїахъ на Абдеритскому Θеатру произвести. Маистория, съ хойомсе Абдеритска Канцеларїа у оваковому случаю сломоћи обычествуетъ. Лукаво обхожденїе Номофїлакса. Примѣчанїя достоини начинъ Абдеритовъ, комугодъ кои нима на луту стоитъ, сваку ломощь учинити.

Послѣ како э Еврїпїдъ истина знаменїя и совокупне примѣчанїя достоине вещи отъ Абдере видѣо, отвелису нѣга у башчу Салабанде, гдѣ э онъ совѣтника нѣзинога супруга (онаковога мужа, кои э само чрезъ супругу свою знатанъ постао) и едно велико содружество Абдеритскога Beau Monde застао, сви весма любопитни видѣти како се то учинило, Еврїпїдомъ быти.

Еврї-

Евріпідъ видѣо э само едно средство себе съ честію изъ вещи спасти; и то э было — у оваковому доброму Абдеритскому содружеству не Евріпідомъ — него башъ Абдеритомъ быти, колико э нѣму годъ могуће было. Ови добри люди чудилисусе нѣга тако равнообразна съ ныма самимъ обрѣсти. То э еданъ славни мужъ, реклису они; могло бысе мыслити, да э онъ цѣлога живота свога у Абдери био.

Намѣреніе caballe Госпоже Салабанде ишло э между тымъ храбро своимъ путемъ, и слѣдующега ютра био э већь цѣли градъ съ тимъ гласомъ пунъ, страни стїхотворецъ хоће съ своимъ содружествомъ едну Комедію вовести, какову у Абдери їошт̀ъ никада видѣли нису.

Био э дакле совѣтални данъ. Господа скупиласусе, и питао э еданъ другога, кадѣе Евріпідъ свою Комедїу предстивити? Ни еданъ нїе хтео о томъ ништа знати, хотя э сваки полно увѣравао, дасу већь приправлѣнія къ тому уређенна.

Кадъ э Архонъ вещь ову у предлогъ спавїо, ополчилилисусе пріятели Номофїлакса весма о томъ. „ Къ чему требуете насъ питати, реклису они; хоћемоли мы дозволѣти оно, што э већь заключенно, и

о чему сватко, као о едной вѣчь совершенной вещи, говоритъ? „

Еданъ отъ найжешћихъ утверждавао э, даће сенатъ башъ тога риди Не, къ тому рећи, да бы съ тимъ показао, да э онъ Гопсодарь.

„ То бы мени красанъ предлогъ было, повикао э цехмайсторъ Фріме; кадъ э вѣчь цѣли градъ къ той вещи приуготовлѣнъ и стране Комедїанте чути желитъ, то дакле сенатъ къ тому Не, да скажетъ. Я башъ противочастїе утверждавамъ. И башъ зато, што народъ ны чути желитъ, нека свободно играютъ! Fox populus, Fox Deus, гласъ народа гласъ Бога! то э свагда моя простота была, и нека останетъ, доклесе годъ я началникъ занята звати будемъ!

Боля частъ придружилосе къ страни цехмайстора. Полїтїчни Совѣтникъ сажимао э рамени, говорїо э за и противъ, и заключїо э на послѣдокъ, кадъ не бы Номофїлаксъ при томъ ништа упоменути имао, то мыслитъ онъ, могло бисе дакле за садашни кратъ connivendo учинити дати, да бысу странни на градскомъ Θеатру играли.

Но-

— Номофїлаксъ э до садъ само носъ чачкао, букао, бркъ свой гладїо и нѣкое прешергнуте рѣчи съ помешанимъ Хе, Хе, Хе мумлао. Онъ нїе радъ зато видѣнъ быши, да бы нѣму до тога што было вещь ову прекратити. Али колико э выше онъ то сакрити хотео, толико э већма онъ у очи падао. Онсе башъ видимо надуо, како годъ дебели копунъ, коему се предъ очима червена чоха держитъ, и напослѣдокъ кадъ э већь пући или говорити морао, рекао э онъ: Та Господа могутъ вѣровати, што имъ драго — али доисша ясамъ первi, коисамъ ту нову часть чути радъ. Безъ сумнѣ валя да э стїхотворацъ текстъ и музїку самъ сочинїо, пакъ то мора онда полно чудо быти. Но между тимъ: ербо се онъ задержавати не можетъ, како што сказаютъ, то не видимъ я, како ћесе съ декорацїами готово быти моћи. И ако мы за музїку наше люде дати имамо, како што се и надати тому то сожалуемъ да сказати морамъ, преће 14тъ дана не валя ни мыслити на то. „

Зато даћемо мы Еврїпїду спаратисе, рекао э еданъ отъ онихъ отцевъ, изъ коего э гортана гласъ Госпоже Салабанде говорїо; нѣму ћесе и безъ тога чести ради цѣло

у-

управлѣнїе нѣгове игре предати морати — Правамъ временога Номофїлакса и Θеатралне Коммїсїе непредосуждаемо (или невредимо) рекао э Архонъ къ тому.

„ Ясамъ съ свимъ удоволянъ, рекао э Грїллусъ; Господа захтеваю што годь ново — добро! я желимъ да блогопрїятно будетъ! есамъ и самъ любопитливъ ову вещь чути, како што э сказано. Али всячески све само и нато долазитъ; имадемо-ли тима людма вѣру — Размѣвателн Вы мене? — Но между тимъ хоће Право Право, и музїка музїка остати; и ябисе зато ставїо, што Господа захтеваю, троегласїе и пятогласїе и осмогласїе Господе Аθинянновъ хоћеду башъ онако, како годъ и наше звечати, Хе, Хе, Хе, Хе! „

Есть дакле съ множествомъ вотумовъ совершено, „ да странимъ Комедїантомъ semel pro semper и citra Consequentiam дозволѣно быти мора едну Трагедїу у народнѣму Θеатру произвести, и да ныма къ тому отъ стране Θеатралне депутацїе свака помощь учинѣнна и трошкови изъ кассе изставитисе имуть. „ Али, будући да рѣчь ова дозволѣно быти имать Еврїпїду, кои ништа захтевао нїе, него себе само намолити дао, могло э соблазителна быти: то уредила

дила э Госпожа Салабанда, да Совѣтални писарь, кои э нѣзинь особни пріятель равнѣ и служитель быо, у извѣту ове рѣчи: дозволѣно быти да имать, намолѣнь быо поставити быти имуть, и страни Комедіанти дасе у Еврїпїда премѣнуть — Све проче заключенію совѣталному, и канцелларіе непредосуждаемо citra conſequentiam!

Кадсе Сенатъ разышао, отишао э Номофїлаксь кь Еврїпїду, напуніо э нѣга съ Комплїменти, отдаосе на службу нѣму, и увѣріога э, даѣ нѣму свака возможна помощь отдана быти, да бы нѣгова нова Комедіа што скорїе воведена быти могла. Дѣйство овога увѣренія было э, дасу нѣму, и то да на томь ништко кривицу имати нїе хтео, сва возможна припятствія у путь составлѣна была, и да э свагда на оному недостаяло, што э онь нуждно потребовао. Ако се онь потужїо, то э нѣга све еданъ кь другому отсилао — и свакій э свою невиность и свою добру волю потверждавао, даюћи сасвимь ясно разумѣти, да погрѣшка само у овому или оному лежитъ, кои э башъ преће едне четверти часа свою добру волю тако крѣпко потверждавао.

Ев-

Еврїпїдъ нашао э оваи Абдеритскіи начинъ, сваку возможну помоцъ чинити, шако тяготанъ, дасе онъ нїе удержати могао Госпожи Салабанди трећега ютра изясними; да э нѣгово мнѣнїе себе съ первимъ вѣтромъ, хотя бы онъ дувао отъ куда му драго, опетъ на лађу сѣсти, ако она совѣтално заключенїе не издѣиствуетъ, коеће Господамъ отъ Коммїсїе заповѣдити, нѣму никакове помоћи отдавати. Ербо Архонъ, колико э своиствено цѣла и полна власть отъ нѣга зависила, нїе никакови полновластни мужъ быо, то э было дякле едно точїю средство у овои нужди Цехмаистора Фрїму и священника Штробила, кои су кодъ народа све возмогавали, у движенїе ставити (подбунити). Салабанда предузела э обадвое съ таковимъ добримъ дѣиствомъ, да э за еданъ данъ и ноцъ, зашто се іошпъ отъ стране Ѳеатралне Коммїсїе бринути морало, приправно и готово было, коесе іошъ и много лакше случити могло, ербо э Еврїпїдъ свое собствене Декорацїе (Ѳеатра премѣне) кодъ себе имао, и скоро далѣ ништа више чинити нїе было, нежели ны за Абдеритски Ѳеатеръ скроити.

ГЛА.

ГЛАВА ЕДАНАЕСТАЯ.

Андромида Еврїпїдова бываетъ наипослѣ противо свїю прилятствїяхъ отъ нѣговога собственога содружества воведенна. Чрезвичаино чувствованїе Абдеритовъ съ нѣкомъ Digresion *напредкомъ — помежду наибогато наученїе овога цѣлога предмѣта или повѣсти принадлежитъ и дакле такожде башъ отнюдъ ни отъ хакове ползе быти неѣе.*

Абдерити очекавалису дакле еданъ нови предмѣтъ, и были су неудоволни, кадсу чули, да э то она иста Андромида, кою су они преѣе толико дана видѣти и чути мыслили. Іоштъ манѣ хтелису ныма страни Актери съ почетка извѣстити, коихъ э гласъ и произношеніе тако естественъ быо, дасу ови добри люди — навикнувши ныне юнаке и юначкинѣ како годъ бѣснуеме скакаюѣе гледати, и вичуѣе чути како годъ уязвлени Марсъ у Іліади — отнюдъ знали нису, штоѣеду они изъ тога чинити. То э нѣки чудноватн начинъ играти, шапталису они еданъ другому; непримѣчавасе башъ ништа, да смо у Θеатру; све идетъ

онако

онако порядочно, како дабы они люди ныне собствене ролле (дѣиствїя) играли.

Но между тимъ показалису они опетъ свое удивленіе о премѣнамъ Θеатра, коесу у Аθини отъ нѣкоего славнаго майстора у Θеатралному вкусу изображене быле; и будуѣи да многи цѣлога живота свога ништа доброга у овому начину видѣли нису; мыслили су себе обчинѣнимъ быти, кадсу они брегъ моря, печину, гдѣ э Андромида пригвождена была, и лѣсъ Нереидовъ на еднои малои отоки, на еднои страни, и палату Краля Сефеуса у отдалѣнїю на другои, тако естественo предъ собомъ видѣли, дасусе они еданъ другому заклиняли, да э то све башъ дѣиствително и истино тако, како годъ што э овде представлѣно. А будуѣи да э музїка іоштъ и преко тога, совершено по разуму стїхотворца, и дакле све оно была, што музїка Номофїлакса Гриллуса ніе была; и будуѣи да э она свагда у сердцамъ дѣиствовала, и несматраюѣи наивеѣе простоте, и пѣваемога начина, опетъ свагда нова и удивляема была; то произвело э дакле све ово съ животностїю и истинимъ исказиванѣмъ и пантомїмїомъ, и съ красотомъ гласовъ и предлога нѣки степенъ преваре кодъ добрихъ Абдеритовъ, какову они іоштъ никада

када ни у каковои Комедїи искусили нису. Они су сасвимъ заборавали, дасу они у ныному народнѣму Ѳеатру сѣдили; мыслилису непримѣтително у среди дѣиствителне сцене дѣиствованїя быти, узимали су участіе о щастїю и нещастїю дѣиствуемихъ лицъ, како дабы они ныни наиближни сродницы были, печалилисусе и утѣснявали, надалисе и боялисе, любилису и злобилису, плакалису и смѣялисусе, како штосе волшебнику, подъ коегосу властїю они стаяли, произволевало, — кратко, Андромеда дѣиствовала э тако чрезвичаино у ныма, да э Еѵрїпїдъ самъ сказао, да онъ їоштъ никада отъ своихъ едну овакову совершену чувствителность нїе уживао.

Молимо — подъ вмѣстителномъ — чувствителне женице и младиће наше отъ саме чувствителности крайнѣ неощущаемаго времена весма за опрощенїе! — али доиста нїе наше мнѣнїе было овимъ потезомъ чрезвычайнога чувствованїя Абдеритовъ — нима какови ударацъ дати — и равно съ тимъ нѣку сумню спроћу ныпога доброга разума кодъ ны самихъ или кодъ други люди пробудити. — Съ цѣлимъ постоянствомъ, мы вещь само онако како што се случила, сказуемо; и кога овакова

чрезвычайна чувственность Абдеритовъ устрашава, тога любезно молимо — разсудити, дасу они, кодъ свега нынога Абдеритства, на послѣдокъ опетъ люди были како годь и други; есть, у извѣстному разуму само іоштъ и выше люди — колико су выше они Абдерити были. Ербо э башъ управо ныне Абдеритство чинило, да э башъ тако лако было ны преварити, како годь птице, кое сусе у моловано грожће Зевксово прилепиле, ербо су они себе свакому пріятію, особито красотамъ художества много не предувѣщателніе и простосердчніе одавали, нежели утоичани и хладни, слѣдователно такожде разумни люди быти обычествовали, нежели, кое тако ласно препятсвовати не можемо, крозъ сваку волшебну пару, коя се окрестъ ны испуститъ, провидѣти.

Далѣ сочинитель ове повѣсти чинитъ овде примѣчаніе: велика уредба Абдеритовъ себе опъ художествь мечтанія сили и подражанія превести дати, ніе башъ оно исто, што онъ найманѣ у ныма любитъ. Онъ э могао обаче къ тому свое особне причине имати.

Доиста стіхотворцы, пѣвцы, иконописцы, каковому просвѣщенному и у-

тон-

тончаному обществу, на противъ тога хрђава играчка и башъ мечтаемыхъ познавателемъ, кои между каковимъ обществомъ свагда найвећу частъ чинятъ, есть найтеже угодити. На мѣсто дѣйствія мирно держатисе, чинитсе све, што се можетъ, да бы ны воспятствовали. На мѣсто оно уживати, што э овде, хнатится о томъ, што бы овде быти могло. На мѣсто што бы себе къ предмѣту склонили *) гдѣ уничтоженіе волшебника ни чему служити можетъ, нежели насъ каковога услажденія лишити; ставлясе, я не знамъ, какова дѣтинска честь у тому; філозофа у не време чинити, принуждава онде смѣятисе гдѣ люди, кои се своему природному чувству предадутъ, сузе у очію имутъ, и гдѣ се ови смѣютъ носъ чачкати, и себи съ тимъ честь давати, аки да су они ячи или у тончанїи или наученїи, да бы себе отъ че-

*) То се отъ само себе разумѣва, да э стіхотвораць свое учинити морао, да бы красоту содѣиствовао и содержавао; ербо онъ иначе не имать никаково право отъ насъ захтевати, дабы мы нѣму за любовь чинили, аки да мы видимо оно, што онъ нами не указуетъ, чувствуемо оно, што онъ нами чувствовати не даетъ. и. т. д.

га таковога изъ свога равномѣрія истави-
ти дали.

Али такожде истини познаватели о-
горчаваю себи сами уживаніе, коебису они
отъ тысящу вещеи, коесу по нынему на-
чину добре, имати могли, съ сравненіемъ
таковихъ съ вещми другога начина; сра-
вненія, коясу наивише неправедна и свагда-
су противо наше собствение користи.
Ербо она што припомъ наша суета доби
ва,-каково услажденіе презирати есть сва-
гда само ядань сѣнъ, за коимъ мы копка-
мо, ербосе насъ башъ право дотиче.

Налазимо дакле, да это свагда меж-
ду суровими людми было, гдѣсу синови
Науке Бога она велика чудеса творили, о
коима се іоштъ свагда говоритъ, незнаю-
ћи право шпосе сказуетъ. Шуме у Ѳра-
кіи игралесу спроћу гайда Орфеона, и ди-
вїи звѣрови умилявалисусе около нѣгови
ногахъ, не зашо што э онъ полубогъ быо,
него штосу Ѳракіяне — медведи были;
ніе зато што э онъ верху человѣка пѣ-
вао, него штосу нѣгови слышатели како
наги естества человѣцы слушали; Кратко,
изъ ове исте причине, зашло су (по Фор-
штерову извѣстію:) Шопландске гайде о-
не добре душе Тахіта у радоспь ставляле.

Упо-

Употреблѣніе овога не весма новога, али искушанога примѣчанія, коесе многократно чуло, и опетсе скоро свагда изъ позорства ставля, хоће благосклони читатель самъ учинити, акомусе само соизволѣва. Наша собственна совѣсть хоће намъ сказати, коликосмо мы у другима вещма више или манѣ Ѳракіяне и Абдерити: али кадбысмо мы само у овому единому пункту были, то бы іоштъ болѣ за насъ — и такожде всячески за болшу честь нашихъ поетическихъ гайдашевъ быти могло.

ГЛАВА ДВАЕСТАЯ

Како э цѣла Абдера о чуду и радости, о Андромеди Еѵріпідовой будаломъ постала. Філософопрактическое искушеніе о овому рѣдкому начину занешенія, коесе кодъ старихъ вообще Абдеритски болесть називало повѣстемъ писателеи понизно присвоенно.

Кадъ э завѣса спущенна была, гледалису Абдерити іоштъ свагда съ отворенимъ окомъ и устма на позорище онамо; и толико э велико ныно увеселеніе было, да они не само штосу нынъ обыкновнни вопросъ, каковамсе допала ова часть, заборовили, него-

гобису їоштъ и клепшанѣ заборавили были, кадъ не бы Салабанда и Онолаи (коису кодъ обще тихости наипре опетъ къ себи дошли) скоро овому недостатку помогли, и съ тимъ посрамлѣніе своихъ сограждановъ ущадѣли, башъ у право первый кратъ, гдѣсу они башъ причину къ тому имали, не клепшали. Али зато прибалисуви они оно пренебрегнуто съ лихвомъ. Ербо абіе како э почетакъ веħь учинѣнъ быо, было э тако ясно и толико дуго клепшано, докле нитко веħь руку свои чувствовао ніе Они, кои веħь нису могли, почивалису еданъ часъ, паксу опетъ започели їоштъ болѣ, доклесу они отъ другихъ, коису между тимъ отпочивали, измѣнени были. Пакъ їоштъ ніе само кодъ овога мятежнога проторгнутія ныне похвале остало. Добре Абдериткннѣ былесу тако напунѣне отъ онога, штосу оне чуле и видѣле, дасу оне себе принуждене видѣле чувствованію ныному їоштъ и на други начинъ одушку учинити. Многесу идуħи дома на явнихъ улицахъ стоеħе остале, и пѣвалесу гласно нѣка мѣста изъ части, отъ коихсу оне наикрѣплше возбуждене быле. Друге, кодъ коихъ се страсть толико высоко дигла была, дасу оне пѣвати

морале

морале, започелесу баш пѣвати, и повиторилесу, добро или хрђаво, штосу оне изъ наилепшихъ Аріахъ у памети содержале. Непримѣчаемо постала э, како што кодъ оваковихъ случаевъ бывати обычествуетъ, болесть всеобща; нѣка волшебница являласе жездъ свсй верху Абдере прострети, и све нѣзине жителѣ у Комедіанте и пѣвце премѣнити. Све што э годъ пару имало, говорило э, пѣвало э, траликало э, у тамбуру ударало, и свирало, трезвенствующи и спаваюћи, многе дневе ништа друго не жели мѣста изъ Андромеде Еврипідове, гдѣсе годъ дошло, чуласе велика арія — О ты боговъ и человѣковъ владатѣлю Аморе! и: т: д: и она э была толико дуго пѣвана, докле годъ отъ началне Мелодіе више ништа остало ніе, и занатлинска момчадъ, на кое э она вѣчь наилосльѣ дошла, пѣвалису ню ноћію по сокацы своимъ собственнимъ гласомъ.

Кадъ небы совѣтъ како и многи други, консе нами отъ мудрихъ даютъ, само ову едну погрѣшку учиніо, коя употребляема ніе была, то бысмо мы поспѣшили, коликобисмо годъ могли, свима людма совѣтъ дапи, никада ни гдѣ ни отъ каковога приключенія, кое ныма сказивано будетъ,

ни

ни едне рѣчи вѣровати. Ербо неизбросниа искуства, коясмо мы о томъ више нежели 30 лѣтъ чинили, ecy насъ увѣрила, да у свима сваковима повѣстма порядочнимъ начиномъ ни една рѣчь истинита ніе; и мы себе съ цѣломъ постоянстію ни еднога случая опеменути знадемо, гдѣ вещь какова, коликосе она текаръ преће нѣколико часовъ случила, не бы отъ свакога, кои ѳ ню исказао другоячіе, и дакле (ербр ѳ вещь какова само еднимъ начиномъ истинита) отъ свакога ложна изказана была.

Будући да ово союзъ съ вещма имать, коесусе у наше време, и на мѣсту нашега пребивалища, и скоро предъ нашима быстрима очима догодиле: тосе давле лако измѣнити можетъ, како съ Историческомъ вѣрностію, и вѣроятностію оваковихъ приключеніяхъ стаяти мора, коесусе вечь давновремено случиле, и закое мы никакове друге обране не имамо, нежели што ѳ нами отъ тога у рукописнима или штампанима книгама понятно учинено. Нека мили Богъ знадетъ, како они овде нищей честнои истини играчку чинятъ, и што отъ нѣ іоштъ остати можетъ, кадъ она чрезъ 2: пара тысящъ година дуго съ свими оболстѣній средствами отъ преданіяхъ,

Кро-

Кроникахъ, (лѣтописахъ), прагматическихъ повѣстеи, краткихъ содержанїяхъ Історическихъ рѣчниковъ, повѣстей собранїяхъ и: т: д: и чревъ тако многе опране и неопране руке отъ писаровъ и преписаровъ, слагателевъ и преводчиковъ, Цензоровъ и Корректоровъ протресателеи изплакана и исцеѣена есть! Я отъ мое стране есамъ опаснимъ разсмотренїемъ овихъ обстоятелствъ веѣь давно возбужденъ бью еданъ обѣтъ учинити, никакове друге повѣсти писати, нежели о лицамъ о коихъ бытїю — и о приключенїяцъ о коихъ истинности — никому на свѣту штогодъ дотицаемо быти можетъ.

Што э мени къ овому малому изводу поводъ дало, есть башъ управо оно приключенїе, кое мы предъ собомъ имадемо, и кое отъ разнихъ писателей, кои о ныма упоминанїе чинятъ, тако редко поступлѣно и злоставлѣно есть, како што себи добросердечни ништа соблазнително мислящи читатель едва представити можетъ

Ево дакле на примѣръ оваи Іорїкъ, оваи изобрѣтатель, отацъ, протопластусъ и прототїпусъ свїю чувствителнихъ путешествїяхъ, и чувствителнихъ путниковъ, коису безъ кесе и жепа, есть неиз-

де-

дераюћи башъ ни еданъ паръ читавихъ подплатахъ, чувствителна путешесшвїя, кто знадетъ камо, само у тому намѣренїю учинили, съ таковихъ описанїемъ нынь пива и дувана хесанъ попунити — я говоримъ, ево дакле овде овай Iорікъ, кои э, да бы прилични Капїпалъ у своему славному повседневнику изъ тога учинїо, ово исто приключенїе тако исто управїо, да э оно, истина, тако особно и чудесно, како годъ какова волшебства повѣстъ постало, али такожде преко тога сву нѣзину нераздѣлну истину, и башъ сву Абдеритску фамилїярну подобность изгубила.

Слушаите само! — „ градъ Абдера (говоритъ онъ) быо э наипогани и наибезбожнїи градъ у цѣлои Ѳракїи — кипїо э и вервїо отъ отровниковъ, Ребелїантовъ, убійцахъ, поругателевъ „ писателеи, поношенїяхъ и мятежа. Кодъ свѣтлога дана ніе никто свога живота безопасанъ быо; а нощїю было э їошть горе. Случилосе (говоритъ онъ далѣ:) кадсе мерзость на наивиши степень попела была, да се у Абдери Андромеда Еврїпїдова представила. Она насе допала свимъ позорствующимъ; али изъ свїю мѣстахъ, коясу се народу допала, нису никакова крѣпше на свою имагинацїу

(ме-

(мечтаніе:) дѣиствовала, нежели нѣжне естества потезе, коихъ э стїхотворацъ у тужителну бесѣду Персеуса уткао — О ты боговъ и человѣковъ владателю, Аморе!

Цѣли свѣтъ нїе сутра данъ ни у чему, нежели у стїхови бесѣдїю, ни отъ чега другога, нежели отъ возбудителнаго слова Персеусова: О Аморе, ты боговъ и человѣковъ владѣтелю! *) — У свакому сокаку у Абдери, у свакому дому: О Аморъ, О Аморъ! — у свакима устма и. т. д. ништа друго нежели: О ты боговъ и человѣковъ владѣтелю! Аморъ вапра запалила э около себе, и цѣли градъ равань серацу еднога единаго человѣка, отворїосе къ любви Никакови Дрогїетъ нїесе могао едне ките кїявицекореня куртализати — ни

еданъ

---

*) Искренно говорећи, ован есть само единъ возбудителни у цѣлому сочиненїю слова Персеова, кои э случаинимъ начиномъ їоштъ овде, како што наши Грчески знаюци читатели сами разсудити могутъ — Ербо рѣчи овако гласятъ:

Αλ' ὦ Τυραννε Θεῶν τε καὶ ἀνθρώπων Ἔσω
Η μη διδασκε τα κακα φαινεσθαι καλα
Η τοῖς ἔρωσιν, ὧν συ διμιυργὸς ει,
Μοχθοισι μοχθος ευτυχως συνεστωσα κ.

еданъ ковачъ нїе имао сердца ни еданъ комадъ халата за смерть сковати — дружество и добродѣтель сусрѣталисусе на улицахъ, златая древность повратиласе на трагъ, и трептала э верху града Абдере. Свакїй Абдеритъ узео э свою палицу и свака Абдериткиня оставила э свое пурпура тканѣ, и ставиласе невинно и слушала на пѣснь. „

Воистину еданъ лепъ Капїталчичъ! сви млади отроцы и дѣвоичице нашлису то за красно — „ О Аморе! Аморе! ты боговъ и человѣковъ властителю, Аморе! — И да э само еданъ стїхъ изъ Еѵрїпїда — еданъ стїхъ, како што истино — кодъ обадвои ушесъ Краля Мїдаса! — наимани изъ между вашихъ тростеи пѣвцевъ себи свакога часа двадесетъ на еднои нози стояще учинити усудитися можетъ — чудо бы дѣиствовати морао — да сви священницы, пророцы и мудри цѣлога свѣта съ совокупномъ рукомъ нису у состоянїю были само цигло еданъ кратъ содѣиствовати — чудо, овако едну срамну и Богозаборавлѣну Республику, како што да э Абдера была, на еданъ кратъ, у едну невину любвеполну Аркадїу премѣнити — Ово всячески допадасе весма гладкодлакимъ чувствителнимъ, красно-

клю-

клюнатимъ горличицама и горличићемъ! само шкода, како што э речено, да у цѣлои Исторіи, како што братъ Іорікъ сказуетъ, ни една истинна рѣчь ніе.

Цѣло таинство естъ: оваи чудноватн человѣкъ быо э залюблѣнъ, кадъ э онъ себи све ово замисліо, и тако дакле писао э (како што свакому залюблѣному віртуозу, на штапулахъ яшіоцу и мѣсячному риперу поћи обычествуетъ) све, што э онъ себи замисліо и мечтао за праву истину. Само то ніе лепо отъ нѣга, да э онъ, дабы своему тѣлесному Идолу и волшебнику Амору еданъ іоштъ већи Компліментъ учиніо — о сиромахма Абдеритми наигоре сказао, што се отъ человѣка замислити и сказати можетъ. Али нека сва цѣла Греческа и Римска древность устанетъ и освѣдочитъ, ели икада што годъ таково на ове добре люде донешено было! Они су всячески имали, како што знадемо, ныне нрави и ћуди, и штосе у своиственному разуму остроуміе и мудрость именуетъ, ніе никада нына вещь была; али градъ нынъ тога ради за едну убиственну яму учинити, то нѣшто мало предѣле познане стіхотворцевъ своболе прелазитъ, коя једно тако велико мятежа мѣсто ніози іоштъ свагда приказати-

се

се хоће) опетъ на концу како годъ и све друге вещи на свѣту, свое предѣле имати мора.

Лукіанъ отъ Самосате у вступлѣнію свое славне книжице, како се повѣстъ писати мора — кадсе можетъ, сказуетъ ову вещь сасвимъ другоячіе, колико съ нѣговимъ дозволеніемъ, не много исправніе нежели Іорікъ. Онъ э морао, како што се видитъ, штогодъ о Кралю Архелау, и о Андромеди Еврїпїда и о рѣдкой раскошности, коя э Абдерите преобладала была, чути, и дасу вѣкъ наипослѣ принуждени были Хїпократа на помощь позвати, да бы онъ опетъ све у Абдери у стари обычай ставити могао, — ето садсе видитъ, како овай мужъ све едно съ другимъ баца! — Комедіантъ Архелай (кои э онда толико было, како кадсе кодъ насъ Брохманъ или Шретеръ или ne vous de déplaite, или нѣмецки Гаррікъ рекнетъ) овай Архелай дошао э у време Краля Лісїмаха у Абдеру и вовео э Андромеду Еврїпїдову Абдеритомъ. Было э башъ чрезвычайно топли лѣтни данъ. Солнце палило э Абдерите по главамъ, кои су доиста и безъ тога доволно топли были. Цѣли градъ донео э нѣку люту грозницу изъ Комедіе дома. Седми

данъ

данъ прешла э кодъ многихъ ова болесть или наглимъ на носъ теченіемъ крви или якимъ зноїомъ; но спроћу тога остао э ныма нѣки рѣдки начинъ случая отъ тога на трагу. Ербо како э грозница прошла, напало э ны свію вообще нѣкое непротивоборно усилѣніе трагїческе стїхове правити. Онису бесѣдили све у самими стїхови, викалису, гдѣ су стаяли и ходили, изъ свега грла цѣле тїраде изъ Андромеде, пѣвалису дѣйство Персеуса „ и т: д:

Лукїанъ своимъ поношенія обычаемъ чинитъ себе весма весела съ тимъ предложеніемъ, како э лудо то изгледати морало, све сокаке у Абдери отъ блѣдихъ, спласнутихъ и отъ седмодневне грознице изможенихъ Трагїкера кипяще видѣти, коису изъ своихъ тѣлесныхъ крѣпостей, „ Али ты, боговъ и человѣковъ властителю Аморе, „ и. т д. пѣвали; и онъ увѣрава, да э ова Епїдемїа толико дуго траяла, докле годь ніе зима и нѣке нападша студень овому злу найпослѣ конаць учинила.

Исповѣстисе мора, Лукїановъ начинъ вступлѣнія исказати, имать отъ Іорїкова много више напредъ. Ербо колико э рѣдко ова Абдеритска грозница чинитисе могла, то ћеду они опетъ сви врачи исповѣсти, да э найманѣ можно было, и сви стїхотворцы, да то Карактеру сходно есть. Дакле то толико значитъ што Італїани о томъ бесѣдити обичествуютъ, Se non é vero é ben trovato. Али истина всячески ніе, како што се изъ овога едногa

об-

обстоятелства видитъ, да у оно време, кадсе ово приключеніе у Абдери случити имало, свойственно никакове Абдере више ніе было, ербо сусе Абдерити већъ нѣколико година предъ тимъ изселили и отишли были, и градъ ніовъ жабамъ и парцовомъ предати морали.

Кратко, вещь ова случиласе, како што смо мы ню описали; и акосе Пароксісмусъ, кои э Абдерите послѣ Андромеде Еврипідове напао, грозницомъ низвати хоѣе, то она наимањѣ никаковога другога начина ніе была, нежели Комедіе грозница, съ коиомъ мы до данашнѣга дана многе градове нашега драгоцѣнога Нѣмецкога отечества обтереѣене видимо. Ово зло ніе толико у крви, колико э оно у Абдеритству ови добри люди вообще лежало.

Но между тымъ отрицати неваля, да э то кодъ нѣкои, кодъ ныхъ э то више упалѣнія и кормлѣнія нежели кодъ другихъ наѣи могло, доволно постояно постало, дабы оно врача требовало, — изъ чега э безъ сумнѣ у слѣдству заблюжденіе Лукіаново пронзиѣи могло ову цѣлу вещъ за едну вруѣичину держати. На срећу находіосе Хіпократъ іоштъ наблизу; и будуѣи да э онъ нрави Абдеритовъ доста доволно познати научіо, то э нѣколико фунти кіявще кореня све опетъ у кратко у спаро станѣ ставило. — Абдерити престалису; „О ты боговъ и человѣковъ владѣителю, Аморе! „ пѣвати, и постали садъ опетъ вообще и воособъ — тако мудри, како годъ и преѣе.

БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 Ср II 164/1.1